

1113
НАРЫМСКИЙ КРАЙ.

Составилъ Жн. Н. Костровъ.

—
ТОМСКЪ

Въ Типографіи Губернского Правленія

1872

Печатано съ дозволенія цензуры 20 Іюля 1872 года.

532/38 ✓

I.

Нарымский край принадлежит къ числу обширныхъ, но малоаселенныхъ жѣстностей Сибири.

Составная часть Томского округа, Нарымский край занимаетъ пространство, находящееся между 61° и 58° с. ш. и 91° и 103° в. д. По приблизительному исчислению, вся площасть этого пространства равняется 186-т. кв. верстъ. Это самая съверная окончность Томской губерніи.

Нарымский край съ съвера прилегаетъ къ Верхозовскому округу Тобольской губерніи, отдѣляясь отъ него уроцищемъ, называемымъ Власковъ - Одръ; съ съверо-востока къ Енисейскому округу Енисейской губерніи; съ юго-запада къ Кайнскому округу Томской и Тарской Тобольской губерніи; на конецъ, съ юга границей его собственно съ Томскимъ округомъ составляетъ инородческое стойбище - Водяныя юрты.

Нарымъ или Нерымъ, по удостовѣрѣнію Миллера, на ос-
тицкомъ языке означаетъ болото и это название довольно
вѣрно характеризуетъ всю жѣстность этого края.

Горь на всемъ пространствѣ Нарымскаго края вѣть, кроме уваловъ и береговыхъ утесовъ по р. р. Оби, Кети и Дасть - Югану. Эти ували и утесы простираются не цѣпами, а идутъ перекинчками: на вѣсѣлько верстъ тянется утесъ, а потомъ пересѣкается плоскостями равнинъ, луговъ, лѣсовъ или поко-
вательми сухими и водными болотами.

Все пространство края представляетъ огромную котлови-
ну, покрытую непроходимыми болотами, озерами и перерѣзан-
ную множествомъ рѣкъ разной величины. Главный бассейнъ
водъ заключаетъ въ себѣ рѣка Обь. Она перерѣзываетъ Нарым-
ский край на двѣ полосы: на Восточную и Западную.

Восточная полоса Нарымского края преимущественно покрыта сплошными болотами, сосновыми, кедровыми, частично еловыми, пихтовыми и лиственничными лесами, и местными жителями называется *Болотной стороной Оби*; а Западная сторона, имеющая более озер и покрытая преимущественно пихтовыми, кедровыми и только частично сосновыми лесами, называется *Серого стороны*.

Низкие берега Оби и притоков ее, покрытые березовыми, синовыми и таловыми лесами, каждогодно затопляются весеннею водою. Туземцы называют их *Сорами*.

Такъ какъ реки постоянно подмывают берега въ своихъ изгибахъ, а противоположные изгибы берега отъ этого обрастаютъ отмелы, то реки и отходятъ съ течениемъ времени все выше и выше отъ первоначального своего, русла и оставляютъ ось себѣ плоскія равнинныя, которыхъ впослѣдствіи, зарастаютъ лыникомъ и другимъ кустарникомъ, перестаютъ каждогодно заливаться весеннею водою. Этъ-то места туземцы и называютъ *Сорами*. Соры въ некоторыхъ местахъ на Оби простираются на естаки версты; нѣрѣко на нихъ замѣтны возвышенности: то, нужно полагать, острова, которые произведены дѣятельностью воды. Слово же *Соръ*, кажется туземцы взяли съ того, что вѣнчено водою на нихъ наносить много глины—валежнику.

Что такое Обь? Одна изъ самыхъ безотрадныхъ рекъ единаго мира, говорятъ немногие европейскіе путешественники, идущіе, какъ, катятся грязныя воды этой реки: "дикіе однообразные берега ея состоятъ изъ болотъ, невоздѣланныхъ поѣй, сухаго тальника и тощихъ пихтовыхъ лѣсовъ, а изъ живыхъ существъ рѣдко встрѣтишь что, вѣбуйте, кроме журавлей, усей и дикихъ утокъ. После самаго короткаго знакомства съ той рекой, все думаешь, какъ бы поскорѣе уйти отъ нея."

Если же мы обратимся съ вопросомъ: что такое Обь,—къ родившемуся въ этой странѣ русскому, то онъ отвѣтитъ, что Обь—наша мать—корнилица, а сѣй Остакъ, сидящий на югѣ, на тѣтѣ же вопросъ отвѣтитъ слѣдующими похвальными словами: "Обь—это богъ, котораго мы чтимъ больше всѣхъ другихъ боговъ." Въ самомъ дѣлѣ, у Томскихъ Самоходовъ Обь называется *Колда*, т. е. духъ, душа.

море въ лѣтнюю раннюю зорю, а течетъ отъ Бухар-Семи, съ правой стороны". Она перерѣзываетъ Нарымскій протяжени 300 верстъ.

Неограниченная берегами, подняла поверхность реки представляется взору ни какого разнообразия, кроме лѣсныхъ островковъ и небольшихъ деревень да группъ деревесныхъ вѣтвей, выхodящихъ изъ воды. Вода Оби мутна отъ песчано-иловатыхъ береговъ, которые постоянно обрываются быстрою водою и обваливаются въ реку съ растущимъ на нихъ лѣсомъ. Отъ этого русло Оби почти все занято валежникомъ и дѣлается малосообщимъ къ неводной рыбопромышленности. Въ то же время берегъ, противоположный яру, образуетъ длинныя песчаныя отмѣлы, образующія волнистыя косы и заструги, простирающія судоходству и по туземному называемыя *песками*. Изгибъ реки вообще туземцы называютъ *плесами*, *мысами*, отдѣленный горизонтъ называютъ *видомъ*. Изгибы на Оби, начиная отъ 5 до 6, верстъ, а есть отъ 20 до 40 верстъ.

Глубина Оби въ Нарымскомъ краѣ простирается отъ 1 до 20 сажень, а ширина отъ 200 до 500 сажень.

Слабый песчаный грунтъ не можетъ удерживать сильныхъ напора воды, часто размывается быстротою и отъ этого Оби выѣть множество острововъ и протокъ, изъ которыхъ послѣднія бываютъ разныхъ направлений и протяженій. Острова появляются, то исчезаютъ и образуютъ въ другихъ мѣстахъ. Вичевники по Оби весьма затруднительны не только для мелкихъ судовъ, но и для большихъ судовъ, которымъ, благодаря ширинѣ на Оби совершенно выводятся.

Быстрая течения Оби приблизительно можетъ быть определена такъ: лодка, предоставленная сама себѣ, проплываетъ отъ 80 до 100 верстъ въ сутки.

Главнѣѣ притоки Оби на пространствѣ Нарымской земли—съ правой стороны Кеть и Тымъ, съ лѣвой Вась—юганъ и Парабель.

Кеть (по Остапки Пуни) берегъ началъ въ Енисейской губерніи и округѣ, изъ Кемчугскихъ горъ,—по рассказамъ инородцевъ, изъ какого-то обширнаго болота, называемаго

юмарныхъ. Вскорѣ послѣ выхода изъ Кемчугскихъ горъ, Кеть ступаетъ въ мѣстность ровную, болотистую, большемъ частю окрытую лѣсомъ и неудобную для хлѣбонашествія. Направляясь постоянно къ западу и пробѣгая до 350 верстъ, она впадаетъ въ Обь двумя устьями, кромѣ другихъ мѣлкихъ протокъ. Первое устье находится выше города Нарымы (но старинному змѣренію 700 саженъ, верстами) въ 110 верстахъ при сѣль огурскомъ; второе устье выше этого города въ одной верстѣ. ромѣ этихъ устьевъ, есть Кетскія протоки, впадающіе въ Обь, далеко отъ юртъ Сайгадуковыхъ. Всѣ устья, кромѣ Нарымаго, нельзя считать правильными, коренными, потому что некоторые изъ нихъ, по убыли весенней воды, высыхаютъ, пѣтры метѣются, а тогурское устье осеню принимаетъ обратное теченіе, т. е. изъ Оби въ Кету.

Ширина Кети ниже главныхъ притоковъ ея - Лисицы и рѣвой - различна, отъ 100 до 200 саженъ, а глубина, начиная отъ устья до устьевъ тѣхъ же рѣкъ, до 5 саж., а выше селомъ Максиморскимъ къ селу Маковскому, постепенно уменьшается и доходитъ, по спаденіи весенней воды, до -5 верстъ.

Изгибы Кети—плеса—очень круты, отъ 1 до 2 верстъ, фарватеръ узокъ; грунтъ береговъ песчаный и иловато-иинистый, отъ чего они постоянно обваливаются и образуютъ мели. Русло рѣки все завалено валежнымъ лѣсомъ.

При хорошихъ условіяхъ, Кеть могла бы быть весьма агодѣтельной рѣкою для края: посредствомъ устроенного на судоходства въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ можно было достичнуть хорошихъ результатовъ. Но въ настоящее время эта рѣка къ судоходству неспособна, кромѣ только центрального разлива. По Кети съ Нарымского устья можно сдѣлать селъ Маковскаго на пароходѣ съ плоскодонными буксирами чалкомъ, подымающимъ отъ 20 до 30 т. грузу, одинъ рейсъ со всеми миѳами совершилъ это плаваніе между 15 и 10 Июня, съ въ теченіи 25 дней впередъ. Правда, совершение плаванія водъ въ Кети продолжается до конца Августа и по ровной и низкой долинѣ около этого времени воды не получаютъ менѣе 5—8 саженъ, но это только ниже устьевъ первыхъ ея притоковъ—Лисицы и Орловой, которые, какъ мы здѣсь видимъ, впадаютъ ниже села Максиморовскаго; выше этихъ рѣкъ волны спадаютъ быстро, особенно если они сбыва-

дутъ съ берегами, т. е. сойдутъ съ соровъ, какъ говорятъ туземцы. Быстро Кети разливается почти быстротѣ Оби. Вода Кети мутна и до того черна, что если налить ее изъ хрустальномъ стакана, то она представится виду настоя жидкаго чая. Явленіе это нужно приписать тому, что Кети вытекаетъ изъ болота, что всѣ притоки ея выбѣгаютъ также изъ болотъ и текутъ чрезъ болота, изъ которыхъ увлекаются за собою застоявшуюся мутную воду, и наконецъ, что берега, какъ Кети, такъ и ея притоковъ иловато—глинисты и песчаны.

Относительно главнаго источнаго пункта Кети Комарнаго болота, котораго ни кто хорошо не знаетъ, надо би сказать, что оно, по рассказамъ инородцевъ, промышляющихъ около его, лежитъ на Сѣверо—Восточной сторонѣ Енисейской губерніи и по величинѣ едва ли менѣе Барабинскаго болота. Изъ разсказовъ инородцевъ нельзя еще сдѣлать положительного определенія о величинѣ Комарнаго болота, такъ какъ они вообще пространство опредѣляютъ днами своего пути, т. е. сколько можно пройти зимою на лыжахъ, и разсказываютъ при этомъ, что на Комарномъ болотѣ есть одно озеро, которое они переходятъ въ два дня. Вода въ этомъ озерѣ свѣтлая и чистая, такъ что чеъ видно все дно на глубинѣ нѣсколькоихъ саженъ. Дно озера усыпано мелкою дресвой. Озеро обильно разною рыбой чешуячатыхъ породъ, какъ-то: щуками, окунями, плотвой, карпами и проч. На берега озера постоянно слетается множество боровой птицы — тетеревовъ, касачей, пестрыхъ, рабчиковъ.

При одномъ изъ устьевъ Кети въ 1596 г. заложены были городъ Нарымъ, перенесенный впослѣдствіи на другое мѣсто. Черезъ Кети русские, вскорѣ послѣ завоеванія Сибири, съ р. Оби перешли на р. Енисей. Въ началѣ XVII ст. на берегу Кети, для защиты отъ инородцевъ, заложены были остроги Кетскій и Маковскій. Нынѣ эти остроги — села того же имени.

Главнѣшіе притоки Кети — Лисица, Орлова, Елтырева, Шайдугина и проч. Мы упомянемъ здѣсь только о двухъ первыхъ, какъ болѣе замѣчательныхъ.

Обѣ эти рѣки по величинѣ своей не много уступаютъ Кети и характеръ ихъ теченія... олинаковъ въ это постыдно.

Всё оно изобилуетъ такъ называемыми ломами.¹⁾

По этому лѣтому можно совершать путешествіе въ лодкѣ только до первого лома, а если лодка небольшая, такъ что ее можно перетащить волокомъ хотя безъ груза, то и до втораго лома, но ни какъ не далѣе. Ибо первыя лома, образовавшися, вѣроятно, съ незапамятныхъ временъ и имѣющіе верхніе слои льса уже стинивши и обсыпавши, покрыты землею, такъ что по нимъ путешествующіе инородцы проложили узкія тропы и перетаскиваютъ свои обласки²⁾ волокомъ; верхніе же лома, послѣ образовавшися, недопускаютъ и этого затруднительнаго перехода по нимъ и потому въ лѣтнее время непроходимы.

Берега рѣкъ въ лѣтнее время также непроходимы отъ частаго лѣса, болотъ, озеръ, протокъ, истоковъ, выдающихся изъ нихъ мелкихъ рѣчекъ и прочихъ³⁾ естественныхъ препятствий.

Зимою инородцы проходятъ эти дикия пустыни на лыжахъ, а съѣсные припасы везутъ на нартахъ.⁴⁾

Всѣ притоки Кети гораздо быстрѣе самой ея, что можно заключать и по самымъ ломамъ, которые могутъ образоваться только на быстрой и извилистай рѣкѣ съ мягкими руслами. О нихъ мы, вѣрочемъ, не будемъ распространяться въ настоящемъ описаніи и замѣтимъ только, что всѣ они быстры, глубоки, съ черною водой, какъ мы уже опредѣлили цѣлѣть водъ Кети.

1) Это наносный лѣсъ въ рѣкѣ, скопившійся въ такомъ количествѣ, что изъ него образуются какъ бы сѣтчатые мости, раскинутые на большомъ пространствѣ. Сѣть лома величиною бываетъ въ двѣ - три версты по теченію рѣки. И подобными - то ломами засорены въ Нарымскомъ краѣ всѣ ненаселенные рѣки - притоки Кети, Тыма, Васъ - югана и другихъ.

2) Область, небольшамъ лодка, подымашая отъ 8 до 25 пуд., выдолблена изъ осокореваго или вѣтловаго дерева.

3) О притокахъ Лисицы и Орловой и другихъ приточныхъ рѣчкахъ Кети, Тыма, Васъ - югана, мы не распространяемъ въ своеѣ описаніи, по ихъ множеству.

4) Нарты - длинные узкие салазки на широкихъ и тощихъ полозьяхъ: нарта дѣлается изъ прутьевъ.

Лѣтины особенное вниманіе заслуживаютъ Лисица и которая будуть отъ 100 до 200 сажень ширины и собою пространство, какъ нужно думать, сообразяясь съ временемъ, сколько промышленники идутъ зимою до тѣхъ, не менѣе 1000 верстъ. Другія рѣчки гораздо мѣньши, именно отъ 10 - 20 и 50 саж. и короче, но ни какъ менѣе 300 - 400 вер., однакоже вообще глубоки и быстры, падающая въ Кеть, недалеко отъ Нарыма, р. Найдуна, такъ жестра, что по ней сверхъ течения съ трудомъ можно подыматься въ два вѣсла въ небольшомъ обласку, даже и по сбытии болѣе.

Всѣ эти рѣки рыбны, обильны чешуйчатыми породами, но засореннымъ русламъ и крутымъ берегамъ остаются нерыбопромышленными.

Тыма, у тузыевцевъ Касы - къ второй главной притокѣ Оби, беретъ свое начало въ Енисейскомъ округѣ Енисейской губерніи недалеко отъ истоковъ Сыма, текущаго въ противоположность Тыму направлениі: по свидѣтельству же Нарымскихъ Остяковъ, которые бывають на истокахъ Тыма за промысловъ зѣней, онъ вытекаетъ изъ Комарнаго болота. Они разсказываютъ, что истоки Тыма, Сыма и Ваха одинъ отъ другаго въ километръ разстояніи и что Ваховскіе инородцы нерѣдко ходятъ съ Нарымскими. Насколько это справедливо, не беремся доказывать, хотя и есть факты, подтверждающіе эти разсказы. Вода во всѣхъ этихъ рѣкахъ одинакового цвѣта - темнага.

Тыма впадаетъ въ Обь въ 110 вер. ниже Нарыма, въ 15 вер. ниже села Тымскаго.

Характеръ теченія Тыма отчасти одинаковъ съ Кетью. Тыма извилиста, быстра и лѣсиста, но безъ заломовъ, какіе имѣютъ притоки Кети.

Ширина Тыма отъ 100 до 200 саж.; глубина отъ 2 до 5 саженъ.

Выше замѣчено, что источники Тыма и Сыма недалеки другъ отъ друга. Между тѣмъ, обѣ рѣки текутъ совершенно въ противоположенные стороны - Тыма на западъ и впадаетъ въ Обь, а Сыма на востокъ и впадаетъ въ Енисей, ниже г. Енисейска. Такимъ образомъ, перекропаніе небольшаго перешейка,

раздѣляющаго рѣки Тымъ и Сымъ, можетъ открыть водяное сообщеніе между двуми обширными бассейнами рѣкъ Оби и Енисея и облегчить доставку товаровъ, идущихъ изъ Западной Сибири въ Восточную и наоборотъ. По некоторымъ извѣстіямъ Миллера о Тымѣ и сообщеніи его съ Сымомъ, можно заключить, что изъ старины оно действительно существовало. Въ 1631 г. при впаденіи Сима въ Енисей, была учреждена таможенная застава, потому что изъ Енисея обыкновенно плыли въ Тымъ, а изъ него въ Обь.

Тымъ принимаетъ въ себя съ правой стороны два притока главныхъ: Косеевъ и Сангилье - и до посѣяніи мелкихъ рѣчекъ, а съ лѣвой три небольшія рѣчки.

Вода Тыма и его притоковъ темная, какъ въ Кети. Притоки все съ каменими и ненаселенными, кроме Косеева, на устьѣ котораго живутъ инородцы.

Вась - юганъ (у Остяковъ Елле - юганъ, большая рѣка, Вать - юганъ узкая рѣка; у Самоѣдовъ Вар - ки - большая рѣка) впадаетъ въ Обь съ лѣвой стороны, ниже Нарымы въ 60 верстъ, недалеко отъ села Карагацкаго, двумя устьями; начало же береть въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи, тремя истоками, которые выбираются изъ барабинского болота. Главный истокъ называется Большой Вась - юганъ, а по Остяцкимъ Юганъ - лгъ; второй - Вась - юганъ - лгынь - и Малый Вась - юганъ - или Чортоклы. Всѣ эти истоки соединяются у Зелькиныхъ юргъ въ одну рѣку. Теченіе Васьюгана тихое, такъ что въ широкихъ мѣстахъ рѣка походитъ на озеро и лодка предоставленная сама себѣ, при слабомъ встречномъ вѣтре обращается вверхъ теченья; по этому русло его менѣе другихъ притоковъ Оби засорено лѣсомъ, хотя берега Васьюгана отъ устья до юртъ Айполовыхъ низки и покрыты — на соровыхъ мѣстахъ кустарникъ, а на высокихъ — хвойникъ тѣсомъ. Выше же Айполовыхъ юртъ берега круты, высоки, каменисты и не рѣки видна дресва.

Ширина отъ 100—200 саж., а глубина различна. Такъ на главномъ устьѣ она доходитъ отъ 2—3 саженей, а мало устьѣ пересыхаетъ до $\frac{3}{4}$ аршина.

До юртъ Айполовыхъ по Вась - югану можно имѣть сообщеніе лѣтомъ въ плоскодонной лодкѣ съ грузомъ отъ 500—1000 пудовъ; а отъ Айполовыхъ выше по теченію русло Вась югана становится уже мельче, такъ что по главному истоку

нельзя обратить лодки длиною въ три сажени. Въ весенне время по Вась - югану Нарымскіе кунцы сплавляютъ хлѣбъ, въ бардахъ отъ 5 до 8 тысячъ, покунаемый ими въ Тарскомъ округѣ. Сплавъ этотъ требуетъ большой осторожности и быстроты сплавленію весенней воды.

Направляясь первоначально къ западу, Вась - юганъ по-тому огромною дугою поворачивается къ сѣверу и наконецъ къ востоку. Всёго теченія его около 800 верстъ.

Важайшіе притоки Вась - югана съ правой стороны Пурелка, а съ лѣвой Нѣрилька или Нѣролька (у Остяковъ Ярганъ - юганъ — Самоѣдская рѣка), Чешанка или Чежабка (у Остяковъ Вай - юганъ — олены рѣка) и Пайсанъ. Берега Нерильки и Чижабки населены инородцами до первыхъ лодогъ, а верхними ихъ, где инородцы имѣютъ звѣропромышленные свои участки, необитаемы. Вода Вась - югана такая же, какъ и во всѣхъ притокахъ Оби. Берѣга его хотя нестепни, но не подмываются такъ часто, какъ берега Кети и Тыма.

Паркель впадаетъ въ Обь съ лѣвой стороны двумя устьями: первое ниже Нарымы въ 7—8 верстахъ отъ села Карагацкаго, а второе у самого села Парабельского. Это постѣднее устье можно считать за Обскую протоку, которая соединяется сначала съ рѣбкой Часарою, притокомъ Парабели. Паркель небольшая рѣчка и замѣчательна своимъ народонаселеніемъ — Самоѣдами. Рѣчка быстра, мелководна, течетъ по ровному фарватеру въ крутихъ лѣсистыхъ берегахъ. Ширина Парабели отъ 20—50 саж., а глубина отъ 2 аршина до 3 саженей. Воды чёрны и мутны; они изобилуютъ рыбой разныхъ чешуйчатыхъ породъ.

Судя по быстротѣ теченія Кети и Тыма и по тихости Вась - югана, нельзя, кажется, сомнѣваться, что вся поверхность Нарымскаго края имѣть покатость отъ Востока къ Западу.

Озеръ въ Нарымскомъ краѣ стится 600. Они двухъ родовъ: одни находятся въ лѣсахъ, или, какъ говорятъ туземцы, въ материкахъ, и называются *Боровыми*; другія же лежать на возвышахъ мѣстахъ — *на сорагъ*. И тѣхъ и другихъ озеръ въ Нарымскомъ краѣ очень много на обѣихъ сторонахъ Оби. Боровые озера есть довольно большой величины. Объ этихъ озерахъ инородцы рассказываютъ многія занимательныя преданія.

Если бы эти озера находились вблизи народонаселения, и если бы можно было, хотя в зимнее время, проложить к нимъ сообщеніе, то онъ обилѣмъ рыбы могли бы приносить, огромную пользу и способствовали бы изъ усѣхъ рыбной торговли. Въ настоящее же время изъ которыхъ изъ боровыхъ озеръ, наполненныхъ рыбой, хотя и находятся вблизи города, русскихъ и ипородческихъ деревень, но о многихъ изъ нихъ составлены и живутъ въ народѣ такія странныя съвѣрхныя преданія, что ни кто изъ жителей, даже и русскихъ, не рѣшается промышлять въ нихъ. Озера сороки суть ни что иное, какъ природными имъ, затопляемыя каждогодно весеннимъ разливомъ воды и, по сбитіи ея, остающіяся съ водою. Всѣ онъ рыбныя; въ нихъ преимущественно водятся караси, лини, щуки, окуни и плотва.

Есть еще озера, соединенные проливами съ рѣкою, они называются чварами. Во время весны, они затоплюются водою, а по сбитіи весеннаго разлива, въ ловищахъ ихъ остается вода и чворо принимаютъ правильный видъ бзеа. Въ чворо весною изъ рѣкъ заходитъ рыба для метанія икры; тогда устя икъ запираютъ, и ловить въ нихъ рыбу неводами.

Наблюденія, произведенныя надъ температурою Нарымскаго края, къ сожалѣнію, такъ бѣдны и отрывочны, что не могутъ служить основаніемъ для вѣрныхъ выводовъ о климатѣ этой страны. Поэтому, относительно настоящаго предмета мы можемъ представить только одни общія замѣчанія.

Не смотря на то, что Нарымскій край находится подъ 61 и 58° с. ш., о климатѣ его нельзя сказать, чтобы онъ былъ многою сурою прочною мѣстностями Сибири, какъ - то Томска, Тобольска, Енисейска и проч.

Чтобы читатели могли вывести свои заключенія о свойствахъ климата, мы скажемъ нѣсколько словъ о вскрытии и покрытии рѣкъ льдомъ, о толщинѣ льда, о количествѣ выпадающаго снѣга, о силѣ морозовъ и о растительности.

Правда, что рѣки въ Нарымскомъ краѣ покрываются льдомъ и вскрываются отъ льда съ небольшою разностью по времени; но этого нельзя приписать географическому ихъ положенію, ибо разности земной широты между ними не болѣе градуса или двухъ, а вскрытие и покрытие рѣкъ особенно зависитъ отъ свойства воды и уровня фарватера. На рѣ. Обѣ

они подъ воду, глубже и быстрѣе всѣхъ своихъ притоковъ, замерзаютъ и вскрываются ея бываетъ позднѣе ихъ, именно: замерзаетъ льдомъ между 5 и 20 Октября, а вскрывается 25 Апреля и 10 Мая.

Вскрытие и вскрытие льдомъ Кети и Тыма начинается въ первыи дниѣ рапѣ, Оби, такъ какъ эти рѣки уже, ти-
мельче ея, да и воды ихъ рѣжавы.

Васъ-юганъ замерзаетъ еще рапѣ Тыма и Кети, по тому застою водъ, а скрываются раньше другихъ притоковъ. И потому, нужно думать, что истокъ его находится на юго-востѣ, где снѣга стапаютъ раньше; поэтому, когда ледъ Оби не тронется, Васъ-юганъ уже давно вскрылся и прошелъ.

Вообще же рѣки въ Нарымскомъ краѣ бываютъ покрыты льдомъ до 6-ти мѣсяцій.

Замѣчено, что если въ весенне время прибыль воды та-
ковъ, что заливаетъ всѣ низменныя мѣста, то годъ будетъ здо-
ровый какъ для людей, такъ и для животныхъ, а уловъ рыбы
и урожай хлѣбовъ и травъ будуть хороши.

Морозы здѣсь рѣдко превышаютъ 35° по Реймеру и та-
кимъ морозомъ въ продолженіе зимы бываетъ въ разное время
не болѣе 15—20 дней; въ остальное же время температура
воздуха = 5, 10, 15 и 20 град.

Ледъ Оби не превышаетъ 4—5 четверт. натуральной тол-
щины. Правда, онъ доходитъ иногда до 7—9 четверт.; но это
потому, что въ тезеи зимы ледъ въ Нарымскихъ рѣкахъ
осѣдаетъ отъ тяжести снѣга и выдавливается, такъ сказать,
воду на свою поверхность, а она замерзаетъ на ней и такимъ
образомъ увеличиваетъ толщину льда. Явленіе это туземцы на-
зываютъ наледью; оно бываетъ еще и отъ прибыли воды.

Земля замерзаетъ отъ 5 до 6-ти четверт., смотря по вели-
чинѣ снѣга и потому, рано ли снѣгъ выпалъ; оттаиваетъ же
въ концѣ Мая или началѣ Июня; начало грозъ совпа-
даетъ съ этимъ же временемъ.

Толщина снѣга простирается отъ 7 до 8 четвертей.

Атмосферные перемены в продолжении года бывают следующие: между 20 июля и 15 августа начинаются иены; с начала Сентября легкие утренники — морозы, от которых в лужахъ вода покрывается тонкимъ льдомъ, а къ концу этого мѣсяца появляется снѣгъ и непрерывно дождь. Рѣдко Сентябрь бываетъ ясный, а болѣеючастѣю дождливый, вѣтряный и холодный; Октябрь же постоянно холодный. Туземцы имѣютъ довольно справедливое метеорологическое замѣчаніе: если въ которое число Сентября выпадаетъ снѣгъ и появляется довольно порядочный морозъ, то въ тоже число Октября нужно ожидать сильного мороза — рѣкостава, какъ говорятъ жители Нарымского края. Это замѣчаніе всегда удачно сбываются, и послѣ этого времени хотябы и случились оттенки и отталиа рѣка, но не въ продолжительномъ времени она снова замерзаетъ. Впрочемъ, подобныи оттенки бываютъ весьма рѣдко. Ноѣбрь и Декабрь всегда холодные. Январь и Февраль средней температуры. Мартъ почти постоянно холодный, морозъ часто доходитъ до 25—30°. Даже существуетъ народное присловье, что въ Мартѣ у быка морозъ рогъ сломилъ, почему Мартъ и называются „роголомомъ“. Апрѣль опять благорасторопный, такъ что всѣ снѣги становятся; Май холодный, вѣтряный, дождливый. Самая благорасторопная погода изъ Юна и Июлѣ. Въ эти два мѣсяца изъ Нарымскаго края все растетъ и цвѣтѣтъ не по днямъ, а по часамъ, какъ говорится. Въ началѣ Юна и до 20 Юля жары бываютъ отъ 30 до 35°. И это очень естественно, если возмѣть во вниманіе, что солнце изъ этихъ мѣсяцевъ свѣтитъ въ Нарымскомъ краѣ 18—19 часовъ въ сутки, и потому два мѣсяца Нар. будуть равняться $2\frac{1}{2}$ или почти тремъ мѣсяцамъ теплыхъ странъ.

Выше замѣчено, что климатъ Нарымскаго края не отличается особенностью суровости противъ другихъ мѣстъ Сибири, какъ-то Томска, Тобольска, Енисейска и др. Но это далеко еще не выражаетъ того, чтобы климатъ этотъ вообще можно было назвать благопріятнымъ для здоровья. Цынга, которую не страдаетъ почти рѣдкий житель, горячки ревматического и тифозного характера, брюшной тифъ, господствующий во время рѣкостава въ особенности по р. Кети, катарральныя страданія желудочного и дыхательного канала, наконецъ ревматизмы слишкомъ хорошо показываютъ всю неблагопріятность здѣшняго климата. У инородцевъ ко всему этому присоединился еще сифилисъ, ставший почти наследственнымъ.

Почва Нарымскаго края, при его обширности, весьма

разна; но общий характеръ ея выражается въ слѣдующемъ: почва преимущественно иловата и при этомъ, или талии снѣговыхъ, становится тонкою и непроходимою, чѣмъ сѣвернѣе мѣстность, тѣмъ иловатость увеличивается. Южная часть Нарымскаго края покрыта сплошными лесами. Промежутки между озерами и болотами, которыми такъ богатъ Нарымскій край, вездѣ покрыты толстымъ слоемъ чернозема и достаточно плодородны, однако же не въ такой степени, чтобы почву не слѣдовало удобривать. Лучшия хлѣбопахатыя мѣста по возвышеннымъ, вѣсколько боровымъ, берегамъ Оби; но бассейнъ Кети подобныя мѣста рѣже и хуже. Тоже должно сказать и относительно луговъ.

Необыкновенная низменность Нарымскаго края, отсутствіе вслѣдъ поднѣптий (горъ или холмовъ) и твердыхъ горныхъ породъ составляютъ его характеристическую черту. На всмѣ простирается „общирного края“, кромѣ береговъ рѣкъ, нельзя встрѣтить ни одного камня. Подпочва тамъ, где она случайно обнажена, состоить изъ рыхлыхъ пластовъ (глины и песчаника), заключающихъ въ себѣ раковины, преимущественно прѣспособленныхъ бассейновъ верхней третичной формаций.

Всѣ мѣстности, занимаемая Нарымскимъ краемъ, представляютъ собою ватовину, наполненную болотами, озерами и перерѣзанную, какъ уже сказано, рѣками. Промежутки между этими тонкими покрытыми тайгами. Это — дремучie, непроходимые лѣса, несомнѣмъ похожие на пустыни лѣсовъ въ Европейской Россіи, напримѣръ въ Пѣрмской, Вятской, Вологодской и Архангельской губерніяхъ: въ этихъ послѣднихъ лѣса рѣже и Русскій человѣкъ осѣдлый и кочующій Самоѣдъ (въ Архангельской губерніи) проложили себѣ дорожки и тропинки, искрестили лѣса во многихъ направленіяхъ и въ большей, или меньшей степени достаточно изучили мѣстность для того, чтобы не заблудиться въ нихъ; напротивъ, въ Сибири есть огромныя пространства лѣсовъ, которыхъ не касался ни топоръ, ни огонь, гдѣ не бывала еще пога не только Русскаго, но и Остянѣ и Самоѣдѣ; таковы, въ примѣръ, пространства лѣсовъ отъ рѣки Бардаковки и Сургута по прямому направленію на рѣку Тазъ, къ Старой Мангазѣй, гдѣ вообще отъ густоты лѣсовъ бываетъ лѣсникъ днемъ также темно, какъ ночью, и гдѣ заблудиться и остаться безъ вѣсти, даже опытному звѣролову, почтится обыкновеніемъ. Нынѣ вообще промышленники проин-

каютъ, въ урманы и тайги по лѣкамъ и рѣкамъ, осеню падающихъ, зимою по льду на лыжахъ и, углубляясь въ пустыню, по возможно рѣдкому лѣсу, дѣлаютъ затеси и проходить въ дебри, отъ береговъ рѣгъ и рѣчекъ и отъ озеръ и болотъ, рѣдко на нѣсколько десятковъ верстъ; дальнія же пространства между этими берегами остаются недоступными, непѣдомимы; такъ какъ срубать деревы и пробиваться между ними неѣть ни какой возможности. Но, несмотря на то, промышленники—инородцы, погибаютъ безъ вѣсти, и нѣрѣдко, бывають случайно находимы другими кости ихъ, оглоданными звѣрями.

Какое впечатлѣніе производятъ на человѣка подобныя лѣсныя пустыни, можно лучше всего видѣть изъ приведимаго здесь разсказа г. Колмагорова. Мѣста, о которыхъ онъ говоритъ, совершенно одинакового характера съ Нарымскимъ краемъ, и даже прилегаютъ къ нему.

«Въ бытность мою засѣдателемъ Тарского земскаго суда, я отправился по особому порученію Начальства въ Запретніе скіе урманы, имѣя съ собою 20 человѣкъ русскихъ и инородцевъ (многие изъ нихъ вынуждены сопутствовать мнѣ для зѣроловства), комашъ, винтовки, собакъ, хлѣба и сухарей на мѣсяцъ. Слѣдя по этимъ урманамъ, по течению рѣкъ Шинса, съ начала верхомъ, потомъ гѣшкомъ, мѣстами съ помощью драницъ по болотамъ, въ 12 дней достигъ я Васъ—юганскихъ болотъ и озеръ, лежащихъ примѣрно отъ Иртыша въ 250 верстахъ, и начала рѣкъ Шинса, Туя и Уя (разстояніе измѣрено я часами, полагая ходу въ часъ три версты); страна здѣсь верстъ за сто отъ Иртыша, пріимѣрно возвышается, такъ, что на многие отлѣгіе увалы и холмы я поднимался по два часа. Хотя съ 13 лѣтніяго моего возраста я познакомился съ пустынями родныхъ моихъ лѣсовъ въ обѣихъ частяхъ Сибири, и часто недѣли и мѣсяцы спала подъ открытымъ небомъ въ тундрахъ и снѣгахъ, между Обдорскімъ и Туруханскімъ, а равно Якутскому и Нижнеколымскому, въ горахъ и степахъ киргизскихъ; но эти пустыни рождають впечатлѣніе страха и унынія, пустыни же лѣсовъ невыразимой радости. Во времена странствованія моего по Запретніи лѣсныя пустыни сердце мое было переполнено невыразимаго восторга и никогда это не изгладится изъ моей памяти. Расскажу о впечатлѣніи, произведенномъ на меня здѣсь въ одну ночь и утро. Послѣ 12 часоваго ходу, исключая короткаго привала для обѣда, я остановился для ночлега среди едва проходимой дебри гигантскихъ

при берегахъ безымянной быстрой рѣчки, съ крутыми широкими берегами изъ дѣвъ сажени, и вблизи неглубокаго оврага, съ одной стороны, и болота и озера съ Было только семь часовъ вечера (это было въ полѣ Августа), и въ лѣсахъ сдѣлялись сумерки. Люди одни зажигали огни и варили въ мѣдныхъ чайникахъ чай, другъ съ мною, разсаживались по окрестности для охоты на зѣну. (Во время зѣроловства и въ подобныхъ пущахъ дичь и мясо дикихъ козъ въ лѣсахъ всегда готово тѣлки). Не прошло и полчаса времени, какъ охотники возвратились съ богатою добычей: куропатки, глухарей и утокъ было до 30 штукъ, и дѣвъ козы. Послѣ чаю, доброй чарки и такого обильного ужина, люди мои не хотѣли спать, засѣтились у пылающихъ костровъ и затянули удалия и лѣсна, пускаясь во времена въ побасенки и шутки, азъки и рассказы обѣ охоты на зѣрѣ въ урманахъ. Пылали и говорили ихъ, разносясь какимъ-то торжественнымъ по лѣсамъ, вторили на сотни разнородныхъ головъ звуковъ. Медведи и волки, гуси и утки и другие и даже лягушки, пробужденные выстрелами изъ винтовокъ, распространяли по лѣсамъ, болоту и озеру ревъ, свистъ, скрѣзы; при трескѣ огней, все это вторилось по лѣсамъ разной мелодіею; легкій вѣтерокъ шелестилъ и качалъ лѣтній деревъ и свистѣлъ между ними, а ближе къ озеру производилъ не мѣтче перерывистый шумъ. Только ручей оврагъ журчалъ, казалось, унылую и однообразную пѣсню. Изъ пылающихъ костровъ, распространявшихся въ окрестности, значительное разстояніе, представляло глазамъ деревья иганты и разнородныя породы ихъ съ различными пѣвчими веркающею озеро въ какихъ—то фантастическихъ образахъ иахъ животныхъ и чудоищъ, поминутно менявшихся въ очертаніяхъ; слухъ и зрѣніе мои наслаждались долго дикой гармоніей и почти живой картиной, незабвеннами моей жизни. Въ 4 часа утра, передъ рассвѣтомъ, кругомъ все спало; спада, казалось, и сама природа, даже журчаніе ручья въ оврагѣ и не слыхалъ; тишина и спокойствіе, меня окружавшіе, были до того поразительны, что помѣстись покойно на трупѣ дерева, если шевелилъ тихо или подымалъ голову, то, казалось, производилъ шумъ, какое ощущалъ и отъ этой типинки въ природѣ, невыразимо на словахъ. Только помню, что сердце мое звѣтело какою-то неизъяснимою радостю и слезы брызнули изъ глазъ: и шепталъ молитву Благости и Премудрости

Творца. Но вотъ—на вершинахъ деревъ и на открытомъ пространствѣ надъ озеромъ показался тусклый свѣтъ, носящимися полубѣлыми полосами, и все живое вокругъ меня мгновенно начало просыпаться; казалось, самыя деревы и травы начали оживать, закачали тихо своими вѣтвями и стебельками. Насѣкомыя и гады первые нарушили спокойствіе пустыни: они, расправивъ ножки и крылышки, поползли, поскакали, полетѣли, зашестѣли на травы и на деревьяхъ. Змѣи, ящерицы и другія гадюны, быстро переползли и перебѣгая съ вѣтви на вѣтви, съ сучьевъ на сучья, устремляли, казалось, любопытные глаза на тѣлесные уголки вчераинныхъ огней, на синящихъ людей и на весь таборъ нашъ. Я видѣлъ, какъ они отворили уты, нюхали, какъ бы старались разгадать, что это за предметы, невиданные ими досель, и затѣмъ, какъ будто поняли, что тутъ были люди, опрометью съ пискомъ и шипѣнiemъ ускользнули бѣжать прочь. Между тѣмъ, зачирикали, заспистали и запѣли чижи и заблѣки, перепелки и жаворонки, скворцы и соловьи и вся разнородная семья ихъ; болото и озеро огласились смѣстью голосовъ подлинныхъ итицъ; ронжи (птицы, принадлежащи къ породѣ дятелей) и бѣлки залетали (послѣднія скакуя съ кедра на кедръ подобно итицамъ) по кедровымъ и ириняли за свою обычную работу—быть кедровые орѣхи; шумно и весело запрыгали и забѣгали козы, зайцы, лисицы, соболи, горностаи и многие другія зѣбр и зѣбрки; трое волковъ показались на болотѣ, а на противоположной сторонѣ озера двѣ огромныя морды лосей; даже хоязяева пустыни, двое медведей, съ веселыми какими-то хрюпѣніемъ и тихими ревомъ, вылѣзли изъ оврага, и, съ трескомъ ломая молодыя деревья и вѣтви, преграждавшія имъ путь, отправились въ дѣбль, вѣрно за завтрающимъ. Всѣ эта смѣсть голосовъ животной семьи, ихъ юбоготи и пригандѣ, скачки и перелеты, казалось мнѣ выражали встрѣчу благодаѣтаго днѧ и восходящаго солнца и хвалу Создателю міровъ. Никогда я не забуду этого утра, когда вся безсловесная тварь природы разыглась, беззечно покругъ меня въ лѣсной пустынѣ. Но вотъ люди мои начали вставать, застутились съ огнями и чайниками, смѣясь и говоря ихъ сноva огласить пустынѣ, и вся животная семья, при первыхъ движеніяхъ и звукахъ ихъ, остановливалаась, оглядывалась и прислушивалась; робко подымала голову и озиралась, мгновенно умолкала и скрывалась. Съ грустью пожалѣлъ я, затѣмъ человѣкъ, этотъ гордый властитель природы, помышлять мнѣ наслаждаться безпечною раззѣстю этой безчисленной животной семьи.

Извѣстивъ, по возможности, характеристику пространства, занимаемаго Нарымскимъ краемъ, мы считаемъ возможнымъ пробѣжать его, вѣдѣть съ однѣмъ изъ добросовѣстныхъ нашихъ ученыхъ, Кастреномъ, съ сѣвера на югъ, въ путишествіи. Сѣдѣнія, сообщаемыя Кастреномъ, дополнены замѣтками о Нарымѣ, Кетскомъ острогѣ и сельскому хозяйству о самомъ Кастренѣ.

Матильдъ Александръ Кастренъ родился въ Осирботии 11 ноября 1813 г. Отцу его былъ сперва канцеляромъ въ провѣдѣ, а потомъ историкомъ въ Рованиемъ. Окончивъ курсъ въ Улеаборгской школѣ, молодой Кастренъ шестнадцати летъ поступилъ въ Гельсингфорсѣ университетъ и первоначально думалъ посвятить себя духовному званію; но труды же скоро обратили его дѣятельность въ другую сторону: онъ определился посвятить иско дѣятельность своей жизни изслѣдованию языка, нравовъ, религіи, обычаевъ, образа жизни и прополь этинографическихъ отношеній Финского народа и другихъ лицъ родственныхъ племенъ. Для этой цѣли, во время пребыванія его въ университетѣ, онъ старался теоретически и практически изучить финскій языкъ и вѣдѣть изнакомиться съ родственными ему языками эзотерскими и лапландскими. Однако же онъ скоро увидѣлъ, что, для лучшаго успѣха въ изслѣдовании, ему необходимо пріобрѣсти знанія прочие и выше тѣхъ, которыя доставляются печатными пособіями, и поэтому предпринять для этой цѣли путешестія въ разные страны Азіи и Европы. Съ этой цѣлью, Кастренъ предпринялъ еще въ 1838 г. свое первое путешестіе въ Лапландію, а въ 1839 г. въ Русскую Карелию. Въ томъ же самомъ году онъ получилъ мѣсто доцента финскаго языка въ гельсингфорсскомъ университете. Годы спустя, онъ совершилъ новое путешествіе по пограничной Лапландіи и чрезъ Колу пробрался въ Архангельскъ. Получивъ здѣсь совершенно неожиданное назъ Финляндскаго казначейства, Кастренъ счелъ возможнымъ распространить свои изслѣдованія на близкайшихъ провинціяхъ. Онъ изучилъ языки ихъ и, многотрудномъ странствіи по тундрѣ и Уралу до Обдорска, тѣ, который принялъ Кастренъ въ Березовъ, и отсюда черезъ Тобольскъ въ Красноярскъ путемъ на родину. Къ веснѣ 1844 г. здоровье Кастрена исправилось настолько, что онъ могъ начать, по

поручений Академии наук, большое ученое путешествие по Сибири с целью сравнительного изучения языков финского корня от самых северных пределов до подножия Алтая. В мае месяце 1845 г. неутомимый Кастренц был уже в Тобольске. Спустившись по Иртышу и потому войдя в Обь Самарова, он стал подниматься вверх по этой реке, останавливаясь от времени до времени в различных местах для своих научных занятий. К концу Кастренц был уже у границ Томской губернии....

Первым, встретившимся ему здесь, юрты, были Калякские, первых из 20 от сургутской границы. В них он замытить ни чего такого, чего бы не видеть уже у Остяков Тобольской губернии. Юрты, за исключением круглой формы во всем прочем совершенно одинаковы с сургутскими. Точко также быть ни какой разницы ни в одежду жителей, ни в вышивках обычаях, ни в нравах. Физиология, может быть, и открыть бы некоторые специфические оттенки, но для обновленного наблюдателя они не заметны. Справился с учеными. Кланяясь склонялся на них, что жители берегов Чулыма, Нармы, Верхнего Тыма и Кети Самоеды; но при устье Тыма, они решительно ссыпали Остякам, хотя филологи задумались причислить их к Самоедам.

Продвигаясь несколько верст от Калякских юрт Кастренц прибыл к устью Тыма, называемого туземцами *Kasel-ку*, т. е. река—окунь (от *kaña*, *kasa*, *kohsa*—окунь—ку—река). Эта река вытекает из енисейских болот, и впадает в истоковую Сыму, который однако же течет в направлении противоположном Тыму. Тыма довольно значительная и, как говорят, в низовьях имѣет до 50 сажени шириной. Берега его низменные и окресты страшно наполнены болотами. По всему течению Тыма живут Самоеды из обитавших юрт и занимаются звироловством и рыболовством. Они все крещены и имеют свою церковь, на Оби, в 20 верстах выше устья Тыма, в маленькой деревушке, называемойся, но церкви, Тымской;

Переночевав здесь, Кастренц продолжал свое путешествие и скоро прибыл к русской рыбальке, состоявшей из краиний мѣр из 20 юрт, разбросанных в беспорядке широкому песчаному берегу. Между ними не было и двух склонина, один круглый, другая четыре угольные, третий

четвертых конусообразными, большая же частью формы. Почти все они были берестяными, посуда дурно, что осенний буря не только потеснила их, но и породчила части стены. Кроме того, они были и пызки, что в дверь надо было вползать на четвереньки, а внутри можно только сидеть, либо лежать. Всю наделали частю Сайтъдамъ, частю Вась—юганская, загнаннымъ краиномъ пухадо из батраковъ въ съемной рыбной лодки, кажется, купцу Нарымскому. За этими поднималось, далее превышающее ихъ, огромное яблочное жилище, устроенное изъ сбны, ракитника и т. д. и принадлежало надзирателю, который въ это самое время шелъ по полю со большой палкою въ руки. Оклады борода и синий кафтанъ показывали, что онъ русскій. Жилица тянулся длинный рядъ амбаровъ, устроенный изъ материала. Не подалеку отъ нихъ находилось еще котрого только крикна виднѣлась надъ землею. Кастренц спутниками спустился по лестницѣ въ это подземелье. «Иностранцы просимъ!» крикнуло имъ изъ одиннадцати, веселое общество съ пестрыми рукавами, ярмарочныхъ приказчиковъ, сидящихъ вокругъ кипящаго котла. Хозяинъ встрѣтилъ прибывшихъ изъ краинъ поклономъ, на почетное место и подавалъ дрожь въ огонь, не то, а для освѣщенія. Сидѣть отъ огня дальъ возможность, что это подземелье имѣть почти все принадлежащее оградочное человѣческаго жилища: четыре стѣны, впрочемъ, и покрыты толстымъ слоемъ пlesenи, крышу, сваи обложенную торфомъ, очагъ сложенный изъ глины съ скамьемъ, дверь, пѣсчаный образовъ и т. п. Хояинъ, прѣна то, что онъ русскій и горожанинъ, уверялъ, что не этого жилища и жалеть не дѣлать; что гораздо лучше есть естѣмъ желудкомъ здѣсь, чѣмъ сѣ тощимъ въ яблодескомъ домѣ. Оно можетъ быть и такъ, добавляя, но у кого, кроме требонапѣй желудка, есть еще поѣсть? выпить сѣкимъ воздухомъ, видѣть свѣтъ Вѣжъ, посыпать вѣсты со мною покинуты и эту блаженную. Но прежде, чтобы оставить рыбальку, бросить на нее ещѣ одинъ взглядъ. Тутъ мы видѣли сборъ людей, приглашавшихъ къ тремъ разнымъ націямъ. Посмотрите на русаковъ онъ разыгрываетъ господина, бодро и смѣло показываетъ своею тепломъ очиномъ тулуй, тогда какъ Оссаадовъ, какъ угнетенный рабъ, бродить съ согнутой подгибющимися колѣнами. Конечно же между русскимъ и господомъ и рабомъ не русскій и подъ гнетомъ

рабства не утрачивает свой веселости и бодрости. Съ юношеской отвагой бѣжит онъ по полю, поетъ, прыгаетъ и затрагиваетъ все, что ни пощадаешь на пути. Для встрѣчнаго товарища у него готова шуточка; иль угрюмому туземцу онъ пристаетъ, какъ оводь къ лошади, даетъ ему толчки и пинки, срываетъ съ него шашку и заставляетъ бѣгать за собою изъ стороны въ сторону до конца поля.— Но вотъ внимание наше обращаетъ на себя группа дрихлыхъ женщинъ, обвранихъ ребятишками и косматыхъ собакъ, видавшихъ въ отдаленіи. Удалившись сюда съ крупицами со стола богатаго, состоящими въ мелкой рыбѣ всякаго рода, женщины эти заняты чисткой и разбѣгливаніемъ едъ для сушки. Ребятишки при贴近ъ, какъ голодные вороши вокругъ добычи, и собаки во все горло коготрать этому дисгармоническому концерту. Нѣсколько поодаль отъ этого мѣста, онъ бѣгаетъ вокругъ мальчишекъ, которые вѣспились другъ другу въолосы. Мальчики шалятъ, но собаки кажется не понимаютъ этого. Больѣе взрослые заняты одни борѣю и другими тѣлесными упражненіями, другие играютъ въ дураки и въ три листика. Кругомъ раздаются чѣпчи и звуки гармонии, которая и здѣсь въ такой же модѣ, какъ и на улицахъ Москвы, Петербурга и Казани.

Всейтъ, видѣній подобныхъ рыбаковъ на сѣверѣ Сибири конечно, согласитесь, что набросанный Кастреномъ очеркъ несомнѣнно трѣпетъ и живѣтъ.

Уже темнѣло, когда путешественники оставили рыбаковъ. Въѣхѣть съ темнотою върастала и непогода, преобразовавшаяся въ ночь въ странную бурю ст ливнемъ. Лежа въ своей темной каубѣ, Кастренъ вскорѣ сталъ замѣтать, что судно то и дѣлъ васасется дна. Не смотря на многотрепетныи приказаний портчаго, что бы держали подальше отъ берега, толчки продолжались. Въ подобныхъ случаяхъ прѣбываютъ въ болѣе строгихъ каубахъ, и, благодаря имъ, судно понемногу набираетъ свободнѣе. Но идти за оно вперхъ по рыбѣ на внизъ, этого не кто не можетъ уринитъ: въ самъ борчий, на вопросъ объ этомъ, отвѣталъ, что онъ можетъ конечно отвести судно подальше отъ берега, но безсилѣнъ противъ вѣтра и волны на разъяренной рыбѣ. Посовѣтовавшись, рыбаки прижалитъ въ берегу и переждать непогоду, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ гребцовъ былъ женщина: съ трудами ребенка, требовавшими въ такую ночь попеченіе матери.

На слѣдующій день, по мнѣнію бура, Кастренъ про-

чалъ, при холодной и туманной погодѣ, яко жрѣть Асканіакъ, Канаѣскіицъ. Несколько и Камканскіи и въ печи добрасывали до устья Вась - юганъ, по Остянъ. Elle—iogan—озимая рыбка, или wati—iogan—узкая рыбка, по Самоѣдъ. warku — шагу—большой и ку—рѣка). Штуненбергъ ошибается, говоря, что шагъ значить большой въ томъ малый: слово тоги и остицизначитъ Богъ, а Вась - юганъ, по всей фронтности, можно сказать назнаніе wati—iogan. Вась - юганъ береть свое начало въ большихъ Каринскихъ болотахъ, въпадающихъ въ истоки Туи и Демьянки, впадающихъ въ Иртышъ и Юганъ, впадающаго въ Юганский рукавъ Оби. Вась - юганъ, какъ говорятъ, протекаетъ болѣе 600 верстъ, весьма извилистъ, тихъ и вездѣ судоходенъ. Важѣніе изъ его притоковъ: Квельполка, Чуролька, Нирелька (Ост. iargan—iogan—т. е. рыбъ Самоѣдовъ), Халатъ или Салатъ, Чежайба (сам. Behadshasy—ку, ост. wati—iogan—рыбка лосей) и др. Всѣ эта рыбная область населена остициами, за исключениемъ Чежайбы, по нижнему теченью которой живутъ кое-гдѣ Самоѣды; верховья же совершенно безлюдны. Здѣшніе Остинки и Самоѣды стоятъ почти на одной же степени образованности, какъ и обеисе. Они живутъ въ юртахъ, въ мѣстѣ для огня посрединѣ; не держать ни щадей, ни киропъ и кормится преимущественно зѣброводствомъ и рыбью ловлею. Обзою 200 верстъ выше впаденія Вась - югана съ давно уже выстроенной церковью, но безъ синченійца.

Отъ впаденія Вась - югана до Нарымы считается только 60 верстъ. Эта часть Оби довольно густо заселена Русскими и Остинками, но селенія пхъ расположены не по самой рыбѣ, а, какъ обыкновенно, по небольшимъ рузвавамъ и притокамъ ея. При самой Оби на этомъ протяженіи одна только русская деревня Ильинъ, да вѣсполько куртъ, въ которыхъ, во времѣ добра, живутъ одни рыбаки безъ семействъ. Окрестности постоянно дыни и пустыни. Често не давало знать о близости старого города п, какъ будто парочно, сама наименевшая пристань называется Камчаткою. Кастренъ принялъ въ нее 25 Сентября (7 Октября) 1845 г. въ самую пору, потому что чрезъ сорокъ дней она покрывалась уже льдомъ.

Извѣстно, что Сибирь въдавна славилась богатствомъ золотаго зѣбра. Это богатство действительно существовало и это подсуживалоъ тому, что эта обширная страна сдѣлалась ковысъцъ одною изъ русскихъ колоній. Пущной зѣбръ

привезъ сюда изъ России безчисленное множество промышленныхъ людей, которые, не ограничиваясь только воротами, вырывались отъ туземцевъ на известныхъ пунктахъ, въдѣвъ снаружи, по увлекающимъ барышамъ, рѣшились сами идти разнокомъ звѣри въ безкрайние лѣса и малодоступныя тѣры. Такія странствованія доставляли прѣмъ случаѣ узнавать новыхъ странахъ и собирать различную сиѣмьи о такихъ именахъ, которымъ были совершенно неизвѣстны правительству, о которыхъ, безъ этихъ промышленниковъ, при собственности своихъ средствъ, оно узнало бы, можетъ быть, очень пѣ скро. Мѣстные Воеводы, узнавъ отъ промышленныхъ людей существованія такихъ странъ, куда еще не проникало наружное, о существованіи такихъ иземецъ, которымъ не обложенѣе ясакомъ, посыпали отряды казаковъ для подчиненіи ихъ власти Московскаго Государя. Когда одинъ казакъ, по мало численности своей, не въ состояніи былъ исполнить этого, то на помощь къ нему добровольно присоединились, цѣлѣю же варничество, артели промышленниковъ, организованныя на роеную ногу. Въ первое время обладанія Сибири, таинѣ артели разгуживали вездѣ и каждыѣ изъ нихъ на перѣѣзда старалася превзойти другую, проникнуть далѣе другой, стоянкѣться съ какимъ либудь пародицемъ, который, неизбѣжно, былъ другого Туземцы, большую частью, смѣрились, рѣдко противились такимъ гостямъ, давали "шерстѣ," Государю и износили ясакъ, а если оказывали иногда какоенибудь сопротивленіе, то противъ нихъ употреблялась неизвѣстная для нихъ сила огнестрѣльного оружія. Такимъ образомъ, мало по малу мы прошли все пространство между Иртышемъ и Обью, подававшися на сѣверъ. Когда же новострѣтилъ мѣста были слишкомъ отдалены отъ тѣхъ, то сосредоточилась уже русская администрація, то правительство сѣя, часъ же распоряжалось строить тамъ новые остроги и города, посыпали для защиты ихъ новые гарнизоны, а для управления новыхъ проводѣ.

Едва только въ 1595 г. построены были городъ Сургутъ, находившися посреди на щемъ на службѣ казаки и промышленники сей часъ же потинулись вверхъ по Оби. На пути свое они естественно должны были встрѣтить Остяковъ, принципиальныхъ платить ясакъ, а чтобы они исполнили это безпркословно Сургутское начальство сошло необходимою среди ихъ кочевье срубить острогъ, т. е. устроить нѣсколько необходимыхъ линий и огорожить ихъ довольно высокимъ тиномъ. Мѣсто гдѣ слѣдуетъ поставить вѣтвно было срубить таковой острогъ,

точка Нерымъ или Нарымъ, т. е. болото, болото, поэтому и самій острогъ называли Нарымомъ. Печна говорятъ, что это произошло изъ 1595 г., когда одинъ годъ съ постройкой Сургута Но такая не совсѣмъ вѣроятна. А какъ изъ старинныхъ тѣрь не видно, чтобы Нарымскій острогъ былъ поѣздъ Воеводою, посланнымъ изъ Москвы съ особою для этого часто дѣжалось, по напротивъ, въ первое да посыпалися на годовую службу сургутскіе казаки, тѣрь полагаютъ, что они же и устраивали Нарымскій острогъ это въ 1596 г., т. е. годъ спустя послѣ постройки.

года послѣ того произошло совершение спокойно, какъ въ 1598 г. всѣ Нарымскіе Остяки, подстрекаемые одушевляемыхъ ими лицъ, по имени Васарго, вздумали восстать. Какая была этому причина, положительно, однакоже восстание было прекращено и самому потому что одинъ изъ участниковъ въ немъ, какъ назукался послѣдствіемъ восстания, отправился въ Сургутъ Воеводѣ Кузю. Барыгинскому о всѣхъ на своихъ единомышленникахъ. Воевода разслѣдовала сведенію побѣсилъ десяти человѣкъ главныхъ зачинщиковъ окрестили гдѣ православіе подъ именемъ Оспова, новостали тѣ казаки и стали употреблять гдѣ между Остяками. Впослѣдствіи времени, они также измѣнили Кетскому острогу, — за что, какъ самъ изъ своей человѣтной, лучшіе кетскіе люди биты

только жѣть послѣ того, вода изъ Оби поднялась такъ что подмыла берегъ, гдѣ стоялъ Нарымскій острогъ, да его. Это подало мысль о перенесеніи укрѣпленія въ болѣе удобное мѣсто. Первое представление объ явно было Нарымскимъ Воеводою Хлановимъ, кото-рискъ своей въ Тобольскъ объяснялъ, что хотя ему вънутри острога построить церковь Покрова Богородицы тамъ неѣть для этого и на сажень порожнякъ, потому что берегъ подымало водою, и дальше отъ острога невозможна по болотистому мѣсту, всѣдѣстие мѣй острогъ необходимо перенести на другое удобное каковыхъ много вверхъ и внизъ по Оби. Нерениска занялась до тѣхъ поръ, пока въ острогъ невозмож-

но было жить изъ опасения погибнуть въ Оби. Тогда его перенесли на выньшнее мѣсто, въ 16 верстахъ выше прежняго. Это было въ 1613 или въ 1614 годахъ. Мѣсто, гдѣ находился прежній Нарымскій острогъ, долго еще было известно под именемъ старою городицей.

Въ "Книгѣ большему чертежу," составленіе которой относится къ 1627 году, мѣстность старого и новаго Нарыма обозначена слѣдующимъ образомъ:

"А выше Сургута 170 верстъ, Луциукъ вышиней.

А выше тово 108 верстъ, Нарымъ, по инишнему Иѣга орда.

А выше тово 20 верстъ, вышиней Нарымъ." Относительное названіе Іѣгой орды целиннѣй будетъ замѣтить, что еще съ первыхъ временъ покоренія Сибири послыши слухи, что гдѣ-то далеко живетъ народъ, которыи тѣмълькъ иѣгъ и что отъ Тари можно дойти до него сухими путемъ или степью и остановитъ ясакомъ. Слѣдовательно, подагали, что этотъ югъ народъ или Іѣгой орда живеть по ту сторону Барабинской степи, при рѣвѣ Оби. Изъ архивныхъ документовъ, которымъ пользовался Миллеръ, видно, что въ посѣдствіи времени мѣсто пребываніе Іѣгой орды считалось около Нарыма, и одинъ изъ кназцовъ ея, по имени Кичея, въ 1602 г. вѣзъ зачѣмъ то въ Москву. На Іѣгой орду былъ наложенъ таѣй огромныѧ язакъ, что каждый взрослый мужчина платилъ по 11 соболей.

Насъ окладной книгѣ г. Нарыма за 1655 г. видно, что въ это время тамъ находилось слѣдующее число служилыхъ подъ Казачій голова съ окладомъ жалованья 16 руб. въ годъ; три десятника съ окладомъ по 5 руб. 16 алтынъ и 4 деньги тридцати; два радовыхъ съ окладомъ по 5 руб. 8 алтынъ и 4 деньги; два пункара съ тѣмъ же окладомъ и одинъ башникъ съ тѣмъ же окладомъ.

По гражданскому управлению при стѣздной изѣѣ состояла пять подъячихъ съ окладомъ по 5 руб. и сторожъ съ окладомъ 3 руб. Въ числѣ подъячихъ обращаетъ на себя вниманіе кназецъ Кичеевъ; по всей бѣроятности, это потомокъ того кназца Іѣгой орды Кичея, который, какъ замѣчено выше, въ 1602 г. вѣзъ въ Москву, неизвѣстно зачѣмъ.

Помимо того, въ это время на Царскомъ жалованы состояли: полт. съ окладомъ 9 руб. 8 алт. 2 деньги, дѣячекъ съ окладомъ 4 руб. 8 алт. 2 деньги, похвѣара 3 руб. и проѣвири-Ф. руб.

Въ 1656 г. Нарыму данъ гербъ: бѣлка да горностай ний стрѣлъ."

Въ краткомъ показаніи о бывшихъ въ Сибири Воеводахъ сказано, что первыи приказчикъ въ Нарымѣ былъ устроившій его Сургутскій Атаманъ Тугаринъ Оедоровъ. Затѣмъ, пасято до 1687 г. еще 27 Воеводъ. Что дѣлялось въ Нарымѣ при всѣхъ этихъ правителяхъ, по недостатку архивныхъ свидѣтельствъ, намъ рѣшительно неизвѣстно.

Нарымъ лежитъ на пути, по которому чрезъ Верхнѣурые Тобольскъ въ прежнее время шла вся торговля Россіи съ Сибирью. Богатый мягкою рухлядью, получавшейся отъ броненосцевъ вокругъ инородцевъ, и бѣдный другими необходимыми предметами потребленія, Нарымъ, конечно, игралъ немалую роль въ этой торговлѣ, но, къ сожалѣнію, п объ этомъ красномъ предметѣ мы не имѣемъ ни какихъ свѣдѣній.

Подобно другимъ городамъ Сибири, Нарымъ былъ то въ вѣденіи Тобольска, то въ вѣденіи Томска. Въ 1822 г. опѣ сѣдѣющими городомъ Томской губерніи.

Въ статистическомъ обозрѣніи Сибири 1810 г. показано, что въ это время въ Нарымѣ была одна каменная церковь и деревянная, присутственныя мѣста, промышленные и соляные мѣстности, винный подвалъ, обывательскихъ домовъ 139. Жителей считалось: купцовъ 59, мѣщанъ и цѣховыхъ 271, помѣщиковъ 2, разночинцевъ 15, итого 347 м. и. Купечество производило торгъ мягкую рухлядью и разными россійскими товарами; прочіе жители занимались промысломъ рыбной и мѣлочной торговлею. Городъ имѣлъ доходъ только отъ откупщицъ питетной суммы. Ни фабрикъ, ни заводовъ не существовало.

По старымъ астрономическимъ наблюденіямъ, Нарымъ лежитъ подъ $58^{\circ} 15'$ сѣв. шир. и $51^{\circ} 10'$ восточ. долг. отъ

Петербургского меридиана, въ разстояніи отъ С. Петербурга 4685 верстъ, отъ Москвы 4008, отъ Томска 471. въ это
северный городъ въ губерніи.

Нарымъ съ двухъ сторонъ омывается водами— съ южнаго рѣчкою Нарымкою, впадающею въ Обь, съ западной рѣкою. Обѣ протоки дѣлятъ его на три части или предметы. Первая протока безимянная отдѣляетъ отъ главной части города предмѣстье Камчакту. Эта протока питается изъ Нарымки и впадаетъ въ Обь въ 7 верстахъ отъ города. Во времена разливовъ въ ней вода, ширина ея предъ городомъ бываетъ отъ 70 до 100 саженъ, глубина отъ 5 до 6 саж.; чрезъ нее Нарымское Городское Управление устраиваетъ перевозы на лодкахъ, для чего на сумму городскихъ доходовъ наимаются перевозчики. Осеннею эта протока высыхаетъ до того, что обращается въ большую речку, доступную даже для пѣшеходовъ; между тѣмъ какъ въ половодіе она быстра, сердита и каждогодно поддается берегу, такъ что многие изъ жителей перенесли уже съ дома на другие мѣста. Другая протока, называемая Полой, отдѣляетъ отъ города предмѣстье Заполойное. Эта протока, котлообразному руслу, справедлиwie могла бы называться Сромъ. Полой почти каждогодно заливается вспашею водою, торая остается здѣсь въ въ текучинѣ осени. На берега Половы всѣго города вызываютъ нечистоты изъ скотинъ деревъ и захалываютъ ими устье его. Вода, лишенная течения, отъ этихъ нечистотъ, во времена лѣта портится, производитъ страшное зловоніе и не можетъ благопріально дѣйствовать здоровью окрестныхъ жителей. Собоѣніе города съ предметомъ Полой производится посредствомъ моста, выстроенного свое изждивеніемъ и подаренаго городу однимъ частнымъ помѣщикомъ.

Во время большихъ весеннихъ водъ, Нарымъ почти затопляется водою и сообщеніе производится изъ лодкахъ челновахъ, величиной отъ 3 до 5 сажень, поднимающихъ 1 до 5 человѣкъ.

Улицы Нарима кривы и неизвестны, а весной и осенью грядины, хотя и камощены, местами тесомъ и плахой. Обыватели делаютъ эту настілку безъ особенной тщательности и она погружается въ тонкую, тундрястую почву. Вообще цин Нарима въ такомъ состояніи, что здѣти по нимъ безъ пажакъ, песковъмъ, безопасно.

жил осушался посредством канавъ, проложенныхъ Нарымку, Полой и Камчатскую щотоку. Но вскоре опять всплыли острова. Испортившаяся вода и размыл нечисть, спливши въ большомъ количествѣ, образовали среди озеръ, издавающій въ лѣтнее время сильное зловоніе, съ похороннымъ камфреніемъ уничтожить эти водохранилища, усердно заваливать ихъ мусоромъ, образомъ еще болѣе портить дѣло.

70 г. народонаселение Нарыма простиралось до 995
ж. Изъ нихъ: дворянъ 20 м. и, духовныхъ 5,
иностранцевъ 3, другихъ лицъ 84. Слѣдовательно
есть лѣтъ населеніе Нарыма увеличилось на 648

врьмъ три церкви, а именно: каменная приходская въ части города, во имя Воздвиженія Честнаго и Великаго Креста Господня съ деревянною колокольнею, иконостаса Спаса, Покрова Пресвятаго Богородицы и величестваго и деревянной кладбищенской, во имя Великаго и деревянной кладбищенской, во имя Петра и Павла. Въ Спасской церкви весьма интересна пожертвованная купцомъ Родионовымъ скованый покровъ на престолъ, въсочинъ 50 ф. 37½ и церкви ничьимъ позывательни. Домовъ считается оторвыхъ пять или десять можно назвать хорошими; въ большинстве покосившися и развалившися

ленная промышленность въ Нарымъ довольно пло-
химаются только одни ссылочные, а туземцы считаютъ
удобы ильсколько предосудительными, обращай все
внѣе только на промыселъ рыбы. Въ 1870 г. число
ловъ вѣдь простиралось только до 22 человѣкъ.
необходимый предметъ въ домашнемъ быту, какъ
вѣдь не выдѣляется, а привозится изъ Томска,
и на него иль Нарымъ постоянно отъ 7 до 9 руб.
яч.

ные доходы простираются до 1078 р.; расходы до засвистого капитала 4859 р. 51 $\frac{1}{4}$ к. Главные статьи из отдачи городской земли подъ хлѣбопашество и из 136 р. 8 коп., съ отдачей въ оброкѣ принадлежащіи рыболовныхъ песковъ 297 р. 90 коп. и на-

конецъ съ мѣстныхъ купцовъ 1 и 2 гильдій по 1/4 % съ объявленного капитала,—456 р. 14 коп. Главную статью расхода составляетъ содержаніе мѣстнаго линца городского управления—342 руб.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Нарымскіе купцы и мѣщане вели довольно значительный торга пушнины товаромъ, имѣявшимъ его у инородцевъ на хлѣбѣ и другие предметы, и продавая потомъ въ Томскѣ, Ирбитѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Для этого они сами и приказчики ихъ выѣзжали осенью въ извѣстные пункты по рѣкамъ. Кети, Тиму и Васюгану, иногда верѣтъ за 1500 отъ Нарима, где инородцы уже ожидали ихъ, въ зимнихъ юртахъ. Прибывъ къ такимъ юртамъ, торговцы снабжали инородцевъ привезенными тонарами, по ихъ требованію, изъ кредитъ до Декабря мѣсяца или до возвращенія съ промысловъ зѣбра.—Замѣтимъ, здесь, что каждый торговецъ имѣлъ своихъ покупателей и старался сколько могъ позбуждать въ инородцахъ и поддержать хорошее о себѣ мнѣніе тѣмъ, что онъ покупаетъ пушину товары дороже своихъ товарищъ, а свой товаръ продаѣтъ дешевле ихъ. И действительно, инородцы не покупали товары у разныхъ торговцевъ, а преимущественно у одного, пока не какимъ либо цепрѣтиостямъ не переходили изъ рукъ другаго. Въ послѣдствіи времени, зимою, возвращаясь съ улова зѣбра, они въ извѣстныхъ мѣстахъ снова находили тѣхъ же торговцевъ, расчитывались съ ними и снова заѣздили у нихъ изъ кредитъ разные товары. Такимъ образомъ торговля была живою и считалась прибыльно для обѣихъ сторонъ, хотя простодушные дикари были очень часто въ плену.

Изъ имѣющихся у насъ свѣдѣній видно, что тогда, если уловъ зѣбра былъ хороший, Нарымскіе торговцы приобрѣтали такимъ образомъ отъ инородцевъ: соболей до 150 штука, лисицъ до 140, бѣлодушекъ до 410, бѣлки до 520,000, колонковъ до 4,400, горностаевъ до 3,800, волковъ до 50 медведей до 100, рисей 25, рассомахъ 45, видра 45, лосей 850, оленей 500, хвостовъ бѣличныхъ до 75 пудовъ. Бѣличныхъ хвостовъ идетъ въ фунтъ осеннихъ до 100 штукъ, а весеннихъ до 120; съдавать обязательно, судя по количеству бѣлки, хвосты должны были бы поступить въ продажу до 118 пудовъ. Но должно замѣтить, что инородцы шлютъ изъ нихъ себѣ мѣха, а потому они не всѣ идутъ въ продажу. Цѣны на зѣбра по сортамъ его были: соболь пшеничного сорта 2 руб., средняго 3 руб. 50 коп. выпи-

линица сиводушка 7, 8 и 9 руб., бѣлодушка 3 руб. 50 коп. и 4 руб.; бѣлка 5½, 8 и 10 коп.; колонокъ 1 руб. 10 коп.; горностай 20, 27 и 34 коп.; волкъ 3 руб. 50 коп. и 4 руб.; медведь 4 р., 5 р. 50 коп. и 7 р.; бѣлка 4 р. 50 и 9 руб.; лоси 3 р. 50 коп., 3 р. 75 коп. и олень 60 коп., 70 и 80 коп.; пудъ хвостовъ бѣличихъ 18 24 и 30 руб. Но въ настоящее время уловъ зѣбра сталъ такъ уменьшаться, отчасти отъ лѣсныхъ пожаровъ, возникшихъ иногда отъ небрежности самихъ зѣбропромышленниковъ, вслѣдствіе чего зѣбръ ушолъ въ другій, менѣе доступный участокъ, отчасти отъ уменьшенія самого числа зѣблороловъ. Наша таблица можетъ приблизительно показать, сколько прошлогоднія времена Нарымскіе торговцы приобрѣтаютъ зѣбровъ какимъ цѣнамъ они продаются.

Количество	Низшая		Средняя		Высшая			
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		
соболей	80	4	—	—	25	4	50	
сиводушекъ	45	7	—	—	8	—	9	50
бѣлодушекъ	90	3	—	—	3	50	4	—
бѣлки	155,000	—	5½	—	8	—	10	—
бѣлка	1000	—	50	—	80	1	10	—
горностаевъ	1500	—	20	—	27	—	30	—
бѣлы	40	4	—	—	5	50	7	—
бѣлка	30	2	—	—	2	25	2	50
бѣлка	25	6	—	—	7	50	9	—
бѣлка	300	3	50	—	3	75	4	—
бѣлка	150	—	60	—	75	—	80	—
бѣлка бѣличныхъ	26 п.	18	—	—	20	—	30	—

Изъ этой таблицы видно, что, несмотря на замѣтное

уменьшение добычи зверя, цены на него стоять почти одинаково. Это происходит оттого, что торговцы выгоднее подсаживать прежний довольно сходный для нихъ зверь, а иного не находятся въ необходимости продавать свою добычу хотя бы не по сходнымъ для нихъ цѣнамъ, потому что это доставляет имъ средства къ существованію.

Гораздо замѣчательнѣе въ Нарымѣ промыщенность торговли рыбой, которую мѣстные купцы и мѣщане покупаютъ изъ первыхъ рукъ въ Нарымѣ и его окрестностяхъ и потомъ отправляютъ для продажи въ Томскъ. Весною обыкновенно солятъ здѣсь язей или сушатъ ихъ въ видѣ позема. По вскрытии Оби, запасы такого рода отправляются въ Томскъ водою. Въ Іюнѣ и Іюльѣ производится покупка и засолъ въ бочкахъ стерлядей. Къ нимъ въ Октябрь и Ноіябрь мѣсяцахъ приносятъ свѣжую, мороженую рыбу—карасей, щукъ, окуней, свѣжую стерлядь и осетрину, и все это увозятъ также въ Томскъ сухопутно, вмѣстѣ со кедровыми орехами и брускиной, если годъ былъ урожайный на эти предметы. Всѣмъ этого эта изъ Томска прибываетъ въ Нарымъ медь, масло, сольныи съѣды и другие мелочиные товары, въ особенности же предметы необходимые для устройства различнаго рода ловушекъ для звериной и рыбной ловли.

Торговли мелочной скѣпѣнными припасами въ Нарымѣ существуетъ. Отъ этого, частныхъ лица здѣсь очень часто нудаются изъ приобрѣтенія для себя даже рыбы, не смотря на то что ее промышляютъ почти каждый и при томъ въ теченіи вс资料

году. Причина этому та, что здѣшнія торговцы рыбью промышленностью сказать и о продажѣ мяса. Покупая мясо здѣсь обыкновенно въ Ноіябрь и начиная съ марта запассы мясомъ, то будетъ поставленъ въ продажу послѣ у мясниковъ мелочными количествами по 4 коп. за фунтъ.

На значительное сѣверное положеніе Нарымы, здѣсь хороши и огородные овощи, какъ на прибрежье, капуста, морковь, огурцы и проч. ростутъ никакже, не смотря на то, огородничество идетъ Имъ, обыкновенно, занимаются женщины, между какихъ и только для домашняго обихода. Поэтому, огородныхъ овощей, кроме развѣ луку, почти не-

имѣетъ есть приходское училище, въ которомъ обучаются мальчики.

датъ хоть какое нибудь понятіе о климатѣ Нарымы, находимъ здѣсь три метеорологическихъ замѣтки за 1869 и 1870 г.

Барометрическое небо Нарым.

Времена года.	1867.			1868.			1869.			1870.		
	максим.	миним.	ср.г.									
Январь	-	312	294	305,9	314,9	299	314,9	309,4	298,2	304,7	310,9	296
Февраль	-	306	298	303,19	307	297	302,69	308	294	303,74	306,5	295,7
Март	-	310	278	304,42	333,7	297,4	304,57	316	296	305,3	313,4	296,4
Апрель	-	311	239	303,5	312,10	298	305,7	314,4	297,6	306,3	312,0	300
Май	-	312	294	303,56	314,9	297,4	304,75	316	294	306	313,4	295,4
Июнь	-	312	294	303,56	314,9	297,4	304,75	316	294	306	313,4	295,4
Июль	-	312	294	303,56	314,9	297,4	304,75	316	294	306	313,4	295,4
Август	-	312	294	303,56	314,9	297,4	304,75	316	294	306	313,4	295,4
Сентябрь	-	312	294	303,56	314,9	297,4	304,75	316	294	306	313,4	295,4
Октябрь	-	312	294	303,56	314,9	297,4	304,75	316	294	306	313,4	295,4
Ноябрь	-	312	294	303,56	314,9	297,4	304,75	316	294	306	313,4	295,4
Декабрь	-	312	294	303,56	314,9	297,4	304,75	316	294	306	313,4	295,4

Времена года.	1867.			1868.			1869.			1870.		
	максим.	миним.	ср.г.	максим.	миним.	ср.г.	максим.	миним.	ср.г.	максим.	миним.	ср.г.
Январь	-	24°	-26°	21°	23°	-23°	21,1°	39°	-25°	1,57°	30°	-26°
Февраль	-	35°	-	11,16	40°	-29°	12,85°	33°	-1°	11,43°	40°	-11,70
Март	-	15,50	-21°	-2,22°	15°	-26°	-5,83°	17,5°	-28°	-3,39°	16°	-32°
Апрель	-	3,30	-35°	-12,86°	-10	-36°	-16,9°	-1°	-36,5	-14,63°	4°	-32°
Май	-	35°	-	0,63°	40°	36°	1,05°	33°	-36,5°	-1,47°	46°	-32°
Июнь	-	35°	-	0,63°	40°	36°	1,05°	33°	-36,5°	-1,47°	46°	-32°
Июль	-	35°	-	0,63°	40°	36°	1,05°	33°	-36,5°	-1,47°	46°	-32°
Август	-	35°	-	0,63°	40°	36°	1,05°	33°	-36,5°	-1,47°	46°	-32°
Сентябрь	-	35°	-	0,63°	40°	36°	1,05°	33°	-36,5°	-1,47°	46°	-32°
Октябрь	-	35°	-	0,63°	40°	36°	1,05°	33°	-36,5°	-1,47°	46°	-32°
Ноябрь	-	35°	-	0,63°	40°	36°	1,05°	33°	-36,5°	-1,47°	46°	-32°
Декабрь	-	35°	-	0,63°	40°	36°	1,05°	33°	-36,5°	-1,47°	46°	-32°

Ладенія природы.

Годы.	Вѣтра. холода- ний.	Особен- но по- чные типо.		снегъ и буряи.		дождь.		Послед- ствия.		Дамъ- ни- мъгъя.		Рѣп- тии.		Report.	
		снегъ. ній.	ній.	снегъ. ній.	ній.	снегъ. ній.	ній.	снегъ. ній.	ній.	снегъ. ній.	ній.	снегъ. ній.	ній.	снегъ. ній.	ній.
1867	183	180	—	152	213	105(35 бураю)	90	17	40	—	4	—	—	16	
1868	128	117	36	142	223	86(29 6.)	70	2	59	68 д.	1	4	22		
1869	128	109	27 д.	130	177	103(266.)	75	21	51	81 д.	22	3	14		
1870	168	125	4 6.	125	163	100.	65	25	57	58	22	—	9 (*)		
Средняя	152	132	16	131	194	98 (въ томъ чи- ль бур. снегъ.)	75	16	53	51.	12	1	15		
цифра.															

(*) Сверлое сильнѣе 5 разъ но не отмѣчалось.

Въ 30 верстахъ, которыя зимою пролегаютъ мѣстами ровными, луговыми, покрытыми кустарникомъ и даже лѣсомъ, нынѣ для построекъ, осиной и тополемъ, находится село Парабельскрое. Въ немъ 12 домовъ, довольно порядочная деревянная церковь и волостное правление, загѣдующее Парабельскую волостью. Эта волость состоитъ изъ двухъ сель и одной деревни, Жителей считается 1947 д. м. п. и 1848 ж., изъ которыхъ крестьянъ 1792 д. м. п. и 1805 ж., а остальные поселенцы разныхъ наименованій. Часть жителей занимается хлѣбопашествомъ и получаетъ порядочные выгоды отъ зѣрнаго и зернаго промысловъ.

Главное открытие, сдѣланное Кастреномъ во время пребыванія своего на сѣверѣ Томской губерніи, было то, что такъ называемые вѣдьшии Остики—отнюдь не Остики, и не особенное, какъ показалъ Кландрть, племя, произшедшее отъ смѣшавшихся Остиконъ съ Самоѣдами, а настоящіе Самоѣды, распространявшиеся отъ Тыма до Чулыма. Изъ нихъ значительно уклоняется однакоже отъ языка сѣверныхъ Самоѣдовъ, по крайней мѣрѣ отъ обдорского диалекта, и распадается на нѣсколько нарѣчий, изъ которыхъ важнѣйшія: 1) сѣверное, или Нарымское, къ которому принадлежитъ и Тымское, 2) среднее или Кетское и 3) южное, называемое обыкновенно Чулымскимъ. Кастренъ изучилъ всѣ эти нарѣчія и надѣлся въ посѣдѣствіи представить особую грамматику ихъ съ словаремъ и нѣкоторыми богатырскими вѣтвями, которая ему почастливилось записатьъ въ этомъ уже обрушившемъ краѣ. Изучаль онъ ихъ въ г. Нарымѣ и въ с. Тогурѣ и Молчановѣ, находящихся на верхней Оби и составляющихъ средоточіе упомянутыхъ нарѣчій: Нарымъ нарѣчіе сѣверное, Тогуръ—средніяго, а Молчаново южнаго. Особенныхъ подзодокъ ему незатѣмъ было предпринимать, потому что по Оби онъ встрѣчалъ достаточно какъ кетскихъ, такъ и чулымскихъ лѣсныхъ Самоѣдовъ. Чулымскіе Самоѣды ни языкомъ, ни образомъ жизни не отличаются значительно отъ живущихъ по верхней Оби: ихъ всего двѣ небольшія деревни на нижнемъ течении Чулыма. Болѣе обширное поле для изслѣдований представляла Кастрену рѣчина областіи Кеты; но все, что можно было узнать, разѣзжалъ по этой дикой странѣ, онъ узналъ въ Тогурѣ. Въ области томскихъ Самоѣдовъ находятся скверные Барабинскія болота, которымъ сдавали есть чтонибудь подобное на всѣмъ земномъ шарѣ, какъ по обширности, такъ и по злокачественности ихъ испаеній. Изъ этихъ болотъ ежегодно распространяются опустошительные заразы, поража-

ющія, безъ разбора, и людей и животныхъ, истребляющія всѣ стада, что составляетъ главное пренятіе всякому воздѣльванію и благосостоянію. Окруженные такою враждебною природою, Самоѣды и въ Томской губерніи остались болѣею частью дикими обитателями лѣсовъ, которымъ покрытия сѣльскомъ поля пріятіе домашнаго очага. Нѣкоторые выбралисѧ, конечно, изъ лѣсовъ, разсталисѧ имъ всегда съ болотами, но жизнь всетаки осталась жизнью лягушкѣ въ грязи. Даже и самки на русскій ладъ устроения жилища ихъ похожи на хлѣба, въ которыхъ люди, телята, собаки и куры дружелюбно живутъ подъ одною кровлею. Хотѣлось бы увѣрять себя, что въ этомъ сожительствѣ они, по крайней мѣрѣ, ведутъ жизнь певчінную, безизрочную, но и эта иллюзія уничтожается тотчасъ же страшно обезображенными лицами, множествомъ пыщыхъ, не только мужчинъ, но и женщинъ, валиющихся въ юртахъ и раздирающихъ выше ухо громкими лосовыми диссонансами, противившими даже и реву ихъ безсловесныхъ товарищей.

Изъ этого не совсѣмъ эстетического описанія можно заключить, что даже и въ сѣверной части Томской губерніи находишься все еще вѣкъ предѣловъ цивилизациіи. У самоѣдского населения страны ни когда не найдены хотя нѣсколько спосабливого приюта. Кастрепу приходилось по нескольку прожести ночь въ самоѣдской юртѣ—онъ всегда забирался на печь; обыкновенно же остававшись въ такихъ русскихъ деревняхъ, въ которыхъ можно было встрѣтить Самоѣдовъ или въ самой деревнѣ, или въ ея окрестностяхъ. У русскихъ Сибиряковъ жилище всегда чисто и опрятно; одна бѣда—такъ холодно, что безъ шубы не обойдешься. «Могутъ быть, конечно, исключения, говорить Кастрепъ въ письмѣ къ Ассессору Раббе; но чѣмъ, по крайней мѣрѣ, ни разу не привлеклось даже и въ городахъ пожить въ комнатахъ двойными поломъ, со стѣнами, въ которыхъ не продувало бы, и стъ окнами, въ которыхъ не было бы разбитыхъ стеколъ. Всего чаще попадалъ я въ дома, построенные изъ гнилыхъ барочныхъ досокъ. Именно такого рода былъ и обѣ главныхъ моихъ квартиръ между Нарымомъ и Томскомъ. Въ одной изъ нихъ, а именно въ деревнѣ Тогурѣ, я провелъ Рождество, въ ужасѣйшей борьбѣ съ холодомъ и, въ добавокъ еще, безъ ветчины, безъ соленої рыбы, безъ елки, подарковъ и поздравленій. Я бесѣдовалъ ежедневно съ однѣмъ Самоѣдомъ изъ лѣсной стороны, человѣкомъ необыкновенно веселымъ, добродушнымъ, говорливымъ и сверхъ того докору на все. Онъ увѣрялъ меня, что умѣть и тесать, и ковать, и класть ка-

менины стѣнъ, и платинить, что можетъ дѣлать стрѣлы и копья, даже боярка и люди. Но скажу, онъ быть и филологъ, потому что могъ объясняться на четырехъ и въ сорока сятии семи языкахъ, существующихъ, по его мнѣнію, въ міре. И по естествопѣданію онъ обнаружилъ столько сѣфдѣйе, что имѣлъ бы полное право заявить, чѣмъ въ Академіи наука, которая, по предсказанію Булгарина, будетъ скончана учрежденіемъ въ Обдоркѣ. Не меньше онъ былъ сѣфдѣцъ и въ медаканѣ, потому что зналъ врачебнаго спасителя трута, можжевелника и дорогой травы, (сассанарели); что во времена пользованія лѣкарствами, надобно воздерживаться отъ употребленія медвѣжьего мяса. Въ довершеніе всего этого, мокъ Самоѣдъ былъ еще въ высшей степени лестный и добровѣтъный человѣкъ. Только относительно его христіанскаго понятія ли чего не могу и сказать особенно достохвального. Когда я однажды спросилъ этого высокочесаного мужа, что будетъ, по его мнѣнію, съ человѣкомъ по смерти, онъ отвѣтилъ миѣ положительное: то же, что и съ собакой—будетъ лежать, и гнить, где гнѣсть. На вопросъ же, не продолжится ли существованіе души и по смерти—онъ отвѣтилъ коротко: «айди, посмотри и узнаешь». Онъ почтительно трахоясь привозилъ жертвы богамъ, созданными рукою человѣка, а между тѣмъ самъ же дѣлалъ ихъ, и это, кажется, ли сколько не тревожило его совѣсти. Жену свою, по собственному его признанію, онъ укралъ, но, какъ полагаю, загладилъ поть грѣхъ тѣмъ, что пожертвовалъ спящему десятую часть калижа; живеть съ нимъ хорошо; рѣдко бѣть; позволяя ей курить табакъ и ни когда не напивалась пьяными безъ того, чтобы не напоить и свою старуху. Съ этимъ—то человѣкомъ я прошелъ всѣ святыи довольно весело и съ существенною пользою для ученой цѣли моего путешествія.»

Нынѣ Тогурѣ очень хорошее селеніе, лежащее на лѣвомъ берегу Оби, прямо противъ впаденія въ нея Тогурскаго устья Кети. Въ немъ около 80 домовъ, церкви, основанная въ 1761 г., волостное Правлѣніе, перенесенное сюда изъ села Кетского около 30 лѣтъ тому назадъ, и приходское училище, въ которомъ учатся до 17 мальчиковъ. Жителей въ Тогурѣ считается 1309 м. и. Всѣ Кетская волость заключаетъ въ себѣ 4 села и 27 деревень. Въ нихъ считается жителей 1875 м. и. и 167 ж. изъ которыхъ отставныхъ чиновниковъ 1 м., духовенства 14 д. м. и 14 ж., крестьянъ 1785 д. м. и 1616 ж. Остальное населеніе составляютъ казаки, поселенцы и т. п. Земли подъ

нашими въ юной волости занято 1945 дес. Хлѣбъ иначе не родится, какъ на землѣ уваженной.

Въ с. Тогурскомъ была нѣкогда ярмарка, начинавшаяся съ 1 Мая и продолжавшаяся до 20 Июня. Тогда прѣѣзжали сюда не только Томскіе, но и Тобольскіе и Енисейскіе купцы для выгоднаго торга съ инородцами. Старики съ сожалѣніемъ вспоминаютъ обѣ этомъ времени. Въ двадцатыхъ годахъ, по ходатайству нарымскихъ купцовъ, эта ярмарка переведена въ Нарымъ, гдѣ поминально существуетъ и теперь.

Если бы мы изъ с. Тогурского вздумали проѣхаться по Кети, то въ 179 верстахъ отъ него, на правой сторонѣ Кети, нашли бы село Кетское, состоящее изъ 13 дворовъ и церкви при 45 д. м. п. Однакоже, несмотря на теперешнюю свою незначительность, с. Кетское довольно замѣчательно. Здѣсь былъ нѣкогда Кетскій острогъ.

Когда основанаѣтъ острогъ, положительно неизѣбѣтно, но, вѣроятно, въ одинъ годъ съ Нарымскимъ т. е. въ 1596 г. Первое населеніе Кетскаго острога состояло изъ служилыхъ людей, которые, въ числѣ 30 человѣкъ, ежегодно посылались сюда изъ Сургута. Служба этой горсти казаковъ была не совсѣмъ легка, въ особенности, если принять въ соображеніе трудность сообщенія по Кети и то, что соѣдніе инородцы, какъ кротки въ тихъ они ни были, все же возставали иногда противъ новаго русскаго владычества, а потому гарнизонъ Кетскаго острога долженъ былъ постоянно держать себя на сторожѣ. Но русское укрѣпленіе стало подымать вodoю, такъ что представлялась необходимость перепести его на 215 в. ниже по Кети, именно на то мѣсто, гдѣ теперь село Кетское. Когда случилось это, неизѣбѣтно.

Съ самаго основанія своего, Кетскій острогъ завѣдавалъ волостями Кадышкою, Волдинскою и Енисейскою, которыми занимали обширное пространство отъ Енисея до Томи. Въ 1604 г. на Томи основанаѣтъ новый острогъ—Томскій. А какъ въ данномъ первымъ Томскимъ воеводамъ наказѣ написано было, чтобы въ каждомъ мѣстѣ ясачныхъ волости причислить къ ближайшимъ городамъ, то они приписали къ Томску всю рѣку Чулымъ, со всѣми живущими по ней инородческими племенами. Это значило прямо поставить на власть Кетскаго воеводы, потому что рѣка Чулымъ уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ была

прогѣдана Сургутскими казаками и вся ея средина, отъ устья рѣки Кемчуга внизъ по течению, присуждена была къ Кетскому острогу. Кетскій воевода Постникъ—Бѣльскій не могъ оставить безъ вниманія такого обстоятельства и писаль Томскому воеводамъ, что такимъ самоволичнымъ дѣйствіемъ они его „лаютъ и ему о томъ писать Государю; а будеть дастъ Богъ на Москву и увидитъ онъ царскія очи, и ему быть челомъ на нихъ о безчестіи.“ Однакоже Томскіе воеводы не обратили ни какого вниманія на этотъ протестъ. Наконецъ, уѣдясь, что самое положеніе Томска таково, что обусловливаетъ уже подчиненіе ему Чулымскихъ инородцевъ, Кетскій воевода уступила, а въ 1629 г., когда Томскъ сдѣланъ былъ разрядомъ или провинциальнымъ городомъ, Кетскій острогъ и самъ долженъ былъ поступить въ вѣденіе Томска. Это было весьма естественно. Кетскъ имѣлъ своимъ назначеніемъ смирять воинственныя движенія инородцевъ, бродившихъ на огромномъ пространствѣ между Обью и Енисеемъ, по рѣкамъ Кети, Чулыму и др. Съ того времени, какъ мы стали твердою ногою на Енисѣѣ и построили тамъ остреги Туруханскій (1607 г.), Енисейскій (1619 г.) и Красноярскій (1628 г.), Кетскій острогъ былъ уже не нуженъ и, сослуживъ вѣрою свою службу, поступилъ подъ власть младшаго ему острога Томскаго которому еще долго предстояло бороться съ разными чужеземными племенами для утвержденія нашей власти на Оби. Въ 1619 г. Петромъ Албычевымъ и Черкасомъ Кукинымъ, на берегу р. Кети, заложенъ былъ острогъ Маковской противъ сильного тогда Тунгусскаго родоначальника Намака. Но и онъ существовалъ, какъ острогъ, не долго и получилъ значение какъ пристань на пути, соединяющемъ Обскую рѣчную систему съ Енисейской.

Въ Кетскій острогъ назначалось всегда по одному воеводѣ. На проѣздѣ ему, отпускались прогоны на 12 лошадей. Не смотря на обширную власть, какую вообще пользовались воеводы въ отдаленныхъ мѣстахъ, Кетскіе воеводы старались еще присвоить себѣ власть Таможенныхъ Головъ, такъ какъ здѣсь до половины XVII в. существовала таможенная застала, для взиманія пошлины съ разныхъ товаропоѣзда и преимущественно мягкой рухлды, привозившейся съ Лены и Енисея. При тѣкомъ присвоеніи власти Таможеннаго Головы, воевода часто дѣйствовали съ единственной цѣлью поправить свои собственныя дѣла. Въ 1645 г. промышленные люди гостиной сотни Исаакъ Ревинкинъ съ товарищами были челомъ въ Москву, что Кетскій воевода Василій Пелединскій бралъ съ ихъ приказчиковъ проѣзжей пошлины со всякаго человека по 10 денегъ, а

мягкой рукиди не досматривал; да себѣ бразъ съ 1000 солей по 30 рублей, а со 100 по 3 руб. и больше. По этому случаю парижено было следствие, но чѣмъ оно окончилось—невѣдѣтельно. Однако же, по избѣжаніе подобныхъ злоупотреблений на будущее время, повелѣно, чтобы съ торговыхъ и промышленныхъ людей всякия таможенные пошлины за Кетскъ братъ въ Сургутѣ.

Кетскій острогъ имѣлъ свой особенный гербъ, въ которомъ изображена была рысь.

Изъ присяжного листа 1732 г. видно, что у жителей Кетска еще считался даже въ это время городомъ. Тогда въ немъ существовала Троицкая церковь, при которой состояла священникъ и пономарь. Послѣдній былъ безграмотенъ.

Въ настоащее время—селение Кетское состоять не болѣе, какъ изъ 13 дворовъ. Жители его преимущественно занимаются зѣрловствомъ, хлѣбопашествомъ и собираюю кедровыхъ ореховъ.

Масляницу Кастренъ проводилъ довольно непрѣятно въ деревнѣ Молчановой, где его помѣстили въ верхнюю этажъ обыкновенного кабака. Здѣсь, въ продолженіи всей разгульной недѣли, онъ ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя отъ шумливыхъ пьяницъ. Молчанова—небольшая деревня, окрестная страна бѣдна и рѣдко заселена. Самоѣдами; не смотря на то, продажа вина производилась въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что кабакъ въ одинъ день масляници выручили почти 1800 р. Но этому можно себѣ составить понятіе о пьянствѣ въ Сибири. Оно распространено до такой степени, замѣчаѣтъ Кастренъ, что здѣсь почти уже и не стыдится его. „Вѣн мы грѣшины“, обыкновенно отвѣчаетъ Сибирякъ съ трезвостию кого бы то ни было. Даже молодымъ дѣвушкамъ не ставятъ въ порогъ, если они подгузлюютъ въ праздничное время; но если дѣвушки пить и по буднямъ—рѣдко найдеть они мужа, если не поможетъ богатство. Замужніе же пьютъ почти всѣ безъ исключенія. Уже и это доказываетъ неосновательность жалобъ, будто Сибиряки правственіе и образованіе настоащихъ Русскихъ. Правда, что въ Сибири крестьянка сажь бѣрется, куритъ трубку, любить щего изъ сургутѣ, говорить красиво, не вѣрить отъ ее помонахъ и лживыхъ, чуждается великаго сектаторства и т. д.;

за то русской благородиѣ, честиѣ, откровеніе и смѣшливѣ. Въ Россіи крестьянинъ, умѣющій читать и писать, совсѣмъ уже не рѣдкость, а въ Сибири встрѣчается даже и купцы, одни умѣющихіе подписать свое имя. По этому самому и сильные, гораздо болѣе образованіе, пользуются здѣсь иѣсториимъ уваженіемъ за такъ называемое „исторетво“; да и они сами считаютъ себя людьми породы гораздо высокой, чѣмъ туземцы. Всего болѣе отличается Сибирякъ отъ настоящаго Русскаго страстно жить широко и роскошно. Это происходитъ не отъ того, чтобы Русскій любилъ кончить деньги, во ризъ, по пословицѣ, любить противить ножки по плечамъ; Сибирякъ же славится способностью жить не по средствамъ. Въ городахъ не рѣдко блестящій экипажъ составляетъ все его движимое и недвижимое имущество, а въ деревняхъ—зачастую одинъ только самоваръ.

Кромѣ Русскихъ и Самоѣдовъ, Кастренъ встрѣчалъ на пути изъ Нармы въ Томскъ и Татаръ, не говоря уже о Тунгусахъ, бродящихъ всюду. Въ вѣсколькихъ верстахъ за Молчановой, самоѣдское населеніе прекращается; тутъ къ нему не непосредственно примыкаетъ татарское. Большая часть сѣверныхъ татаръ принадлежитъ уже однако христіанству и почти вѣсколько отличается отъ Русскихъ какъ въ образѣ жизни, такъ и правами. Они прославились и живутъ „по нашему“, скажаль путешественнику русской язычнице, расхваливая крещеніе татаръ.

Верстахъ въ 30 отъ Томска Кастренъ увидѣлъ первую иечеги. Онь вошелъ въ юрту и нашелъ въ ней вѣсколько мусульманъ, бесѣдовавшихъ за самоваромъ. Хотя это были сильные и, судя по наружности, жили въ большой нуждѣ, они принали его однакожъ съ вѣбикновеннымъ радушіемъ. „Можнобы было привести и еще вѣсколько примѣровъ татарского гостепримства, говорить Кастренъ въ письмѣ къ Ассессору Раббе отъ 5 марта 1846 года, гостепримства, испытыванаго мною въ другой деревнѣ, где меня задержало на некоторое время одно порученіе Академіи; но голова моя въ настоящую минуту полна заботъ о предстоящемъ мнѣ путешествіи (въ Туруханскій край)“.

Означенное порученіе Академіи заключалось въ томъ, что, согласно инструкціи г. Кеппена, Кастренъ по дорогѣ въ Томскъ

долженъ быть собрать необходимыи свѣдѣнія о татарской племени Еушга. Это племя дѣйствительно существуетъ и четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ Томска, гдѣ и до сихъ порь одно татарское селеніе называется еще Еуштинскимъ. Онъ пробылъ нѣсколько дней въ этомъ селеніи и выспросилъ у татаръ все, что они знали о томъ, какъ ихъ предки служили Россіи и эпоху завоеванія Сибири, о могущественномъ князѣ ихъ Толинѣ, о которомъ свѣжая еще между ними память, обѣ основаніи города Томска и т. д. Вотъ вкратце историческая часть ихъ разсказовъ: во время завоеванія Сибири, княземъ Еуштинскимъ племени былъ Толинъ; владѣнія его простиралось на 10 верстъ въ длину и на 5 въ ширину, считая въ верстѣ по 1000 саж. Какъ и другіе татары, онъ жилъ въ землянкахъ; ихъ было не дѣ—одна лѣтняя, другая—зимняя; первая находилась близъ теперешняго Еуштinskага, послѣдняя на высокомъ мысу противъ того мѣста, гдѣ потомъ построены городъ Томскъ. Эта мысъ и теперь называется городкомъ. Весьма вѣроятно, что онъ былъ укрѣплѣнъ; но Толинъ, видно, не слишкомъ полагался на это, потому что уговорилъ окрестныхъ татаръ покориться Русскимъ добровольно; официальная свѣдѣнія намекаютъ однакожъ на то, что несмотря ни на силу, ни на вліятельность свою, онъ не добился общаго согласія и потому для обезопасенія собственной своей личности отъ возможныхъ нападеній соплеменниковъ, просилъ русского царя построить для защиты его крѣпость. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Томскъ построенъ по просьбѣ самаго Толина и на его земль.

Въ Томскѣ Кастренъ прибылъ въ началѣ Марта 1846 года, но пробылъ здѣсь не долго, такъ что въ половинѣ этого мѣсяца онъ находился уже въ Енисейскѣ, стремясь пробраться какъ можно дальше къ сѣверу по Енисею.

І I.

Главную массу населенія Нарымскаго края составляютъ русские и инородцы,—туземцы.

Русское населеніе образовалось здѣсь изъ различныхъ элементовъ. Его составляютъ отчасти потомки первыхъ поселителей Сибири—казаковъ и промышленныхъ людей, отчасти ссыльные изъ разныхъ мѣстъ Гессенъ и ихъ потомство. Гдѣ я и мѣстами условия края, конечно, ограничили себѣ способъ

вѣстный подъ названіемъ *сибирской*. Такъ этотъ извѣстенъ, что распространяться обѣ немъ было бы излишнимъ, потому мы прямо переходимъ къ инородцамъ.

Инородцы Нарымскаго края Остяки и Самоѣды.

Остаки въ Нарымскомъ краѣ живутъ по рѣѣ Васъ—югату. Ни по языку, ни по образу жизни,—словомъ ви въ чемъ-то не отличаются отъ своихъ современниковъ Сургутскихъ Остяковъ.

Языкъ Нарымскихъ Остяковъ Кастренъ называетъ Сургутскимъ нарѣчіемъ, которое начинается собственно въ р. Пымѣ и отсюда распространяется по Оби и ея притокамъ. Васъ—юганъ составляетъ южную границу этого нарѣчія, которое признается болѣе чистымъ, нежели другія (иртышское и обдорское), хотя оно, можетъ быть, и грубѣе другихъ, и въ грамматическомъ отношеніи не имѣть такой опредѣленности, какъ иртышское.

Раздѣлъ Остяковъ, по занимаемой ими мѣстности, на иртышскихъ, сургутскихъ, къ которымъ принадлежать и Остяки Нарымскаго края, и обдорскихъ, Кастренъ дѣлаетъ между ними весьма интересныи сближенія. Такъ какъ русское гостеподство утвердилось прежде всего на Иртышѣ и отсюда уже мало по мѣру распространялось на сѣверъ и на востокъ, то, естественно, иртышские Остяки усвоили себѣ плоды русской цивилизациіи дѣлко лучше остальныхъ своихъ соплеменниковъ. Они давно уже крещены и соблюдаютъ всѣ предписанія православной церкви. Христіанскаго ученія они, разумѣется, почти совсѣмъ не понимаютъ, но вѣрятъ безусловно въ истину его, и большей частью совсѣмъ уже забыли свою прежнюю языческую религию. И сургутскіе Остяки носятъ кресть на шеѣ, вѣшаютъ образъ на стѣну, но кромѣ этого ви не откроете пѣнихъ уже ничего христіанскаго. Остяки, живущіе по Пымѣ, Югану, Тріогану и другимъ притокамъ Оби, сильно придерживаются язычества. По низкѣй Оби, кондинскіе Остяки находятся на одной степени образованности съ сургутскими; изъ принадлежащихъ же къ обдорской волости, всѣ живущіе ниже Обдорска, до сихъ порь даже и не крещены еще.

Вообще Остяки боится образования и цивилизации отъ глубоко-удержавшагося убѣжденія, что всякое со стороны прѣшедшее просвѣщеніе уничтожаетъ его национальность и сдѣ-

ласть русскимъ. У Самоѣда „сѣѣться русскимъ“ и „сѣѣться христіаномъ“ два совершило однозначуща выраженія. Будучи большемъ частію крещені, Остяки затѣмъ ничего уже не хотятъ знать о христіанствѣ, потому что, точно также, какъ и Самоѣда, убѣришь, что нельзѧ быть истиннымъ христіаномъ, не сѣѣвались Русскимъ. Можетъ быть, причиной этого половій приступу къ обращенію: какъ бы то ни было, вѣрно по крайней мѣрѣ то, что Обскіе Остяки, изъ опасенія утратить свою национальность, не погибаютъ лѣсомъ и пустынѣ, недоступныхъ для иноzemной цивилизациі, потому что рѣки, ведущія къ имъ жилищамъ, недоступны ни къ какой правильной коммуникаціи, хотя Остяки и щаваютъ по нимъ въ своихъ членокахъ.

Каждый остицкій родъ имѣеть издревле своихъ собственныхъ кумироў, которые часто хранятся и честуются вѣльмъ родомъ жертвами и другими обрядами изъ особой юртѣ. Эти юртѣ - кумири состоять обыкновенно въ завѣдываніи духовного лица; это лицо, во одно и тоже время, и прорицатель, и жрецъ, и врачъ, и пользуется величайшимъ уваженіемъ. Такъ какъ вся остицкая религія въ сущности только магія, то и жрецъ по преимуществу прорицагели или шаманы. Какъ есть родъ, такъ и частныи лица обращаются къ нимъ съ вопросами въ сомнительныхъ обстоятельствахъ; но шаманъ ни когда не дастъ отвѣта прямо отъ себя: во всякомъ случаѣ, онъ сперва вопрошаєтъ боговъ и потомъ уже возбѣщаєтъ решеній ихъ. Онъ неможетъ однакожъ попрошать высшаго, небеснаго бога, называемаго Остяками Турмъ (Турумъ), ибо Турмъ говорить съ людьми только гиѣвными голосомъ, грома и вихря. Полагая, что Турмъ повсюду слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него не скрывается ни добро, ни зло и что онъ непрестанно воздаетъ каждому по его заслугамъ, его все таки почитаютъ существомъ недоступнымъ для смертнаго и необыкновенно страшнымъ. Молитвы не доходятъ до него: онъ управляетъ судьбами мира и людей по неизѣннымъ законамъ справедливости. Его нельзѧ умилостивить ни какими жертвами, ибо онъ смотритъ только на внутреннія достоинства людей и по нимъ распредѣляетъ свои дары, не обращая вниманія на мѣлкіи и жертвы. Но этому, если въ какичъ либо обстоятельствахъ, Остяки имѣеться нужду въ верховной помошни, то онъ долженъ обращаться къ другимъ подчиненнымъ божествамъ. Постолькій изображаются различно, и изображенія ихъ составляютъ частію

семействомъ и лицамъ. И тѣ и другія, иногда совсѣмъ не отличаются другъ отъ друга; по крайней мѣрѣ, они большемъ частію деревянинъ, выѣтъ чѣловѣческій видъ и представляются то мужскій, то женскій существа. Общественные кумири отличаются отъ частныхъ только болицкими украсшеніемъ. Нѣкоторые одѣты въ красную одежду, съ јежерельемъ на шеѣ и другими украсшеніями. Лицо у многихъ украшено листовыми жестью; мужскіе кумири обозначены перѣдко на изнанкѣ въ мечѣ при бедре. Общественные кумири хранятся, какъ сказано, въ особенной юртѣ; за пеимѣніемъ же послѣдней въ начашѣ, или подъ открѣтиемъ небомъ, на отдаленіи отъ храма въ десяткахъ метровъ. Дѣло въ томъ, что Остяки не любятъ показывать своихъ кумироў чужимъ людямъ и потому устраиваютъ кумири въ отдаленіяхъ, ни кѣмъ не посѣщаемыхъ, иѣстахъ, — предосторожность, необходимая уже и потому, что въ кумириныхъ хранилищахъ значительныя приношения денежныи и яѣвли, похищеніе которыхъ чужими вдозопоклощенія соѣдни имъ сколько не почтятъ святотатствомъ. „Незнаю, говорить Кастренъ, много ли у Остяковъ такихъ кумирій, но, бывши въ Обдорскѣ, разъ я ионалъ совершило неожиданно въ общество Остяцкихъ боговъ, стоявшихъ подъ густою склонною листопадицѣ. Всѣ они были голы и ничѣмъ не отличались отъ Самоѣдскихъ Садеекъ. Остяки называли ихъ Йильянъ, въ отличие отъ всѣхъ другихъ кумироў, называемыхъ общимъ именемъ „Люа“ и соответствующимъ Самоѣдскимъ Хазсъ. Вышеупомянутые Йильяны были весьма различной величины: самое большое не превышали и полутора локтѣ, а самые малые имѣли едвали и половину этой величины. Я видѣлъ тутъ же множество оленыихъ шкуръ и роговъ, разныеніи по окружности, деревьямъ и при томъ такъ, что они находились предъ глазами кумироў. Не вдалось быть стаѣ бѣднаго остицкаго рода, для котораго эта роща была общественнымъ святилищемъ.“ Что касается до частныхъ и семейныхъ кумироў Остяковъ, то это или необѣдливые камни и другіе предметы необыкновенныхъ страннѣхъ формъ, или чаше небольшие деревянине кумирочки съ человѣческими лицами и заостренной головой. У каждой семьи и даже у отдельныхъ лицъ есть по одному или по нѣскольку такихъ кумирчиковъ, которыхъ почитаютъ хранителями и возятъ съ собою во всѣхъ странствованіяхъ. Они хранятся въ особенныхъ синихъ и одѣваются въ блестящій остыкій костюмъ, убранію изъ этихъ божковъ приписывается своя особенная сила. Одни охраняютъ олены стада, другіе даютъ хороший ловъ, третьи покутятъ о злоподѣлѣ, а гундужескимъ синаки и т. д.

Когда потребуется, ихъ ставить въ шалашъ, на олени паства, на мѣста звѣрьиной и рыбной ловли.—Тутъ по временамъ приносить имъ жертвы, состоящія изъ намазываній ихъ губъ рыбьимъ жиромъ или кровью и въ становленіи подъ нихъ посудинъ съ рыбой или масломъ. Таковыя частныя жертвоприношенія можетъ совершать каждый самъ; но когда потребуется общая жертва богамъ, когда нуженъ союзъ ихъ цѣлому роду или даже одному лицу, тогда необходимъ уже жрецъ или шаманъ, потому что только онъ можетъ открывать сердца боговъ и говорить съ ними. Шаману же, въ свою очередь, необходимъ толстебный барабанъ. Обыкновенно рѣчъ не достигаетъ слуха боговъ; онъ долженъ бесѣдоватъ съ ними пѣніемъ и барабаніемъ боемъ. Кумиръ, стоящий передъ шаманомъ, также иногда начинаетъ говорить, но, разумѣется его слова слышать только шаманъ. Что бы убѣдить легковѣрную толпу въ томъ, что изъ устья кумира дѣйствительно выходятъ слова, шаманъ вѣшаетъ передъ ними тесму, наложенную на конецъ прямо поткнутой палки, и когда случайно или хитростью шамана, тесма приходитъ въ движение, тогда каждый убѣждается, что изъ устья кумира изъ самотъ дѣлъ выходятъ спасительные шаману звуки. Само собою разумѣется, что при этомъ ни когда не обходится безъ жертвоприношений: обыкновенно, одного или несколькия оленей. По закланіи ихъ шаманомъ, шкура и рога разѣгиваются въ честь богамъ на священныхъ деревьяхъ; мясо же кладется передъ кумиромъ, и затѣмъ вскорѣ ссыдаются собравшееся толпой; при чемъ шаманъ всегда получаетъ свою часть.

Богослуженіе Остяковъ состоитъ почти только въ призываѣніи боговъ и умилостивленіи ихъ жертвами. Впрочемъ, иные роды справляютъ еще и некоторые общественные празднества въ честь боговъ. Изъ этихъ празднествъ значительное всѣхъ справляющее осенью, когда кочевые Остяки возвращаются съ тундръ съ богатою добычою въ своимъ братьямъ, занимающимися рыболовствомъ въ Оби. Оно справляется каждый годъ различными родами и въ немъ участвуютъ не одинъ только членъ празднующаго рода, но и Остяки другихъ родовъ, которые привозятъ съ собою для празднованія и нѣкоторыхъ изъ своихъ старѣйшина божковъ. Послѣдніе ставятся въ той же юртѣ, въ которой хранятся кумиры рода; если же такой не имѣется, то ихъ помѣщаются въ особомъ, нарочно для этого устраиваемомъ, шалашѣ. Торжество всегда совершаются въ ночное время, и вотъ какъ описываетъ его одинъ очевидецъ, Березовскій окр. Врачъ Шавровъ.

Остяки собираются отправлять свое богомолье съ 8 часа вечера и продолжаютъ его до 2 часовъ ночи. Сначала дѣти, для призыва къ богомолью, подбѣжавъ къ каждой юртѣ, кричатъ, какъ искущенные, разными голосами; по этому крику всѣ собираются въ назначенную юрту. Входящій туда Остякъ вѣртится три раза передъ кумиромъ и потомъ садится на правой сторонѣ юрты на нарахъ или на полу, разговариваетъ съ своимъ сосѣдомъ и вообще занимается чѣмъ хочетъ. Лѣвая сторона нара закрыта занавѣсомъ и за нею помѣщаются Остячки, которая при входѣ также вѣртятся. Когда всѣ собираются, то шаманъ гремитъ желѣзными саблями и копьями, заблаговременно приготовленными передъ кумиромъ на шестахъ. Каждому изъ предстоящихъ, исключая женщинъ, закрытыхъ занавѣсомъ, онъ даетъ саблю или копье, а самъ беретъ по сабльѣ въ обѣ руки, становясь къ кумиру спиною. По полученіи обнаженныхъ сабель, Остяки становятся вдоль юрты рядами и вѣртятся вдругъ по три раза, держа передъ собою сабли и копья. Шаманъ удариетъ саблями одна о другую и тогда Остяки, какбы по командѣ, вдругъ поднимаютъ крикъ на разные голоса и, качаясь съ одной стороны на другую, кричатъ то рѣдко, то часто, отставая вѣдь отъ другаго, а при каждомъ повтореніи тай, переваливаются на сторону и осаживаютъ свое оружіе то къ низу, то къ верху. Этотъ крикъ и движеніе продолжаются около часу. Чѣмъ болѣе Остяки въ это время кричатъ и качаются, тѣмъ болѣе приходятъ въ истощеніе такъ, что ваконецъ на нихъ нельзѣ смотрѣть, безъ сожалѣнія. Постѣ этого, всѣ умоляютъ, только вѣртятся по прежнему, а потомъ отдаютъ шаману оружіе, которое онъ кладеть на прежнее мѣсто. Постѣ этого всѣ садятся на нары и по полу; занавѣсъ открывается, Остяки выходятъ и начинается пляска и музыка. Чрезъ нѣсколько времени шаманъ снова раздаетъ сабли и копы и снова начинается качаніе и крикъ при каждомъ вѣдѣ гай. Въ заключеніе всего, каждый Остякъ стучитъ въ полъ три раза своимъ оружіемъ, отдаетъ его шаману и идетъ домой.

Сверхъ многихъ общихъ низшихъ и высшихъ боговъ, которыхъ есть кумиры, Остяки дѣлаютъ еще изображенія въ честь каждого умершаго тѣ семействѣ, держать ихъ какъ пепатовъ и отдавать имъ почеты, принадлежащи божеству. За всякий обѣдомъ и ужиномъ подаются имъ все, что у нихъ приготовлено, и оставляютъ предъ ними эту пищу на столько времени, чтобы можно было ее употребить; потомъ беруть и бѣдятъ ее

изображения хоронить. Если же умирает шаманъ, то изображение его хранится изъ рода въ родъ и ему покланяются какъ божеству.

Остяки почитаютъ также своими божествами медвѣдя и волка. Должно думать, что такое почитание происходит отъ того, что эти звѣри сильнѣе всѣхъ имъ известныхъ. Опустоша стада оленей, они не щадятъ часто и владѣльцевъ ихъ. Приснагнуть медвѣдѣй или волчей шкуры—считается священнымъ и страшнымъ дѣломъ. Но какъ согласить такое благоволеніе Остяковъ къ этимъ звѣрямъ стѣмъ, что они отнюдь не считаются за грызъ убивать ихъ, отравлять, ловить въ капканы и употреблять изъ мясо въ пищу? Еще страннѣе то, что, убивъ волка или медвѣдѧ, они тутъ же отдаютъ ему подобавающія почести. Снявъ шкуру, набиваютъ ее сѣномъ; щиплютъ ее руками и рвутъ зубами, топчутъ ногами, илюютъ на нее и употребляютъ при этомъ разныя насмѣшки на толь счетъ, что такой сильный звѣрь позволилъ обмануть себя каканомъ, что не могъ устоять противъ мѣткой стрѣлы Остяка и что теперь не можетъ сдѣлать уже ни какого вреда; потомъ плашутъ, поютъ разныя насмѣшливыя пѣсни и наподицъ ставятъ звѣри въ переднемъ углу юрты заднимъ ногами на сундуки, и тогда уже начинаютъ поклоняться ему, какъ божеству. Такія одна другой противуположныя церемоніи надъ шкурой продолжаются недѣлю и болѣе, смотря по состоянію того, кто одержалъ побѣду.

Въ нравственности отношеніи все Остяцкое племя славитъ строгою честностью, необыкновенно у послушливостью, добродушиемъ и человѣкобоязливостью. Но Иртышские Остяки, по мѣрѣ успѣховъ своихъ въ образованности, начали утрачивать эти прекраснія свойства; да и въ другихъ вѣстахъ, около городовъ и въ большихъ деревняхъ, встрѣчашъ уже между ними и ложь, и обманъ даже чаще, чѣмъ между поселенцами.—Попытавшись благосостоянію изъ. Суржескіе слыши вообще соблюдаются строго, хотя браки и рѣшаются полюю родителей и певицтвомъ, но съ насыпками и надчерпами обращаются иногда необыкновенной жестокостью. При Кастренѣ изъ Сургута жила молодой Остякъ, которого поточимъ его хотѣлъ убить; но, склонившись на мольбы матери, отослать на пустой берегъ Югана. Три дня бѣдный малчикъ сидѣть на берегу,

не зная, что емуѣдѣть. На четвертый день, одѣвъ скотину дерево, погнавъ внизъ по рекѣ, подъ скотину берегъ. Ось сѣла на него, подняла внизъ изъ рекѣ и благополучно пристала къ одной рыбачьей лодкѣ, где ею разумно привезли Ее, атакъ, къ вѣтру, въ вѣтеръ остальной, обнаружившись, что нравственные постыдки Остяка опредѣляются бѣдѣ и вынужденіемъ, чѣмъ соединеніемъ права. Но счастіе, этого постыдки тѣльѣ вѣтровъ, сѣло менѣе болѣзней образовано. Среди нихъ, веречинъ, приставленъ на трехъ Остяцкихъ обиектахъ, звѣрины, сѣло сокиныхъ, что обсервіе Остяки наиболѣе якіе, наиболѣе и нравственные, что за нихъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ суржескіе, а сайдователіи и Нарымскіе, что сажахъ болѣзнями тѣльѣ нравственности, которые посмѣянно образованіе есть. При этомъ однажды надо вѣдѣть на рѣкѣ и то, что, тѣльѣ обозначенности, нали, где мало потребностей. Но тѣльѣ идетъ удовлетворяющими, тамъ сидѣть въ страсті, въ походу жалю и поводить въ преступленіяхъ.

Что касается до низшей образованности, то Иртышские Остяки, какъ мы уже сказали, давно лише всѣхъ остальныхъ, въ нихъ, породоточи на русской земле устроили живица, они занимались скотоводствомъ, а въ некоторыхъ мѣстахъ и землемѣріемъ, торфоземъ и другими промыслами, свойственными привилегированной жизни. Землероство и рыболовство для нихъ только помогательные промыслы. Суржескіе и нарымскіе Остяки занятыми, напротивъ, почти исключительно только этими двумя промыслами, ведутъ досѣль волюкощущий образъ жизни, перемѣняютъ жилища каждую осень и весну, а зимою отираются далеко въ лѣса охотиться. Они живутъ въ жилищахъ вортахъ изъ бревенъ, торфа и древесной коры. Во вѣтру эти вортаѣ идутъ ни полюсъ, ни оконъ. Нерѣдко замѣняются сѣномъ, рогожами, оленими шкурами и т. п. изъ отверстіемъ въ югѣ, затягивающимъ лобомъ, пузирьмъ, пазиновою шкурою; иногда это отверстіе блѣдѣетъ и въ красѣ. Во бревенчатыхъ вортаѣ бываетъ или очать въ углу, или чѣмъ для очи въ срединѣ. Первый преимущественно употребляется зимою, второе летомъ. Въ торфяныхъ вортаѣ или землянкахъ живутъ только зимою и потому они всегда съ очами. Юрты изъ бересты—лѣтнія жилища Остяковъ, и потому въ нихъ изъ срединѣ чѣмъ для очи. Почти таковы же образъ жизни, таковы же жилища и старинныхъ Остяковъ. Между обсервіями же много еще народинскихъ Кочевниковъ, живущихъ въ чумахъ и бредаціяхъ по

изображения хоронить. Если же умираетъ шаманъ, то изображеніе его хранится изъ рода въ родъ и ему покланяются какъ божеству.

Остяки почитаютъ также своими божествами медведя и волка. Должно думать, что такое почитаніе происходит отъ того, что эти звѣри сильнѣе всѣхъ имъ известныхъ. Опустоша стада оленей, они не щадятъ часто и владѣльцевъ ихъ. Присягнуть медведю или волчьему шкурѣ—считается священнымъ и страшнымъ дѣломъ. Но какъ согласить такое благоволеніе Остяковъ къ этимъ звѣрямъ съ тѣмъ, что они отнюдь не считаются за грѣхъ убивать ихъ, отравлять, ловить въ капканы и употреблять ихъ мясо въ пищу? Еще страннѣе то, что, убивъ волка или медведя, они тутъ же отдаютъ ему подобающія почести. Святыи шкуры, набиваютъ ее сѣномъ; щиплютъ ее руками и рвутъ зубами, топчутъ ногами, плюютъ на нее и употребляютъ при этомъ разныя насыпушки на тотъ счетъ, что такой сильный звѣрь позволилъ обмануть себѣ канканомъ, чѣмъ могъ устоять противъ мѣткой стрѣлы Остяка и что теперь не можетъ сдѣлать уже ни какого вреда; потому плашутъ, поютъ разныя насыпушные пѣсни и юаконецъ ставятъ звѣря въ переднемъ углу юрты задними ногами на сундуки, и тогда уже начинаютъ поклоняться ему, какъ божеству. Такія одна другой противуположныя церемонии надъ шкурой продолжаются недѣлю и болѣе, смотря по состоянію того, кто одержалъ побѣду.

Въ нравственномъ отношеніи все Остяцкое племя славится строгою честностью, необыкновенною услужливостью, добродушіемъ и человѣкобоязнью. Но Иртышкіе Остяки, по мѣрѣ успѣховъ своихъ въ образованности, начали утрачивать эти прекрасныя свойства; да и въ другихъ жѣстахъ, около городовъ и въ большихъ деревняхъ, встрѣчаешь уже между ними и ложь, и обманъ даже чаще, чѣмъ между поселенцами.—Пьянство общи Остяцкій порокъ, и, выѣсть съ лѣнью, главное препятствіе благосостоянію ихъ. Супружескіе связи вообще соблюдаются строго, хотя браки и рѣшаются волею родителей и не вѣста покунается. Дѣти вскармливаются съ любовью и заботливостью, но съ насыпками и падчерицами обращаются иногда съ необыкновенной жестокостью. При Кастренѣ въ Сургутѣ жила молодой Остякъ, которого вотчина его хотѣла убить; но, склонившись на молбы матери, отвелъ на пустой берегъ Югана. Три дня бѣдный, голодный мальчикъ сидѣлъ на берегу,

не зная, чѣмъ ему дѣлать. На четвертый день онъ замѣтилъ дерево, лежавшее внизъ по рѣкѣ возѣ самаго берега. Онъ сѣлъ на него, поплылъ внизъ по рѣкѣ и благополучно присталъ къ одной рыбачьей хижинѣ, где его радушно приняли. И въ этомъ, какъ и во всемъ остальному, обнаруживается, что нравственные постуки Остяки опредѣляются болѣе инстинктомъ, чѣмъ соціальными правами. По счастію, этотъ инстинктъ тѣмъ шире, чѣмъ менѣе человѣкъ образованъ. Сравнивъ перечинъ преступлений въ трехъ Остяцкихъ областяхъ, видимъ, бѣзъ сомнѣнія, что обдорскіе Остяки, наиболѣе дикіе, наиболѣе и нравственны; что за ними въ этомъ отношеніи следуютъ сургутскіе, а слѣдовательно и нарымскіе; что самая большая часть преступлений между иргынскими, которые несомнѣнно образованіе всѣхъ. При этомъ одинаково надо взять въ расчетъ и то, что, гдѣ образованість мала, гдѣ мало потребностей, не тѣлько легко удовлетворимыхъ, тамъ счастіе и страсти, а потому мало и поводовъ къ преступленіямъ.

Что касается до вѣнчаній образованности, то Иртышкіе Остяки, какъ мы уже сказали, далеко выше всѣхъ остальныхъ. У нихъ порядочная на русской ладѣ устроенная азилица; они занимаются скотоводствомъ, а въ пѣкогорахъ жѣстахъ и земледѣліемъ, торговлю и другими промыслами, свойственными цивилизованной жизни. Зѣброловство и рабодество для нихъ только вспомогательные промыслы. Сургутскіе и нарымскіе Остяки занимаются, напротивъ, почти исключительно только двумя промыслами, недугъ доселе полукощущій образъ жизни, перемѣняютъ жилища каждую осень и весну, а зимою отправляются далеко въ лѣса охотиться. Они живутъ въ жалкихъ юртахъ изъ бревенъ, торфа и дрепесной коры. Во всѣхъ этихъ юртахъ нетъ ни пологъ, ни оконъ. Первые замѣняются сѣномъ, рогожами, олеными шкурами и т. п.; отверстіемъ въ стѣнѣ, закрывающимъ людомъ, пузыремъ, наливовою шкурой; иногда это отверстіе дѣлается и въ крыше. Въ бревенчатыхъ юртахъ бываетъ или очагъ въ углу, или мѣсто для огня по срединѣ. Первый преимущественно употребляется зимою, второе лѣтомъ. Въ торфяныхъ юртахъ или землянкахъ живутъ только зимою и потому онъ всегда съ очагомъ. Юрты изъ бересты—лѣтнія жилища Остяковъ, и потому въ нихъ въ срединѣ мѣсто для очага. Почти таковъ же образъ жизни, таковы же жилища и кондинскихъ Остяковъ. Между обдорскими же много еще настоящихъ кочевниковъ, живущихъ въ чумахъ и бродящихъ по

огромнымъ пространствамъ съ своими многочисленными стадами оленей.

Какъ всѣ вообще дѣти природы, Остяки мало занимаются наружностью. Однакоже въ воскресный день они умываются, расчесываютъ свои черные волосы и наряжаются въ праздничная одѣжды. Обыкновеннаа, верхняя одѣжда ихъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ—нѣчто въ родѣ полукафтаны или пальто, похожаго на финское ярко, только покороче сего послѣд资料. Будничное полукафтанье это изъ грубой шерстяной ткани; праздничное—изъ сукна или изъ какой-нибудь другой, болѣе тонкой матеріи, по болѣе части синаго или зеленаго цвета; воротникъ и отвороты несремѣнно другаго цвета, и сверхъ того, пѣкоторые, для большей красы, окаймляютъ его еще красными сукнами или мѣхомъ. Оно всегда, по крайней мѣрѣ въ будни, стягивается широкими кожаными поясами, за которыми заткнутъ ножъ съ черепкомъ, обложенными оловомъ. Мужчины носятъ высокій остроконечный шапки съ широкими, сѣвѣшающимися на уши допасами. Женский головной уборъ состоитъ изъ длиннаго, спускающагося до платья, платка, оставляющаго шею бодищею частію облаженной, иногда онъ да искожь обергиваются ее особенными, боя изъ бѣльчихъ хвостиковъ. Перчатки щыты изъ разнѣцѣнныхъ оленыхъ шкурокъ, или суконныхъ подсокъ. Щеголихи убираются множествомъ ожерельевъ и разнаго шитья бусами на воротники, обилагахъ, перчаткахъ, башмакахъ и поясѣ; къ сему постыдному, къ длиннѣмъ фальшивымъ косамъ и головному платку опѣцицаются еще желѣзныя, жестяныя и мѣдныя, бляшки, вѣроятно, для того, что бы звономъ и бряканемъ ихъ обратить на себя вниманіе молодыхъ парней, т. е. покуницковъ. Въ праздничныхъ одѣждахъ, замѣчаетъ Кастренъ во времена своего путешествія отъ устья Ваха къ Парыму, Остяки, казалось, были веселѣ и чистосердечнѣ общѣюющеннаго. Ихъ гостеприимство и радушие превосходили всякое ожиданіе. Они выбѣгали на берегъ, прежде, чѣмъ пристанели, притаскивали къ нему наше судно, настилали деревья въ тощихъ мѣстахъ, или переносили наѣс чрезъ таковыя на рукахъ. Изъ опасенія неугодить, въ юртахъ наѣс ничего не предлагали, но при отѣзѣль обременили всѣзможными остатками лакомствами: сїжей и сушепшой рыбой, ягодами, пирогами изъ ягодъ и т. д. И мы принимали все эти дары, какъ мы были они излишни, не жалѣ, обрадѣ отказомъ простодушныхъ и гостеприимныхъ хозяевъ, потому что умоляющіе взгляды и жесты ихъ показывали

исп., что они дѣлали это отнюдь не изъ расчета или какой-нибудь користи.

Однакожъ, интересенъ взглядъ, которымъ Остякъ окидываетъ вообще незнакомца въ началѣ. Это взглядъ охотника, надѣюющагося на добычу и въ тоже время опасающагося, какъ бы самому не сдѣлаться жертвою. Въ этомъ взглядѣ выражается желаніе слабаго существа обезопасить себя и, если возможно, овладѣть своимъ противникомъ. Это проявляется, впрочемъ, и во всемъ обращеніи Остяка. Все въ немъ, хитрость и обманъ, притворное смиреніе и покорность. Онъ безпрестанно толкуетъ о Богѣ и великомъ Государѣ, расхваливаетъ избранныхъ царемъ и Господомъ, жалуется на свою бѣдности и на убытки, которые терпитъ отъ поселенцевъ. Но лишь только разговоръ коснется предметомъ, кажущихся Остяку подозрительными, онъ тотчасъ же прикидывается глупицъ, безтолкоющими, жалкими, убѣряетъ, что ни чего не знаеть, и то и дѣло напоминаетъ свои остицкія привилегіи. Впрочемъ, въкоторая степень скрытности дѣйствительно есть въ характерѣ Остякѣ, все же остальное—мелочная хитрость, крайнее смиреніе и жалкій видъ—маска, надѣваемая при случаѣ и вскорѣ сбрасываемая, и тутъ Остякъ становится простымъ, прямымъ, честнымъ сыномъ природы, не много только угрупимъ, грубымъ и упрямымъ. Этой широковатости характера соответствуетъ и внѣшность: выдающіяся скулы; значительно углубленные глаза, широкія плечи, коренастый, неуклюжій станъ, черные стоячіе волосы и т. д. Не смотря однакожъ на все это, убѣряютъ, что никто не преизойдетъ бѣдного Остяка въ доброжелательствѣ, услугливости и другихъ качествахъ добра сердца. И самая грубость, неповоротливость и неуклюжесть смягчаются пѣкоторымъ образомъ принадлежащимъ всему финскому племени добродушнымъ юморомъ, который Русскіе называютъ *востротомъ*.

Наконецъ, относительно общественнаго устройства Остякъ должно замѣтить, что они раздѣляются на множество небольшихъ волостей или участковъ (ибо Остяки *mig*, *mag*:), имѣющія своихъ собственныхъ начальниковъ, свой судъ въ вѣзначительныхъ тѣжбахъ, свои, отъ отцовъ унаследованные, обычай и уставы, а равно и пѣкоторы, дарованные имъ правителстvомъ, льготы, какъ на прим. меньшай подать, освобожденіе отъ рекрутской повинности и т. д. Обдорскіе Остяки придерживаются еще своего первоначального, катриархального, устройства, основывающагося на раздѣленіи на роды и колѣва.

Остяки, живущие по Иртышу, съ уничтожениемъ раздѣлениія на роды, забыли свои древнія постановленія и въ настоящее времѧ почти во всемъ слѣдуютъ рускому судебному порядку, сохрания, впрочемъ, свои общія льготы. Остяки сургутскіе, а слѣдовательно и Нарымскіе, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отвѣщеніяхъ, занимаютъ середину между иртышскими и обдорскими.

Основываясь на старыхъ свѣдѣніяхъ, ученые, какъ, напримѣръ, Клапротъ въ своей *Asia polyglota*, полагали, что сѣверные части Томской губерніи заселены преимущественно Остиками; Самоѣдамъ же отводили только нѣсколько небольшихъ участковъ на правомъ берегу Оби и по рѣкамъ Тыму, Кети и Чулыму. Но Кастренъ доказалъ, что на самомъ дѣлѣ Остяки занимаютъ только область рѣки Васть—югана, всѣ же прочія старины какъ по самой Оби, такъ и по ее притокамъ Тыму, Кети, Парабель, Чай, Чулыму и по Чезабскому рукаву Васть—югана заселены Самоѣдами. Они почти единственныя обитатели по всему теченію вышеупомянутыхъ притоковъ Оби, за исключеніемъ Чулымы, главное населеніе которого составляютъ креtене Татары; Самоѣды же занимаютъ только дѣлѣ небольшихъ болотъ по самому нижнему ед. течению. Чулымъ можно принять за южную границу Самоѣдской области, хотя самоѣдское народонаселеніе, переходя за устья Чулымы, и распространяется вверхъ по Оби еще на 25 верстъ, до Амбарскихъ юртъ; начиная отсюда, населеніе состоить уже изъ Татаръ, которые не только что крестились, но и въ некоторыхъ мѣстахъ позабыли даже природный свой языкъ, замѣнивъ его русскимъ. Сѣверную границу Томскихъ самоѣдовъ (если исключить Остяцкое населеніе при Васть—юганѣ), образуетъ рѣка Тынь, почти составляющая предполагаемую границу между Томской и Енисейской губерніями.

Языкъ Томскихъ Самоѣдовъ раздѣляется на нѣсколько болѣе или менѣе отклоняющихся другъ отъ друга нарѣчій. Таковы: 1) *Нижнее*, распространенное отъ Тобольской границы на єѣлѣрѣ до Боти на югѣ, и распадающееся на три отѣнка — на Тымское, верхнее и нижнее Нарымскія; 2) *Среднее* или Кетское, которымъ говорятъ по рѣгѣ Кети и съ незначительными измѣненіями по рѣкамъ Чай, Парабель и по ближайшей части Оби, и 3) *Верхнее*, которое по Чулыму и по Оби представляетъ пѣкоторыя незначительныя разности. Изъ этихъ трехъ главныхъ нарѣчій Нижнее отличается множествомъ словъ

и идтиотизмомъ, прimitивныхъ изъ Остинскаго языка. Верхнее подверглось, на противъ, влиянию Татарскаго. Среднее же, кажется, сохранилось во всей чистотѣ; оно замѣчательно впрочемъ и частымъ удвоеніемъ въ немъ согласныхъ.

Самоѣды Томской губерніи давно уже крещены, но во многихъ мѣстахъ все таки придерживаются еще язычества; и въ этомъ отношеніи мало отличаются отъ своихъ сѣверныхъ соотвѣтниковъ —Самоѣдовъ Архангельской и Тобольской губерній. И тѣ и другие признаютъ единаго Бога, который называется Нумъ, Номъ, Ноиъ; сѣверные Самоѣды такъ однакожь болтятся его, что съ видимымъ трепетомъ произносятъ его имя, и охотѣше употребляютъ эпитетъ Ийлеумбарте,—т. е. стражъ скота, оленей. Томскіе Самоѣды придаютъ Нуму эпитетъ *Ильда*, *Ильді*, т. е. старецъ, дѣдъ. Нумъ царить надъ всѣмъ творенiemъ, по настоящее жилище его —высь неба. Во всемъ, что происходитъ въ воздухѣ и въ немъ зарождается, какъ наприм. въ снѣгѣ, дождѣ, вѣтры, грозѣ, градѣ.—Самоѣдъ видитъ непосредственное присутствие Нума. Впрочемъ, онъ представляется себѣ Нуму существомъ для человѣка недоступнымъ, незумилостивляемымъ, ни жертвами, ни молитвами. Нуму подчинены и находятся у него въ зависимости *Лохети* или *Лоисты*. Это также духовныя существа, недоступныя для обыкновенного человѣка. Только шаманы обладаютъ способностью видѣть Лохетогъ, говорить съ ними и выращивать у нихъ самихъ, или по ихъ ходатайству у самого Нуна связь и помощь для себя и другихъ. Шаманы въ Томской губерніи обладаютъ сверхъ того необыкновеннымъ искусствомъ овеществлять Лохетогъ, такъ что они дѣлаются полезными для всякаго. Здѣшніе Самоѣды полагаютъ, что фетишъ необходимо долженъ быть сдѣланъ и освященъ шаманомъ; болѣе смѣренные видѣть въ нихъ только изображенія божества и сравниваютъ ихъ съ христіанскими иконами. Вотъ — что говорилъ Кастрену о такихъ (низшихъ) божествахъ: одинъ кетскій Самоѣдъ: „Узналь“ шаманъ, что у меня есть бога хранителя, и приходитъ ко мнѣ и говоритъ: послушай, другъ, у тебя иѣть Лосъ; ужъ не хочешь ли ты сдѣлаться Русскимъ? — тогда я даю шаману бѣльчий, горностаевый, или какой нибудь другой мѣхъ, какой у меня случится. Шаманъ уходитъ съ нимъ, а когда возвратился, то ужъ онъ далъ этому мѣху человѣческий образъ, и одѣлъ въ такое платье, какое мы носимъ. Платье шитье однакожь не онъ; оно шьется всегда непорочною дѣвушкою. Когда Лось совсѣмъ обшилъ и одѣлъ его въ корзинку, которая также должна быть

силетна гравушкою и отбошу корзинку въ чудашъ въ яромъ, однако-ни что не должно содержаться, кроме жертвы ему. Кроме того, по нашей верѣ, ни спасибо человека никогда не долженъ ходить около этого чудаша одна замужняя женщина не должна переступать его порога. Нужна иная помощь Лоса въ какомъ нибудь дѣлѣ, напримѣри звѣриномъ промыслѣ, при рыбной ловлѣ, на болѣзни и т. п., и приношу ему жертву. Но, такъ какъ я женатъ, я могу приносить жертву самъ, а долженъ просить объектомъ го нибудь изъ холостыхъ. Жертва обыкновенно состоить блокѣ, горючестве, красивыхъ лентъ и платковъ, изъ ситыхъ и суконныхъ лоскутьевъ, изъ бусъ и бисеру— все это кидается въ корзинку. Деньги приносимъ мы въ жертвутъ одному русскому Богу, а для нашего времена завариваемъ ее сверхъ того, на охотѣ и на рыбной ловлѣ, котелокъ рыбы и мяса. Эту жертву можетъ приносить всякий, даже замужняя женщина. Это дѣлается такъ: передъ Лосомъ ставятъ блоки, или нѣсколько блокъ сваренаго купанья и кромѣ этого кладутъ еще соль и хлѣбъ, вожь и ложку. Когда купанье стоитъ нѣсколько времени предъ изображеніемъ бога, все принимаютъ и сѣдѣютъ сами жертвовалиши. Только кости бросаются собакамъ, а собираютъ и прилучтъ въ накомъ—нибульдиненномъ мѣстечкѣ.

У северныхъ Самоѣдовъ (въ Архангельской и Тобольской губерніяхъ) всякое семейство имѣетъ безчисленное множество фетишій, хранимыхъ въ особенныхъ санихъ, которыя ставятъ за вими во всѣхъ ихъ коневыхъ. Въ Гомѣйской же губерніи говорить каждый изъ Самоѣдовъ, придерживающихся ей язычества, имѣть своего особеннаго Сога хранителя и поклоняется только ему одному; умреть его поклонникъ, и кумиръ почитается умершимъ и бросается въ рѣку. Въ старину и Тоскіе Самоѣды имѣли, подобно другимъ остицкимъ и самотскимъ инородцамъ, кумировъ, принадлежащихъ цѣлому племени или роду. Даже нѣсколько лѣтъ тому назада предъ пуществиемъ Кастрепа въ Нарымскій край, существовалъ еще такой Лось въ Карбянскихъ юртахъ при рѣкѣ Кеги. Кумиръ этотъ скъльзъ быль изъ латуни и имѣлъ видъ и величину съ лихаго человека. Онъ, какъ рассказывали путешесственники, оставался отъ древней Чуди и, какъ по хрености, такъ и красотѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ; его хранили въ амбарѣ, который, по словамъ рассказчика, былъ подобенъ лисице и другихъ дорогихъ жертвъ на иссмѣтии, и не имѣлъ стѣнъ изъ амбара, бѣла сухана.

въ отмещеніе жителей за какую-то обиду. Кумиръ отъ утраты своей первоначальной видѣи, и такъ обезобразился, что стали потому считать уже умершимъ. Умилостиви и расположати, къ себѣ, Ложетъ можетъ всяки, но изъ отъ нихъ сонца, стѣньи или прорицанія можно только безъ посредство шамана, потому что закутанные въ мѣшкахъ пѣмые духи, а изъ темнѣй мѣръ духовъ имѣть дѣло только однѣ шаманы. Только онъ одинъ можетъ заклинить невидимыхъ духовъ, и вотъ какъ онъ это дѣлаетъ:

Шаманъ садится посреди комнаты на скамейку или сундуки, который не должно быть ни ножа, ни пуль, ни скаки, и ни какихъ другихъ опасныхъ вещей, въ особенности стали и желѣза. Бокругъ него усаживается, обыкновенно, пажество зрителей, только противъ него никто не долженъ сидѣти. Шаманъ сидитъ оборотясь лицомъ къ двери и притягивается, будто ничего не видитъ. Въ правой руцѣ онъ держитъ палочку, одна сторона которой гладкая, а другая покрыта инициальными знаками и фигурами; въ лѣвой—дѣлъ стрѣлы, защищены остриемъ въверхъ, къ каждому острию призываются колокольчики. Нарадъ шамана не представляется ни по особеннаго, обыкновенно, на этотъ случай онъ наряжается плащъ прибѣгнувшаго къ его помощи. Заклинаніе начнется тѣмъ, что шаманъ затягиваетъ торжественную пѣснь, существенными словами которой призываются духи. Во все мѣсяція они слегка ударяютъ вѣшебной палочкой по скакамъ, стрѣлѣ, и колокольчикамъ, звенѣть въ тафты. Присутствующие слушаютъ съ глубокимъ вниманіемъ пѣніе восторженного духонлада. Какъ скоро духи начинаютъ появляться, шаманъ встаетъ и начинаетъ плѣсать; цыска его сопровождается сильными трудными и искусными движениями. При этомъ онъ востановочно продолжаетъ пѣть и звенѣть колокольчиками, терзаніе пѣсни—разговоръ съ духами, и поется то съ болью, то съ мѣнѣніемъ душевлениемъ:

Придите, придите,
Духи волшебные!
Вы не придете,—
Я къ вамъ приду.

Пробудитесь, пробудитесь,
Духи волшебные!
Я къ вамъ пришелъ,
Пробудился отъ сна!

Если возрастает одушевление шамана, то въ нѣніи принимаютъ участіе и присутствующіе, которыхъ слова его; если понижается,—они сидятъ безмолвными слушателями. Вообще, кто не присутствовалъ при обрядѣ съ самого начала, тотъ не можетъ участвовать въ гѣніи. Женскій полъ во вскомъ случаѣ не имѣетъ на это права, и въ Томской губерніи гѣть шамановъ женскаго пола. Добрыи лѣбди этими продѣлками пужныя сѣѣнія, начиная объявлять волю боговъ нопрошашему. При вопросахъ о будущемъ—они бросаютъ передъ любопытствующими свою волнистную наложку и, если она ложеть стороной, на которой находятся знаки, винъ, то это обозначаетъ близкое несчастіе; въ противномъ же случаѣ все будетъ по желанію.

Какъ вездѣ между Самоѣдами, такъ и въ Томской губерніи шаманы знаютъ нѣсколько фокусовъ, которыми ослѣпляютъ легковѣрную толпу, и приобрѣтаютъ ея довѣrie. Въ Томской губерніи обыкновенійная ихъ продѣлка, изумляющая не только Самоѣдовъ, но и Русскихъ,—состоитъ въ слѣдующемъ. Шаманъ садится на разложенную посрединѣ пола сухую оленеву шкуру; везде присутствующимъ ссыпать ему руки и ноги, закрыть глаза, и затѣмъ принимается вызывать подвластныхъ ему духовъ. И вотъ—въ темной юртѣ начинается исподтижная черготница. Въ разныхъ частяхъ си и даже вѣнъ ел слышатся голоса, по сухой кожѣ скребутъ и барабанятъ въ тактъ, медведи ворчатъ, эмбы шипятъ, бѣлки скачутъ. Паконеи, шумъ прекращается и слушатели съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чѣмъ все это кончится. Нѣсколько мгновеній проходитъ въ этомъ ожиданіи, и что же? Дверь юрты отворяется и шаманъ входитъ со двора, не связанный ни поруками, ни по ногамъ. И всеѣ уѣрены, что въ юртѣ барабанили, голосили, порчали и шаптили. Но хотятъ, и что, они же разызывали шамана и вынесли его изъ юрты тайными путями. Варочемъ, эта продѣлка гораздо искуснѣе обычной грубой продѣлки сѣверныхъ шамановъ (въ Архангельской и Тобольской губерніяхъ), состоящей въ томъ, что они позволяютъ стрѣлять въ ихъ голову пулевъ,—при чѣмъ никогда не платятъ и жизнѣ.

Коснувшись шаманства Самоѣдовъ Томской губерніи, мы считаемъ величайшимъ привести здѣсь мифіе вообще о шаманѣ одного изъ извѣстныхъ нашихъ ориенталистовъ—о Іакине.

Слово шаманъ, по объясненію Іакине, заимствовано отъ тунгусского слова Саманъ, которое означаетъ человѣка, соеди-

дніе о шаманствѣ мы получили въ одно время съ покореніемъ Сибири отъ простыхъ казаковъ, игравшихъ такую важную роль въ этомъ покореніи. наши ученые путешественники не довольноствовались разсказами этихъ людей, но старались лично удостовѣриться въ спрагедности ихъ. Они видѣли шамановъ и шаманокъ, совершающихъ мифические обряды и, судя по страданіямъ ихъ дѣйствіямъ при этомъ, единогласно заключили, что шаманство есть ремесло, которымъ хитрые шарлатаны, подъ благовидными предлогами, грубо обманываютъ легковѣрныхъ простаковъ изъ личныхъ выгодъ. Въ Европѣ долго вѣрили этому мифію, пока наши миссионеры въ Китаѣ не узнали устава шаманского служенія, изданного въ Пекинѣ по маньчжуруски въ 1747 г. Съ этого времени открылось, что мы очень обманывались въ своихъ мифіяхъ насчетъ шаманства. То, что памъ казалось грубымъ обманомъ въ кочевыхъ шарлатанахъ, составляє религию, господствующую пынѣ при китайскомъ дворѣ и Маньчжурии. Въ вышеупомянутомъ уставѣ обряды ея изложены въ стройной системѣ; но кочевые сибирские шаманы, изучая обряды шаманства по устнымъ преданіямъ, съ течениемъ времени не могли не обезобразить ихъ грубыми измѣненіями и добавленіями, происходившими отъ ихъ непѣчества, хотя со всѣмъ тѣмъ удержали существенные части шаманского служенія, которое состоитъ въ жертвоприношеніи вебу и огонамъ, т. е. силѣ, управляющей міромъ, Богу и душамъ людей, которые въ этой жизни дѣлали добро людямъ, да и по смерти продолжаютъ благоворить имъ. (Кит. въ гражд. и нрав. отн. ч. III, стр. 54, 67).

Кромѣ чародѣйственного богослуженія, Томскіе Самоѣды сохранили еще и другіе остатки старины, между которыми наиболѣе заслуживаются упомянанія ихъ богатырскія пѣсни. Въ Томской губерніи они называются Kuledet или Kuledshut (древность). Въ нихъ поспѣваются, обыкновенно, богатыри—madur—слово, которымъ Томскіе Самоѣды въ тоже время называютъ и древнюю Чудь. Вотъ одна изъ такихъ пѣсень, записанная Кастреномъ въ Томской губерніи.

„При устьѣ рѣки родился богатырь. Еще лежитъ онъ въ колыбели, а уже думаетъ, что пора подумать о нѣбѣстѣ. И вылезаетъ онъ изъ колыбели, и садится на желѣзный полъ. Помня о родинѣ, рѣшился онъ посюбѣваться на счетъ этого съ отцомъ. Отецъ же жить въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ и чѣмъ иску былъ не легокъ, потому что шелъ подъ землею.

Между тѣмъ, какъ богатырь сидѣть и раздумываетъ о трудахъ пути, жѣрвный поль растворяется самъ собою. Богатырь смѣло спускается въ отверстіе, идѣть семь дней подземною дорожкой и наконецъ добирается до отцовскаго жилища. Прибывши, онъ обращается къ отцу съ талими словами: «ты обѣздила цѣлый міръ; не нашелъ ли ты для меня жену? Отецъ отвѣчаетъ, что не нашелъ, и совѣтуетъ самому поискать себѣ жену. Богатырь довольствуется этимъ и хочетъ отправить сѧ въ горный замокъ и добѣсть себѣ руку царской дочери. Отецъ одобряетъ это рѣшеніе и богатырь возвращается въ свое жилище. Возвращаясь домой—онъ тотчасъ же вооружается мечемъ и лукомъ, садится на орла и несется по воздуху. Пролетѣвъ семь дней по направлению къ югу, орелъ садится на дерево, не вдалекѣ отъ горнаго замка. Богатырь сидѣть и посматривается съ дерева. Видитъ онъ, у берега расположились три богатыря, приплившіе изъ страи чуждыхъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ еще семь другихъ богатырей. А въ замкѣ пирують. Просидѣвши семь дней на деревѣ, богатырь обращается къ соболя и сползаетъ въ этомъ видѣ на землю. Затѣмъ, принятъ опять свой собственный видъ, онъ пробирается въ царское жилище, и прачется за печь. Царь замѣтилъ его, но не показываетъ этого. И между тѣмъ, какъ богатырь лежитъ за печью, царь и его семья сыновей сидѣть вокругъ стола и пьють. И пьютъ они цѣлые семь дней, а въ седьмой день царь встаетъ и спрашивается у своихъ сыновей: кто бы такой былъ человѣкъ, прогрѣвшійся въ комнатѣ и спрятавшійся за печи? Тогда встали и сыновья, подошли къ нѣвѣдомому богатырю и двое, взявшись его за обѣ руки, начали поднимать его. Но старшіе, хотя и двое, не могли поднять богатыря и, за плакавши, отошли прочь. Наконецъ, подошелъ и младшій сынъ и одинъ поднялъ лежащаго. Тогда царь вновь устроилъ пиръ и посадилъ пришелца за столь, и всѣль младшему сыну привести сестру и посадить ее рядомъ съ богатыремъ, чтобы она стала его женою. Сладебный пиръ продолжался семь дней, и затѣмъ богатырь простился и вмѣстѣ съ нѣвѣстой возвратился къ дереву, на которомъ оставилъ орла своего. Когда же чуждые странные богатыри, расположившіеся у берега, увидѣли его вмѣстѣ съ царскою дочерью, которую и имъ хотѣлось добѣгти, занялись въ сердцахъ ихъ. Одинъ изъ нихъ натянулъ свой лукъ, пустилъ стрѣлу въ замокъ и разломалъ мѣдную его крышу. Тогда одинъ изъ сыновей царя выбѣжалъ изъ замка съ мечемъ въ руки, и убилъ чужеземного богатыря, но и самъ напалъ тутъ смерть свою. Такая же смерть постигла

остальныхъ братьевъ убитаго, выходившихъ другъ другу помоинца. Когда же сестра увидала съ дерева смерть братьевъ своихъ, она начала плакать горько. Тогда мужъ спустился съ дерева въ видѣ соболя, и въ тоже время вышелъ изъ замка и младшій сынъ царской. Богатырь всѣль къ своему шурину возвратился въ замокъ, натянулъ лукъ свой, пустилъ стрѣлу, и она угодила въ грудь одного изъ чужеземныхъ витязей, и потому полетѣла дальше и убила на пути пятьдесятъ мужей. Потомъ она, сама собою, возвратилась назадъ къ богатырю, и пронзила еще пять сотъ другихъ мужей. И такъ, точно всякий разъ, когда богатырь натягивалъ свой лукъ и пускалъ стрѣлу въ богатырей, стоявшихъ на берегу. Каждый разъ падала тысяча мужей. И когда стрѣла слетала девять разъ и девять разъ возвращалась, глядь—ни одного изъ чужеземныхъ богатырей не было уже въ живыхъ. Богатырь снова обратился въ соболя, всѣпользъ на дерево, посмотрѣль на всѣ стопы и уридалъ своего орла,—но не увидалъ сїей жены. Во время битвы, она улетѣла на своемъ орле къ сбери. Богатырь пустился послѣдамъ ея и скоро достигъ замка сеи братьевъ. Орель его такъ сильно ударили грудью въ мѣдную крышу замка, что она разрушилась и задавила трехъ богатырей. Богатырь требуетъ жену свою; но остальные богатыри отказались подѣлиться предлогомъ, что она сама пришла въ ихъ замокъ. Тогда началась битва, въ которой всѣ богатыри замка нашли смерть свою. Но во время битвы жена его опять улетѣла въ другой замокъ, въ которомъ было тридцать пять богатырей и множество другаго люда. Несмотря на то, богатырь не испугался и направилъ своего орла на мѣдную крышу замка, и она разрушилась и задавила двухъ богатырей. И въ этомъ замкѣ—братья богатыри не хотѣли выдавать скрывшейся, предлагая выдать вмѣсто ея собственную сестру свою. Но паша богатырь этимъ не удовольствовался, и началъ битву со всѣмы богатырями и мужами замка. И только что онъ началъ битву, какъ на помощь къ нему подоспѣла шуринъ его, пріимчивавшій на крылатомъ орль. Два богатыря эти признались общими силами побиватъ богатырей, и изъ послѣднихъ оставалось уже не мчоро. Подъ конецъ еди не лишился жизни и самъ герой пѣсни. Одинъ изъ вражескихъ богатырей былъ такъ силенъ, что пушенная имъ стрѣла безостановочно цѣляясь семь дней лѣтѣла въ труда нашего героя. Затѣмъ одинъ изъ богатырей, разрубленный на двое, слова ожила, и такъ жестоко напалъ на героя пѣсни, что только помочь шурину спасла его отъ смерти. Тутъ онъ уже утомился совершенно, и шуринъ одинъ покончилъ съ битвой, отвелъ его на покой. Богатырь спаль затѣмъ

семь лѣтъ, и когда пробудился—жена и шуринъ сидѣли подъ него. Тутъ богатырь потребовалъ, чтобы шуринъ судилъ свою сестру; но она отказался судить чужую жену, и богатырь самъ пронзилъ и посадилъ ее на колѣ. Изъ богатырѣ же замка одинъ остался однако же въ живыхъ, и онъ отдалъ за симъ сестру свою въ жены богатырю. Срадиу ширявали семь дней и за тѣмъ богатырь съ своею женой и съ шуриномъ возвращался къ устью рѣки. Здѣсь онъ было пришествѣво, которое кончилось тѣмъ, что шуринъ, въ награду за свои великия услуги, получилъ въ жены сестру богатыря.⁴

Пѣсни этого рода въ величайшемъ уваженіи у Самоѣдовъ. Съ религиозныемъ почти благоговѣніемъ прислушиваются они къ каждому слову, срызающемуся съ устъ пѣвца. Точно также, какъ и шаманъ, сидѣть пѣвецъ на скамейкѣ или на сундукѣ, по срединѣ юрты, а слушатели располагаются вокругъ него. Въ Томской губерніи Кастренъ замѣтилъ, что пѣвецъ старается выразить тѣлодвиженіемъ участіе, принимаемое имъ въ своемъ героѣ. Тѣло его трясется, голосъ—дрожитъ, лѣвой рукою онъ безпресталино закрываетъ глаза, полные слезъ, а въ правой держитъ стрѣлу, обращенную острѣемъ къ полу. Слушатели сидѣть, обикновенно, безмолвно; но когда богатырь погибаетъ или взвивается на крылатомъ орлѣ къ облакамъ,—у нихъ вырывается громкое *хее*, соотвѣтствующее пашему *ура*.

Гораздо менѣе уважаются пѣсни лирическаго содержанія. Онѣ и не переходять изъ рода въ родъ; но рождаются и умираютъ мгновенно. Полагаютъ, что не стоить помпить ихъ, потому что каждый способенъ выражать въ радостѣ и горѣ своего сердца. Сочиненіе пѣсни Самоѣдъ не почитается важнымъ дѣломъ; но способность спѣть и спѣть хорошо—для него рѣдкій и высоко чтимый талантъ. Голосъ и мелодія, по мнѣнію Самоѣдовъ, главное въ лирической пѣсни; отъ содержанія требуется только, чтобы оно просто и понятно выражало обыкновенныя ощущенія и представленія. Вироченъ, въ Томской губерніи Кастрену не удалось записать ни одной лирической импровизаціи, потому что здѣшние Самоѣды достигли уже той степени образованія, при которой пѣсенное вдохновеніе приходитъ уже не всегда, тѣмъ менѣе по заказу.

Вотъ нѣсколько образчиковъ лирики сѣверныхъ Самоѣдовъ.

1) Плачь жены на смерть мужа.

Когда меня выдали замужъ, горько плакала я объ разлу-

къ съ своей матерью; послѣ же, какъ прожила нѣсколько времени вмѣстѣ съ милымъ мужемъ, то миновалось грустное воспоминаніе о моей матери. Прежде думала я, что пѣтъ болѣе печальнаго прощенія, какъ только при разлукѣ съ матерью; но теперь я думаю иначе. Умеръ мой мужъ; и я оплакиваю его сильно, чѣмъ раньше ослакивала свою мать. Мужъ оставилъ четырехъ сыновей; забуду ли ихъ и мою печаль когданибудь? Такова теперь моя жизнь, что одну половину моей печали потоплю въ слезахъ, другую стану облегчать пѣснями. Ни когда мой мужъ не встанетъ изъ гроба, никогда я не увижу его болѣе.

2) Мещніе жены.

Безплодна я, за то и нелюбитъ меня мужъ. Есть дѣти у всѣхъ моихъ свояченицъ и онѣ пользуются любовью своихъ мужей. Въ ихъ саняхъ мужчины запрягаютъ лучшихъ оленей, а мой выбираетъ наихудшихъ. Каждый разъ, когда мы ёдемъ вмѣстѣ, я должна за узду почти тащить моего оленя, а сама идти пѣшкомъ. Другіе брачья моего мужа помогаютъ своимъ женамъ при кругихъ спускахъ, чтобы онъ не опрокинулся; но мнѣ мой мужъ—никогда. Съ этой печали однажды и сердито погнала съ горы своего оленя, наѣхала на спояковъ и изломала ихъ сани. Чтобы на будущее время отклонить отъ себя подобное наказаніе, мой мужъ началъ лучше обходиться и болѣе обо мнѣ заботиться.

3) Мещніе мужи.

Убили они моего друга. Они связали его, положили его на сани и увезли его прочь (изъ юрты). Они увезли его на берегъ рѣки и погѣсили его между двумя соснами; *ты*, скажи убийца, *жиль въ любовныхъ слезахъ съ мою жену*, зато и долженъ расплатиться жизнью⁵.

4) Свадебная пѣсня.

Слушай, браты (двоюродны). Нынѣ я мою dochь отдалъ твоему сыну—съ тѣмъ чтобы ей болѣе ко мнѣ не возвращаться. Смотри! Вотъ олены голова зажарена на огнѣ, поэтому да не будемъ жить въ разладѣ. На всю жизнь мы вступаемъ въ родство. Прошу, не поступать строго съ моей dochерью! Я училъ ее: жить въ мирѣ съ своимъ мужемъ и повиноваться

ему. Моя жена при всякомъ случай уговорила ее жить
гласно. И такъ мы ѓдемъ теперь домой, но ты, моя дочь,
глѣди на насъ и не плачи. Я отдать тебѣ замужъ, за не-
тебѣ ты могла жить и умереть въ собственной юрѣ. Оте-
цъ и матъ! Попрощайтъ вашу дочь и скажите ей: "прощай!"

Какъ южные, такъ, еще болѣе, сѣверные Самоѣды, про-
иссыть, любить и сказки. Замѣчательно, однако же, что большая
часть изъ сказокъ болѣе или менѣе заимствована отъ другихъ
народовъ. По крайней мѣрѣ, въ Томской губерніи Кастренъ
нашелъ ни одной совершенно туземного происхождѣнія.

Что касается до старинныхъ обычаяхъ, правило и учреждений Самоѣдовъ, то въ Томской губерніи они по большей части уже позабыты. Однако же о чудскихъ могилахъ (Самоѣдовъ), во множествѣ встречающихся въ Томской губерніи, хранилось слѣдующее преданіе: "прежде у отцовъ нашихъ былъ обычай погребать мертвыхъ подъ поверхностью земли. Покойника клали въ гробъ и съ нимъ вмѣстѣ клади въ послѣдній кое-что изъ его имущества, какъ на привѣтъ одежду, лукъ, стрѣлы, топоръ, ножъ, ложку, котелъ и т. п. На все это валились земляной холмъ, потому что боялись иметь мертвыхъ близко передъ глазами, а кромѣ того желали и защитить ихъ отъ дикихъ зверей". Таковъ общее преданіе о чудскихъ могилахъ въ Томской губерніи; въ некоторыхъ мѣстахъ прибавляли къ этому еще, что Чудь погребала подъ однимъ холмомъ весьхъ членовъ семьи. А такъ, какъ гроба, по рассказамъ, ставились не рядомъ, а одинъ надъ другимъ, то и холмы на по миру возрастили до необыкновенной высоты. Нѣкоторые Чудскія могилы, какъ говорятъ, и теперь еще весьма велики, хотя съ тѣхъ поръ они, естественно, должны были значительно понизиться. Изъ открытыхъ сдѣланныхъ въ Чудскихъ могилахъ Кастренъ счищалъ только о мѣдныхъ стрѣлахъ и яловичьихъ костяхъ и что тѣ и другія величины необыкновенны. Такъ какъ стрѣлы, особенно же человѣческія кости, а въ нихъ которыхъ мѣстахъ въ самыѣ высокіе холмы, положительно присыпаются чуждому народу, то и оказывается, что о Чудскихъ могилахъ ходить два различнія преданія. Одно признаетъ, что настоящіе предки Самоѣдовъ, именно народъ, которому Русскіе называютъ Чудью; другое темъ памекать на народъ изчезнувшіе. Первое имѣть рѣшительно историческое основаніе, ибо обычай хоронить подъ землю существуетъ еще и нынѣ у сѣверныхъ Самоѣдовъ, которые, однако жъ, сколько и

чино, ни когда не засыпают гроба землей
члнности другого предания, ссылающего
Осткии могилами память о другомъ, чуждомъ
имо точное изслѣдованіе этихъ могилъ. Тъ
же Кастренъ не могъ сдѣлать, потому что и
объ губерніи въ самые холодные мѣсяцы года
можъ, въ преданіе, онъ призываетъ возможнѣй
и нѣкоторыя Чудскія могилы, можетъ, бытъ
ихъ народовъ. Дознано, что Остки, Лопари,
и соплеменники коронили своихъ покойниковъ
въ колмахъ. Что прежде "пришестіе Само-
ды были туземцы въ этомъ краю,—этого кон-
чатъ съ совершенной ясностью; тѣмъ не менѣе
съмъ вѣроятно, потому что и до сихъ поръ
близайшіе сосѣды Самоѣдовъ, кажется, пришли
и съ юга. Кромеъ того, должно также упомянуть
о томскомъ краѣ многихъ названій—мѣстностей съ
его происхожденіемъ.

Обратимся теперь къ настоящему быту Тобъ. Въ этомъ отношеніи должно тщательно изучить живущихъ по самой Оби, отъ тѣхъ, которые пришли уже вообще изъ сельства и отличаются отъ нихъ только болѣе, большою бѣдностью, лѣни, тупоуми-
емъ, отсутствиемъ всякаго стремленія къ у-
дѣлѣнію улучшению. Они живутъ изъ избахъ расположенныхъ по образцу русскихъ, только
тѣ, темнѣе и сверхъ того холоднѣ, грязнѣ, болѣе
одной домашней утвари и во всѣхъ отношеніяхъ
чѣмъ Русскіе и называются ихъ претами. Гля-
дѣть какъ ихъ, такъ и Русскихъ—рыболовство,
кается скрупульный годъ и производится почти
всѣмъ, какъ по Иртышу и по нижней Оби. Здѣ-
сь, впрочемъ, исключительного права на
рыбную раздѣлку между Русскими, Самоѣдами
и бѣролюстами по Оби не представляется особенно
и занимаются только самые бѣднѣе Самоѣды, въ
какихъ уходята въ отдаленные тайги. Какъ Рус-
ские занимаются здѣсь и скотоводствомъ,
расширяютъ хозяйства сильно препятствуя выш-
шимъ обстоятельствамъ, въ особенности же ежегод-
ные падежи. Земледѣліе совершило неизвѣ-

Самоёдамъ, хоти климатъ и не препятствуетъ ему ни сколько, по крайней мѣрѣ выше Нарима, гдѣ многіе Русскіе занимаются имъ. Идти въ батраки къ русскимъ крестьянамъ или купцамъ—послѣднее средство въ крайности, и какъ Остяки, такъ и Самоёды почитаютъ это не лучше самаго тяжелаго тюремнаго заключенія. Важный также для Томскихъ Самоёдовъ промыселъ—извозничество. Кроме того, между ними встречаются—искусные кузнецы, плотники, столяры и другие ремесленники.

Что же касается до Самоёдовъ, живущихъ по Тыму, Пара贝尔ъ и другимъ притокамъ Оби, то они совершенно сходны съ сургутскими Остяками, хоти конечно русская образованность укоренилась между первыми гораздо глубже, нежели между послѣдними. Всѣдѣствие этого, Томскіе Самоёды, даже въ отдаленныхъ мѣстахъ, начали строиться и жить по образцу Русскихъ; но юрты все еще продолжаютъ существовать какъ временные жилища, которыми пользуются во время охоты и рыбной ловли. По Тыму и верхней Кети русскіи избы не вошли еще и совсѣмъ въ употребленіе; тутъ и до сихъ поръ постояннаго жилища—торфяныхъ юрты, а временныхъ берестенныхъ, не говоря о шалашахъ охотниковъ. Постройкою и прочимъ юрты Самоёдовъ ни сколько не отличаются отъ остинскихъ.

Верхнее платье Томскихъ Самоёдовъ состоять изъ короткой, шерстью наружу, оленьей шубы, распахивающейся спереди, у мужчинъ она ровная, а у женщинъ съ нѣсколькими складками назади. Обувь также изъ оленьей шкуры, съ длинными голенищами, частю изъ толстаго сукна, частю изъ мягкой оленьей кожи, которая замѣняютъ штаны. Головной покровъ у мужчинъ высокий и остроконечный; у женщинъ—плоский и за круглеслой: первый изъ мягкаго оленьяго мѣха, второй изъ бѣльчаго или горностаеваго. Вообще, остроконечная форма пользуется у Самоёдовъ большими уваженіемъ; отъ того и ку миры ихъ изображаются съ заостреннымъ череномъ. Годъ отъ году уменьшающееся число оленей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхи цивилизации заставили какъ Самоёдовъ, такъ и Остяковъ промынять свои мѣховыи одежды изъ оленьей шкуры на русское платье, которое здѣсь состоитъ по преимуществу изъ кафтаны толстаго сукна, покроемъ похожаго на Самоёдско—остинскую оленью шубу. Русскіе называютъ его зипуномъ, Самоёды—kundseh или kundje; его носятъ какъ у Самоёдовъ, такъ и у Остяковъ оба пола, съ вышесказаннымъ генерическимъ различіемъ на синѣ.

Какъ ни одѣждѣ и жилищахъ, такъ точно и въ остальныхъ частяхъ хозяйства оказывается влияніе Русскихъ на лѣсныхъ Самоёдовъ. Въ особенности замѣчательно то, что на Кети, Пара贝尔ѣ, Чай и Чулыму мѣстами начинаются уже, при собакахъ держати и лошадей; рогатый же скотъ есть только на Чулымѣ, а олень нѣтъ ни по одному изъ гонимованныхъ притоковъ. Употребленіе соли и хлѣба, которое у лѣсныхъ Самоёдовъ, смотря по степени ихъ зажиточности, сдѣлалось болѣе или менѣе общимъ, должно приписать также влиянію русской цивилизации. Ворочемъ, вообще лѣсной Самоёдъ есть хлѣбъ только тогда, когда у него нѣть мяса. Сѣверные Самоёды ёдятъ охотъ вѣ сирое мясо; южные же, томскѣ, считаютъ это грѣхомъ, а потому мясо лосей, оленей, зайцевъ, блоки обыкновенно варятъ или закарѣтъ, а иначе наливъ на солницѣ. Волковъ, лисицы, соболей, рассказахъ Томскіе Самоёды не ёдятъ. Но древнему, благоговѣйному уваженію къ медведю, неохотно ёдятъ и мясо „дѣда“, какъ они его называютъ. Есть даже поверѣ, что охотникъ, євшій медвѣжье мясо, будетъ и самъ сожранъ медвѣдемъ. Но занимавшійся изброловствомъ рискуетъ тутъ, менѣе; но во всякомъ случаѣ строго соблюдаются всѣми правило не есть медвѣжатъ и рибу въ одно время, потому что отъ такого смѣшанія прощадаетъ въ рѣкѣ вси рыба. Рибу Самоёды употребляютъ въ пищу и сырью и жареную,вареную, супченую и соленую. Изѣѣтно, что всѣ туземные обитатели Сибири употребляютъ сырью рыбу, отчасти и сырое мясо, какъ цѣлебное средство противъ скорбута. Другія медицинскія средства Самоёдовъ ограничиваются: трутомъ, сассапарилью, которая называется лѣхѣs дорою тривой, пашатирэмъ и нѣсколькими простыми декотками. Выше всякаго врачебнаго средства почитается непосредственная помощь шамана.—Кромѣ мяса и рибы, другихъ есть у лѣсныхъ Самоёдовъ не много, да и тѣ, кажется, заимствованы у Русскихъ и Татаръ. Изъ всѣхъ слѣдуетъ упомянуть по преимуществу о двухъ, изѣвственныхъ во всей сѣверной Россіи подъ названіемъ бурдюка и саламаты. Первое—жидкая каша, вариная въ водѣ; вторая—густая, вкусная каша, которая, смотря по обстоятельствамъ, вариится съ масложмъ, рыбнимъ жиромъ, наливовыми печенками и т. п.

Сказавъ вкратцѣ о жилищахъ, одѣждѣ и пище лѣсныхъ Самоёдовъ, упомянемъ о вседневныхъ ихъ работахъ и занятіяхъ.

На дворѣ осень. Самоёды сидятъ въ своихъ маленькихъ

деревушкахъ, запятые каждыя приготовленіями къ предстоянію охоты. Мужчины куютъ и столярничаютъ, женщины шьютъ и пекутъ. Только что установится "зима"—всѣ деревни начинаютъ спаражаться къ отъѣзду. Каждая семья приготавливаетъ для сѣльской таѣи пазырьмишъ парты, то есть маленькия саней, въ которыхъ запрягаютъ собакъ. Эти парты нагружаютъ мукой, хлѣбомъ, сухарями, крупою, рыбой и другими съѣстными припасами, одеждой, тонорами, пожарами, берестяной юртой охотничими спирядами и т. д. Обыкновеннѣйшии охотничии спиряды Томскіхъ Самоѣдовъ ружье, лукъ (end), замѣдлильникъ (lada), замѣдлы для лисицы (taphros), родъ мене съ для пою рукоятью (tenga), замѣнняющій рогатину, и самострѣ, ставимый на землю и снабженный волосатымъ шнуромъ, о малѣнчако пригосновенія къ которому стрѣла летить пра вѣ цѣль; этотъ самострѣль—спирядъ вѣсмы опасный, причинающій не мало бѣдъ; отъ него Кастренъ едва не лишился жизни. Въ парты же укладываются и маленькия дѣти. Затѣмъ въ каждую парту запрягаютъ по двѣ, по три и по четыре собаки, смотря по достаткамъ хозяина. Лошади, безполезныя въ эту пору, отсылаются изъ деревни, безъ всякаго о нихъ помочія, кроме того, что ихъ снабжаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ запасомъ сена, которое сналивается въ отверстійный сарай, сдѣланій вмѣсть и конюшней. Иногда въ деревни оставляютъ сторожъ; а по Чулыму женщины и дѣти всегда остаются дома на охоту же отправляются одинъ мужчина. Справивъ всѣ приготовленія, семья отправляется въ лѣса и пустыни, каждая по своему направленію. Каждое семейство съ незапамятныхъ временъ имѣетъ свои особенныя рыболовные и зернодѣльные участки. Въ случаѣ же размноженія семействъ, старшина, обыкновенно называемый здѣсь *Кизломъ*, вмѣстѣ съ общиной, отводитъ особенный участокъ, въ предѣлахъ которого каждое новое семейство имѣетъ неспоримое право ловить зѣрей и рыб. Отецъ семейства становится во главѣ погада, проложаетъ дѣну своимъ лыжамъ и высмотриваетъ дни. За нѣкоторыя дни слѣдуетъ, кроме членовъ сеѧнія, которые также бываютъ лыжами, приваты собаками и помогаютъ имъ ташить парты. Такъ тянутся они отъ утра до вечера. Начнетъ смерзаться маленький караванъ останавливается; разбиваются берестяную юрту, ставятъ котель на огонь и, утомленіемъ странствованіемъ въ лѣсу, пуганими отдахаютъ сидя во кругъ согревающаго огня. Съ разсвѣтомъ, караванъ уже снова въ движеніи. Пробѣгнувъ нѣсколькоъ дней, добираются наконецъ до своего места охоты. Здѣсь они большую часть находятся уже гор-

бронепечатную или досчатую юрту прежнихъ годовъ; чѣмъ же отсутствіе ея довольствуются и берестяной. И потѣхъ, чтобы наслаждать охотиться, бродя по окрестнымъ лесамъ, каждый день съ утра до вечера, или въ безпрестанномъ движѣніи, иногда онъ и ночуетъ въ снѣжномъ сугробѣ. Онъ спѣетъ, разставляетъ и осматриваетъ свои нациапы, поднимаетъ ора и т. п. Обыкновенійшии звѣри въ Томской губерніи— медведь, горностай, заяцъ, лисица, лось, олень, волкъ, рассомаха, лѣдъ, соболь, вѣдра, бобръ. Соболь находиться только на южной сторонѣ Оби, а лось въ сѣверинѣ частя этой страны, дикъ. Лисицъ и соболей здѣсь вирочемъ вѣдѣ не очень—точного, а бобръ изъчезъ почти совершенно.

Дикий олень водится въ здѣшней странѣ преимущественно зимою; но если осенью выпадало мало снѣгу, то и его бываетъ мало. Самый выгодный ловъ это лось бѣлокъ, производящійся въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что одно семейство падаетъ на нее до 500 лопушекъ, распологаемыхъ въ нѣсколько небольшихъ кружковъ. Для приманки каждая ловушка снабжается рыбой. Самоѣды жалуются однакожъ на рассомахъ, которые съѣдаютъ часто приманку и портятъ ловушки.—Въ охотѣ принимаютъ участіе даже женщины и дѣти; они не отходятъ однакожъ далеко отъ юрты и ловятъ преимущественно флоѣ. Во времена отсутствія родителей, дѣти остаются безъ всякаго призору, па произволъ судьбы; слишкомъ же рѣзкая привязанность къ юртѣ па веревку. Когда подъ вечеръ члены семьи возвращаются изъ лѣсу и усаживаются вокругъ кипящаго котла, каждый имѣеть разсказать какое—нибудь съ нимъ приключеніе, а не случилось ничего—рассказываютъ сказки. Такъ проходитъ день за днемъ, недѣля за недѣлей въ трудахъ, нуждѣ и лишеніяхъ всякаго рода. Передъ Рождествомъ они возвращаются для празднованія его въ деревни. Рождественскій занятій ихъ скорѣй можно назвать время—препровожденіемъ, нежели работой. Они ловятъ рыбу, дѣлаютъ поѣздки на лошадяхъ, предаютъ добытое близъ такого либо кабака и запасаются новыми жизненными потребностями. Въ концѣ январи или началѣ февраля Самоѣды отправляются спона въ лѣса и остаются тамъ до поры, когда дороги начнутъ уже портиться. Возвращившись доноѣ, па продолженіе короткой весны, Самоѣдъ готовится къ предстоящей рыбной ловѣ. Съ вскрытиемъ рѣкъ и озеръ, деревни снова пустѣютъ: жители са плаваютъ въ своихъ маленькихъ членокахъ отъ берега къ берегу, отъ одного рыбного угодья къ другому.

На каждомъ они разбиваютъ берестяную юрту, всегдашнюю спутницу Самоѣда. Такъ же, какъ и Томскіе Остяки, Томскіе Самоѣды ловятъ рибу сѣтами, вершами, неводами, крючками, заколами и т. д. Рыбная ловля продолжается безостановочно до вачала Сентября, времени сплѣкоса, охоты за тетеренами и сбора бруслики и кедровыхъ орѣховъ. Но окончаніи этихъ занятій, рыбная ловля продолжается еще до самыхъ зимнихъ морозовъ. Тутъ каждая семья возвращается уже домой съ сбереженными для собственнаго употребленія запасами сушеної рыбы.

Въ Нарымскомъ краѣ считаются Остяковъ до 1090 д. о. п., а Самоѣдовъ—до 6520 д. о. п.

III.

Теперь обратимъ внимание на производительныя силы Нарымскаго края и на промышленность страны.

Почва Нарымскаго края, покрытая во многихъ мѣстахъ слоемъ чернозема, хорошо производить растенія, свойственныя умѣреннымъ климатамъ и черноземнымъ почвамъ.

Изъ числа дикорастущихъ бесплодныхъ хвойныхъ деревьевъ сосна, ель, пихта и лиственица растуть здѣсь роскошно. Сосны бываютъ 5—7 четв. въ диаметрѣ, высотою же 7—8 саж. Но, несмотря на такую высоту, вершины ихъ почти равны толщинѣ съ комлями, а стволы остаются болѣею частю безъ сучьевъ и только на вершинахъ бываютъ покрыты вѣтвями, какъ шапкою. Пихты и ели растуть хотя и съ вѣтвями вѣтвями, по свойству породы, но стволы ихъ ровны и достигаютъ 7—8 саж. высоты. Лиственица бываетъ высотою 8—9 сажень, а толщиной 6—8 четвертей.

Нужно при этомъ замѣтить, что лѣса Нарымскаго края вообще не прочны для построекъ, такъ что дождь, выстроенный изъ сосноваго лѣса, вѣтшаетъ въ теченіи 15—20 лѣтъ, и только постройки изъ кедра гораздо прочнѣе. Изъ пихтовыхъ же и еловыхъ лѣсовъ построекъ не производится, кроме рѣдкихъ случаевъ, и то житѣлия, поселившимся на лѣвомъ берегу Оби, гдѣ сосновый лѣсъ рѣдокъ и его трудно доставать изъ отдаленныхъ мѣстъ. Вирочемъ, и въ такомъ случаѣ въ жилыхъ постройкахъ сосна преимущественно замѣняется кедровыми лѣ-

сомъ, а изъ пихты строятъ одиѣ холдныя службы: амбары, сараи и проч. Но этому о степени прочности въ постройкахъ пихтоваго и еловаго лѣсовъ туземцы не имѣютъ опредѣленнаго понятія, а о сосновыхъ лѣсахъ единогласно утверждаютъ, что они съ течениемъ времени постепенно утрачиваютъ свою крѣпость и прочность.

Береза и осина растуть на боровыхъ мѣстахъ по горамъ, по опушкѣ боровъ, на соровыхъ высокихъ мѣстахъ, толщиной отъ 8—10 вершковъ въ диаметрѣ, а высотою отъ 8—12 арш. На высокихъ сорахъ много растѣтъ осокори, которая бываетъ въ диаметрѣ до 16—20 вершакъ. Осокори замѣтительныѣ тѣмъ, что туземцы изъ нихъ дѣлаютъ себѣ добавленія лодки разныхъ величинъ, отъ обласка до лодки для 25 человѣкъ. Изъ осокоревої коры дѣлаютъ винтальи для неводовъ и поплавки или бакланки для самолововъ.

Кустарные породы деревьевъ растуть въ Нарымскомъ краѣ преимущественно по сорамъ, измѣненнымъ напослѣдъ мѣстамъ. Здѣсь есть черноталь, ракитникъ, тальникъ разныхъ породъ, верба и т. п. Въ борахъ изъ кустарникъ породъ растѣтъ много вереску.

Къ самымъ лучшимъ и полезнѣйшимъ плодовымъ дикорастущимъ растеніямъ Нарымскаго края должно отнести кедръ. Онъ употребляется на постройку домовъ; изъ него дѣлаютъ мебель и другія домашнія подѣлки; кедровый орѣхъ составляетъ немаловажную отрасль промышленности, и обилию кедровыхъ лѣсовъ преимущественно должно приписать то, что въ краѣ водится въ большомъ количествѣ бѣлка и другой мелкой звѣрокъ, безъ котораго жители, особенно инородцы, были бы лишены одной изъ главныхъ статей приобрѣтенія средствъ для своего существованія. Но жаль, что Нарымцы мало цѣнятъ кедровый лѣсъ, которому такъ много обязаны. Онъ уничтожается отчасти небреженіемъ жителей на риду съ другими лѣсами, отчасти лѣсными пожарами. Кедръ начинаетъ цвести въ началѣ Июля, а въ половинѣ Августа на концахъ вѣтвей его появляются круглообразныя, маленькия смолистыя шишечки, которыхъ остаются въ одной величинѣ до Июня и вѣсны будущаго года; только съ этого времени онъ начинаетъ увеличиваться въ объемѣ и въ половинѣ Августа совершенно созрываютъ. Когда на вѣтви родится по одной—по двѣ шишкѣ, то урожай орѣховъ считается малымъ; если же—три, четыре шишкѣ, то

выходить средний урожай, а самый обильный при 4, 5 и 6 пшеницах. Урожай кедровых орехов бывает периодически через 5 или 6 лета. Иногда сборъ их простирается отъ 5, до 15, то пудовъ, цѣнною отъ 80 к. до 1 р. 20 коп. за пудъ. Главный сбыть ореховъ въ Томскѣ, Тюмени и Тобольскѣ. Не исключало, каждогодно ли цвететъ кедръ, или только тогда, когда дерево полно плодородной силы. Положительно доказано только то, что послѣ сильныхъ урожаевъ, плодъ появляется не ближе, какъ чрезъ годъ—два и три года, а сильные урожаи въ періодъ 5 и 6 лѣтъ. Небыло также сдѣлано наблюдений надъ кедровымъ деревомъ и не изслѣдовано причинъ, отъ чего являются урожаи не повсемѣстно, а только въ отдельныхъ мѣстностяхъ, то, на примѣръ, по Кети, то по Вась—югани. Даже и по одной рекѣ въ одной мѣстности урожаи бываютъ очень неравномѣрны. Иногда сильные урожаи бываютъ въ періодъ двухъ—трехъ лѣтъ; а иногда въ 5, 6 и 8 лѣтъ. Эти явленія наводятъ на слѣдующія предположенія.

Неповсемѣстные урожаи, надобно полагать, бываютъ отъ того, что кедровникъ растетъ на разныхъ яѣстахъ, на разныхъ грунтахъ. Гдѣ грунтъ земли сырѣ, влажнѣе отъ окружающихъ болотъ и озеръ, тамъ и деревья обильнѣе соцами и плодъ приносить скорѣе, чѣмъ тѣ, подъ которыми грунтъ сухъ. На послѣднихъ плоды хоті и зарождаются, но, при недостаткѣ соцковъ для полного созреванія, отбиваются отъ вѣтвей даже самимъ слабымъ вѣтромъ, или просто является не плодородный цвѣтъ (пусто—цвѣтъ).

Кратчайшіе же періоды сильныхъ урожаевъ являются, кажется, тогда, когда годы бываютъ обильны сильными дождями, а длинніе періоды продолжаются при лѣтніхъ засухахъ. На основаніи этихъ естественныхъ причинъ, можно думать, что пересадка кедровъ къ жилому мѣсту и уходъ за ними вполнѣ будетъ вознаграждать трудъ человѣка. Конечно это трудно вѣсти и несомнѣтельно было бы думать, что крестьяне по одному предложенію возмутся за пересадку кедровъ; но во вскому случаѣ въ этомъ можетъ быть лучшимъ помощникомъ время, а поводомъ первый примѣръ, безъ малѣйшей тѣнѣ приудительности. Для полного успѣха нужны не юдъ, не два, а десятки лѣтъ.

По опушкамъ боровъ Нарымскаго края вездѣ встрѣчается рабина, валина; волчье-лыко, волчи ягоды, перекъ, бруски,

я, илюква, морожка, черника, голубица и костиника. Къ лубовымъ растеніямъ привлекаютъ: черемуха, черная и красная мородина (по эпитетному выражению кислица) и шиповникъ (цвѣтъ розы).

Если бы Нарымское купечество старалось о распространеніи промышленности края, то ягоды могли бы составить особую статью торговли, тѣль болѣе, что сборомъ ихъ занимаются въ свободное отъ другихъ хозяйственныхъ занятій времена жѣнщины и дѣти, т. е. лица, которыхъ вообще не necessitъ тяжелыхъ домашнихъ работъ. Сбывать ягоды въ сушепомъ видѣ можетъ быть произведено мелкими торговцами въ Томскѣ, Енисейскѣ, Красноярскѣ, Тюмени и Тобольскѣ. При帮忙нейшей полнойшиной торговли они могутъ идти на водочныхъ заводы. Молотой черемухи, какъ изгѣбство, изъ одномъ Томскѣ мелочники продаютъ изъ годъ отъ 100.—200 пудовъ.

Изъ растеній лекарственныхъ или вообще полезныхъ въ какомъ—нибудь отложении, въ Нарымскомъ краѣ можно указать на дикую ромашку, папоротникъ, тысячелистникъ, батульникъ, крапиву, остицкую траву, водяное или озерное масло, ягодину, волчье-лыко, волчи ягоды, лютикъ желтый, почурникъ (подорожникъ), одуванчикъ, маточную траву, аптечныи глазки, вахту (трилистникъ), грудную траву, дождевикъ, зѣбробѣй, кукушкины слезы, ласточную траву, чистотѣль, песочную, траву и др.

Туземцы не употребляютъ остицкой крапивы, какъ лекарственного средства, но замѣняютъ ею копоюлю, т. е. приготовляютъ изъ волоконъ ея нитки для сѣтей, дѣлаютъ колѣнцы, для самолововъ, для переметовъ и т. п. Крапива растетъ во множествѣ на опушкахъ, или водосточныхъ высокихъ яѣстахъ. Когда она созрѣеть, то ее дергаютъ съ корнемъ и сушатъ на солнѣ или въ тепломъ жилиѣ; потомъ отъ ствола отдѣляютъ волокна и скручиваютъ ихъ въ длинныи нитки. Эти нитки въ свою очередь соединяютъ между собою по двѣ и изъ двойныхъ уже нитей вязутъ рыболовныи сѣти. Нитки, приготовленныи изъ крапивы, блѣды и мягки такъ, что вполнѣ замѣняютъ льянныи и коноплины. Особенное свойство этихъ нитокъ то, что они долгое время выдерживаютъ сырость и въ болѣ не гниютъ и несравненно дѣлѣ, чѣмъ коноплины. Отъ этого русскіе крестьяне предпочитаютъ крапивныи нитки своимъ льяннымъ и коноп-

лять нитокъ изъ крапивы ии по способу инородцевъ, ии по способу приготовлениа ихъ изъ конопли и льна: ихъ приобрѣтаютъ отъ инородцевъ.

Остянкую траву инородцы заготовляютъ въ сушеномъ видѣ и, заваривъ какъ чай, пьютъ отъ сифилитическихъ болѣзней. Многіе уверяютъ, что она гораздо дѣйствительнѣе сассапарели, которую инородцы покупаютъ весьма дорогою цѣною у Нарымскихъ купцовъ. Остянская трава растетъ во множествѣ по всему краю. Въ самомъ большомъ употреблениѣ это растеніе у Васюганскихъ инородцевъ.

Третье растеніе, употребляемое какъ лекарственное средство не только инородцами, но и русскими, есть такъ называемое *озерное масло*, которое еще болѣе известно подъ именемъ *водяного масла*. Оно рождается въ соровыхъ озерахъ въ растительныхъ или травяныхъ пузырькахъ, величиной отъ волоцкаго орѣха до куриного яйца. Пузырьки эти наполнены желтоватою густою жидкостью безъ вкуса и запаха. Подобные пузырьки добываются въ большомъ количествѣ неводами во время промысла рыбы. Озерное масло употребляютъ противъ различныхъ какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ болѣзней и, если вѣрить рассказамъ жителей, то оно дѣлаетъ чудеса.

Ягодница или волчье мяко растетъ во всѣхъ болотахъ Нарымского края. Русскіе и инородцы употребляютъ плодъ и кору ея, какъ специфическое средство отъ ревматизма, настаивая ягодами вино и намазывая настоемъ больныя мѣста. Иногда ягоды юдятъ отъ запора и отъ лихорадки, а некоторые изъ жителей уверяють даже, что волчьи ягоды служатъ еще какъ родовспомогательное средство.

Несочная трава растетъ по песчанымъ берегамъ Оби и у притоковъ. Она употребляется какъ русскими, такъ и инородцами для обертки погъ, вместо онучы.

Что касается до кормовыхъ травъ Нарымского края, то надо сказать, что они растутъ исключительно на сорахъ, а въ борахъ, покрытыхъ мохомъ, ихъ очень мало. Господствующее растеніе сорока — осока; она на низкихъ мѣстахъ достигаетъ роста 1½ до двухъ аршинъ ввысоту. На высокихъ мѣстахъ ее замѣняютъ другія мелкія травы, какъ-то: вязиль и проч. Со-

подкашиваетъ до 10 коненъ сѣна *), а десятипа хорошей травы даетъ отъ 100 до 200 конент, или 50—100 возовъ. Изъ этого можно себѣ представить, какіе превосходные скаковы и настѣнца для скота представляютъ соры или луга Нарымского края, а между тѣмъ есть и такие воски, **) поросли хвощемъ и другими травами, въ которыхъ лошади ходятъ всю зиму на подножномъ корму. Хвощъ также питатель для лошадей, что инородцы, съѣдивъ въ г. Томскъ съ подрядною купеческою рыбой и часто измучивши лошадей по Нарымской сѣйжной и перовной дорогѣ, по возвратъ домой, опускаютъ ихъ на соры и воски, где въ 7—10 дней они отѣбдаются такъ, какъ ни какой кормъ, кажется, не могъ бы ихъ поправить.

Грибы растутъ по борамъ и сорамъ. Въ борахъ есть много грудин, масленниковъ, особенно на лѣвой сторонѣ Оби. На сорахъ, въ осинникахъ, рождаются осинники и другія подобныя породы. Мѣстные жители не употребляютъ грибовъ въ пищу, и только въ городѣ Нарымѣ есть вѣсколько любителей, отступающихъ отъ общаго обычая. Инородцамъ же известны исключительно мухоморы, которые они называютъ *пунами*. Пуны не употребляются, впрочемъ, какъ съявленная пища, но какъ что-то чудотворное. Инородцы вѣрять, что пуны могутъ предсказывать употребляющимъ ихъ будущее, исказять будущую награду или адское мученіе. Быть имъ обыкновенно нечеткое число, т. е. 3, 5, 7 и т. д., смотря по крѣпости организма. Какое дѣйствіе производятъ эти грибы — известно.

За отсутствиемъ садоводства, въ Нарымскомъ краѣ нѣть

*) Въ Нарымскомъ краѣ въ возъ сѣна полагаютъ двѣ конны, такъ что изъ сотни коненъ составляетъ 50 возовъ; въ Томскѣ же полагается въ сотню 20 возовъ или 5 коненъ въ возъ сѣна.

**) Воскъ — мѣстное слово, означающее глухія мѣста на сорахъ, большія мелкія озера, поросшія или осокой или хвощемъ и окруженныя крупными осинникомъ, черемошникомъ и другими кустарниками. Иногда озера эти бываютъ такъ мелки, что въ осени совершенно высыхаютъ. Въ эти то воски жители Нарымского края угоняютъ лошадей пастись всю зиму, гдѣ они, какъ во дворѣ, защищены отъ всѣхъ зимнихъ испогодъ и могутъ свободно питаться подножнымъ кормомъ.

и никаких возделываемых растений, кроме общеизвестных огородных овощей, свойственных Курганским климатам, какъ то: капусты, картофеля, моркови, свеклы, рѣбеки, редьки, брюквы, также хлѣбныхъ сѣмянъ: ржи, пшеницы, овса, конопли и льна.

Огородничество стоитъ здѣсь на самой низкой степени развитія. Оно предоставлено въ распоряженіе женщинъ, которые руководствуясь однимъ опытомъ, никогда не прибывающимъ въ способію хорошихъ руководствъ и ни сколько не стремятся къ улучшенію этой отрасли хозяйства, между тѣмъ оно во всякомъ случаѣ требуетъ большихъ силъ и спѣдѣній, совершенныхъ недоступныхъ пера развитой женщины Нарымского края. Мужчины же на огородничество не обращаютъ вниманія, кажется, потому, что растительная пища; кроме хлѣба, въ Нарымѣ мало употребляется всѣ пытаются преимущественно рыбью, которая предпочитается даже мясу. Однакожъ, не смотри на нерадивое занятіе, огородные овощи рождаются здѣсь очень хорошо, какъ то: картофель, капуста, морковь, рѣбека, рѣпа и брюква. Картофель даетъ урожай самъ 12 и 14. Въ 50-хъ годахъ, по распоряженію правительства, чрезъ волостнымъ правленіемъ были разданы картофельные семена крестьянамъ Парабельской и Кесской волостей, съ краткимъ наставленіемъ ухода за ними. Отъ этихъ сѣмянъ многие крестьяне размѣли превосходный картофель, а одинъ крестьянинъ Парабельской волости деревни Пашни, на другой годъ послѣ посѣяния сѣмянъ, собралъ съ $\frac{1}{4}$ десятины уже до 500 четвериковъ картофеля.

Кромѣ этихъ общеизвестныхъ огородныхъ продуктовъ, разводимыхъ крестьянами, жители города Нарыма разводятъ еще огурцы, тыквы, арбузы и дыни, бобы турецкіе и просты русскіе, горохъ простой, сахарный, салатъ и проч. Правда, что огурцы въ Нарымѣ рождаются не каждогодно, а урожай арбузовъ и дынь можно считать рѣдкостью; но это не столько зависитъ отъ свойства климата и почвы, сколько отъ того, что Нарымскіе домохозяева не стараются оклиматизировать растенія, каждогодно употребляютъ новый сѣмена, привозимыя купцами изъ Ирбитской ярмарки. Естественно, что тамъ эти сѣмена находятся попорченыя или недозрѣлые; иногда же привозимыя изъ южныхъ губерній, которыхъ само-собою требуютъ большихъ усилий, для того, чтобы принести плоды въ Нарымскомъ краѣ. Словомъ, при знаніи и рачительномъ труда, огородничество въ Нарымскомъ краѣ можетъ принять другой видъ.

Климатъ для хлѣбопашества въ Нарымскомъ краѣ всегда заключрѣтній, хотя урожая тамъ и не даютъ такого обильнаго зерна, какъ въ южныхъ мѣстностяхъ Западной Сибири, но прим.—самъ 20—40. Въ Нарымскомъ краѣ, и при лучшемъ избраниі почвы, урожай бываетъ только самъ 10—20. Но затѣмъ, десятилѣтній периодъ времени, находимъ, что въ южныхъ мѣстностяхъ хлѣбъ часто истребляется то сильными засухами, то градомъ или несвоевременными дождями, то кобылковъ, такъ что въ теченіи 10 лѣтъ получится одинъ годъ засухи, годъ дождей или града, годъ кобылки, и затѣмъ въ итогѣ остается лишь 5—6 лѣтъ дѣйствительно хлѣбородныхъ, въ которые получается общее сложное число, непревышающее урожая Царскаго хлѣбопашства, такъ какъ въ Нарымскомъ краѣ всегда этого не бываетъ. Дожди тамъ иногда начинаются съ половины Августа, когда хлѣбъ бываетъ убранъ, засуха не вредитъ, потому, что ночи влажны отъ изобилия воды, болотъ, лѣсовъ и рѣсъ, градъ же и кобылка тамъ неизѣтѣты. Слѣдовательно, сумма 10 лѣтніхъ урожаевъ Нарымского края будетъ равна 10 лѣтнему периоду южныхъ мѣстностей—Что пасается до земли, удобной для хлѣбопашества, то въ этомъ отношеніи Кетская волость далеко превосходитъ Парабельскую; при томъ и хлѣбъ тутъ первей, родится далеко лучше, чѣмъ во второй. Впрочемъ, это можетъ быть зависить и отъ того, что Кетскіе крестьяне прилежнѣе занимаются уборенiemъ полей, нежели хлѣбопашцы Парабельской волости, потому что удалены отъ Оби и менѣе отвлекаются рыболовствомъ.

По неимѣнію положительныхъ данныхъ, трудно определить, до какой цифры простирается посѣвъ хлѣба въ Нарымскомъ краѣ, однакожъ, во всякомъ случаѣ, этотъ посѣвъ не настолько великъ, чтобы могъ удовлетворить нужды жителей, такъ какъ часть ихъ продовольствуется хлѣбомъ привозимымъ. Впрочемъ, необходимо замѣтъ, что привоз хлѣба въ Нарымский краѣ годъ отъ году значительно уменьшается; такъ, на прим. въ 40 годахъ ввознаго хлѣба поступало въ гор. Нарымъ отъ 60—80 т., въ 50-хъ годахъ отъ 50—60, а въ настоящее время, только до 40 т. Это одно уже доказываетъ, что хлѣбопашество здѣсь увеличивается.

Въ Нарымскомъ краѣ преимущественно сѣютъ рожь и овесъ; пшеница хотя рождается здѣсь хорошо, но ее сѣютъ очень мало, по неимѣнію удобной земли. Проса, гречиха, горохъ и проч. совсѣмъ не сѣютъ. День и конопли воздѣлываются здѣсь.

только для приготовления рыболовных снарядовъ. Тканьемъ колста занимаются нѣсъ олько въ одной Кетской волости; но вообще его приобрѣтаютъ покупкою въ Томскѣ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ въ рѣкахъ Нарымскаго края водилось еще много бобровъ; берега рѣкъ Парабели, Чая и преимущественно Васть—югана богаты были соболями. Изъ всѣхъ Нарымскихъ лѣсовъ пушные товары въ Маѣ мѣсяцѣ поступали на Тогурскую ярмарку, а оттуда Иркутское купечество увозило ихъ въ Кяхту для размѣба съ китайцами. Потомъ, когда въ Кяхтѣ запросъ на бѣлку сталъ уменьшаться, Нарымское купечество вынуждено было доставлять пушные свои товары на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, откуда большая часть ихъ шла чрезъ Лейпцигъ въ Англию. Съ этимъ переворотомъ цѣны на бѣлку значительно понизились отъ 30—40⁰ кѣ. рублей, а между тѣмъ бобры совершенно изчезли въ краѣ и соболи стали такъ рѣдки, что, за исключениемъ взноса ясака, ихъ поступало въ торговыя руки очень ограниченное количество. Такимъ образомъ, Тогурская ярмарка окончательно пала. Нарымское купечество думало привратить дѣло и просило правительство перевести се изъ села Тогурского въ г. Нарымъ, не измѣняя вѣдѣнія. Оно думало, что, съ переводомъ Тогурской ярмарки въ Нарымъ, городъ отъ сѣзда промышленниковъ изъ лѣсовъ съ пушными товарами извлекетъ выгоды, но жестоко ошиблось въ своихъ расчетахъ. Полагая, что уменьшеніе добычи зѣбра произошло не отъ переворотовъ двухъ главныхъ рынковъ Кяхты и Макарьевской ярмарки, а отъ убыли всего зѣбра, Нарымское купечество не пришло въ расчетъ того, что въ Кяхту шла бѣлка отъ 15—20 коп., а на Макарьевской и Ирбитской ярмаркахъ она уже сбывалась отъ 10—12 коп. На Тогурской ярмаркѣ промышленники сбывали свою добычу въ первыя руки за наличные деньги; а съ наденiemъ Тогурской ярмарки у промышленниковъ стали скучать одни Нарымские торговцы въ половину дешевѣлъ прежней цѣни отъ 7—8—10 к., смотря по занѣру заграничными контрами, и при этомъ еще промышленнику приходилось получать, по системѣ Нарымской кредитной торговли, за свои произведенія товарами, а не наличными деньгами. Отъ того русскіе промышленники должны были отставать отъ зѣброводства, какъ отъ промысла певыгоднаго, и бѣлки начали поступать въ торговыя руки вдое менѣе, не потому, чтобы въ лѣсахъ стало ее менѣе, а потому что стало менѣе промышленниковъ.

При существованіи Тогурской ярмарки и полной цѣни на

бѣлку, зѣброводствомъ занимались не одни инородцы, но и всѣ крестьяне Нарымскаго края Кетской и Парабельской волостей. Если предположить, что изъ Кетской волости крестьянъ уходило въ лѣса до 500 человѣкъ и столько же изъ Парабельской, и присовокупить къ этому инородцевъ до 1000 человѣкъ,—то всѣхъ промышленниковъ было до 2000 человѣкъ. Если же всѣ они въ теченіи года добывали каждый отъ 200 до 400 бѣлокъ, то въ торговль обращалось отъ 400 до 800 т. бѣлокъ. Съ пониженіемъ цѣни па бѣлку, русскіе промышленники начали, какъ мы сказали, бросать зѣброводство и бѣлки стало поступать въ торговлю съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе. Бобровъ въ 40-хъ годахъ совершенно былъ уже выловленъ—уничтоженъ; осталася одинъ соболи, но онъ также съ каждымъ годомъ уменьшался, удаляясь, какъ надобно полагать, отъ лѣсныхъ пожаровъ далѣе на западъ, такъ что Васть—юганскіе инородцы въ своихъ урошицахъ совершенно не имѣли ни одного соболя, а промышляли и промышляютъ его досѣль въ Тобольскомъ и Тарскомъ округѣ, по рѣкѣ Демьянѣ въ урошицахъ тамошнихъ инородцевъ. Но промыселъ соболя въ этихъ урошицахъ Нарымскіе инородцы производили воровски, за что часто подвергались взысканію отъ местныхъ владѣльцевъ урошищъ, хотя и здѣсь добывалось соболя такое количество, котораго, за исключениемъ бракованнаго, не доставало инородцамъ на взносъ ясака.

Ко всему этому въ 1844 году послѣдовало распоряженіе правительства о целопушеніи Нарымскихъ торговцевъ въ лѣса для вымѣна зѣбреи у инородцевъ до сбора съ нихъ ясака и недоимокъ. По этому торговущее сословіе было обязано подписать, чтобы товары и стѣстные припасы, остававшіеся непроданными въ кочевьяхъ инородцевъ, не оставались тамъ, а вывозились обратно, и чтобы для склада ихъ не заводилось въ селеніяхъ и увѣздахъ восточныхъ лавокъ, магазиновъ и т. п. Торговлю въ кочевьяхъ дозволено производить только зимою въ теченіи одного Января мѣсяца, до начатія промысла зѣбреи и по взносѣ инородцами ясака, и кромѣ того съ 15 Іюня по 1-е Сентября—до выхода инородцевъ въ урманнія мѣста на промыселъ. Во всякое другое время торговля и всякое сообщеніе русскому народонаселенію съ инородцами строго воспрещены.

Цѣль этого распоряженія была та, чтобы воспрепятствовать Нарымскимъ торговцамъ выкупать у инородцевъ лучшаго зѣбра, поступающаго въ ясакъ. Для обезпечения же продовольствия

ицородцевъ, Правительство предписало кѣстному начальству отпустить хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ съ соблюденіемъ слѣдующаго порядка: волостной ицородческій старшина заблаговременно долженъ собрать сѣльянія, сколько кому нужно хлѣба и представить о томъ Тогурскому отдѣльному засѣдателю. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, на отпускъ потребованаго количества обязанъ испросить разрешеніе отъ Губернскаго Правленія и, получивъ его, предписать вахтерамъ отпустить хлѣбъ старшинѣ, для раздачи по принадлежности. Уплату взятый хлѣбъ ицородцы производить изъ своего промысла, сдавть ее родовому старшинѣ, который дѣлаетъ съ вахтеромъ доставлять ее засѣдателю.

Послѣдствія этого распоряженія будуть объяснены ниже; но съ 44 года пущная торговля въ Нарымскомъ краѣ окончательно пала. Ицородцы не могли промышлять даже бѣлки, не имѣя на это средствъ, какъ—то: оружія, пищи, одежды и свободного сближенія съ русскимъ населеніемъ, а русские крестьяне не смѣли входить въ ицородческія землѣопромышленныя мѣста, и взялись за хлѣбопромышленность. Къ этому ихъ еще болѣе расположила развивавшаяся въ Сибири золотопромышленность: рыба стала требоваться на золотые промысла не только въ Заладной, но и въ Восточной Сибири, въ Красноярскѣ и Енисейскѣ.

Съ паденіемъ пушной торговли, изъ русского населенія всего болѣе потерпѣли куницы, и то единовременно, тѣмъ, что у нихъ пропали долги за ицородцами. Если нѣкоторые и поступили, по обстоятельствамъ, къ нимъ въ работы, то все таки этимъ не цопралеца пущай торговля: она приняла совершенно другое направление и осталась въ первобытной рутинѣ. И хотя бы правительство и отмѣнило свои постановленія, но въ настоящее время трудно ожидать ее или помочь ицородцамъ; тутъ нужны новые мѣры, согласныя съ иными положеніемъ края.

Изъ всѣхъ породъ зѣбровъ осталась только медвѣдь, волкъ, рысь, росомаха, лисица преимущественно блодушка, колонокъ, горностай, выдра, бурундукъ, заяцъ, барсукъ, кротъ, лось, олень и бѣлка. Соболь попадается рѣдко.

Медвѣдь водится въ Нарымскомъ краѣ вездѣ, но особенно на правой сторонѣ Оби по рѣкѣ Кети. Остѣнь опь постоянно

выходитъ къ жилымъ мѣстамъ въ русскія деревни или къ ицородческимъ юртамъ, часто встречается въ борахъ при сборѣ ягодъ, ореховъ; посѣщаетъ сѣнокосы и похищаетъ скотину на пастбищахъ. Есть деревни, находящіяся одиноко въ бору, которыхъ каждогодно посѣщаются медвѣдями, несмотря на то, что тамъ каждогодно же и бываютъ ихъ. Это обстоятельство приводитъ къ убѣженію, что медвѣдь не имѣть постоянной берлоги, какъ имѣютъ ихъ лисица, волкъ и другие зѣбры, а дѣлаетъ ее только для зимнаго спа и разныхъ мѣстахъ и съ весною выходитъ изъ нея для снискавія пищи.

Медвѣдь часто переходитъ изъ единої мѣстности въ другую большими массами, табунами, съ Запада на Востокъ или съ Востока на Западъ. Путешествие это туземцы называютъ ходомъ зѣбра. Вирочемъ, ходъ бываетъ не у одного медвѣда, во безъ исключения у каждого зѣбра и боровой итици: глухари, пеструхи, косача и проч. Медвѣдь ложится въ берлогу въ Октябрь мѣсяцѣ, а выходитъ въ Апрѣль. Вирочемъ, встречается, хотя и весьма рѣдко, медвѣди, привыкшіе къ хищничеству, которые не ложатся во всю зиму: туземцы такихъ медвѣдей называютъ дурными зѣбрами. Берлоги медвѣдѣ устраиваютъ облизъ рѣкъ, подъ большими деревьями, или въ оврагахъ въ мелкомъ и чистомъ кустарнике. На лѣсѣ онъ дѣляетъ при этомъ заломы, т. е. обламываетъ вершины деревьевъ, или сдираетъ съ нихъ кору. Онлодотвореніе медвѣдицы совершаются, когда должно полагать, въ Маѣ и Іюнѣ, а роды бываютъ преимущественно между 15 Марта и 20 Апрѣля. Она приноситъ, обыкновенно, двухъ дѣтенышъ, которыхъ сначала она кормитъ молокомъ, а послѣ пріучаетъ къ различной пище растительной и животной. По роду пищи, медвѣдь нельзя причислить къ спирѣннымъ и кропложаднымъ животнымъ: въ этомъ удостовѣряетъ опытъ. Растительную пищу медвѣди составляютъ кедровые орѣхи и ягоды всѣхъ родовъ; посѣдѣніяхъ, вирочемъ, онъ не ѣѣтъ, а только высасываетъ изъ нихъ сокъ. Животная пища медвѣдя: домашній рогатый скотъ и лошади. Но сѣдѣнія однако весьма рѣдко попадаются ему и спасаются бѣгствомъ, хотя медвѣдь при добавѣ ихъ употребляетъ особенныя хитрости. Онъ, во первыхъ, подкрадывается къ пимъ по вѣтру, чтобы лошади не почуяли его запаха. Если лошади не попадаются на эту первую хитрость, то медвѣдь старается загнать табунъ въ тонкія мѣста или чащу лѣса, и стремительно кидается на отсталую и завизнавшую лошадь. Легко можно допустить, что живущіе въ дальнихъ лѣсахъ медвѣди по все неизвѣстъ

животной пищи. Этимъ объясняется и то, что, при встречѣ съ человѣкомъ, такой медведь не трогаетъ его, а только станетъ на заднія лапы, гостить, пороветь и пойдетъ дѣлать. Напротивъ того, пріучившись къ животной пище—медведь дѣлается кровожаднымъ и при этомъ—то условіи встрѣча съ нимъ не проходить человѣку даромъ.

Медведи въ Нарымскомъ краѣ встрѣчаются огромного роста: часто шкуры ихъ отъ глаза до корня хвоста достигаютъ 15—18 четвертей. Что же касается до характера звѣря, то надо сказать, что медведица постоянно бываетъ свирѣпѣе самца. Причина этого явленія заключается, кажется, въ томъ, что медведица всегда бываетъ или оплодотворена или же съ дѣтенышами.

Волкъ—иногдастный обитатель Нарымскаго края: онъ забѣгаешь сюда изъ Барабинской степи и появляется исключительно на тѣй сторонѣ Оби, на Вѣсъ—югансѣ, будучи постоянно преслѣдуемъ промышленниками. Однакоже, несмотря на то, ему удаётся иной разъ оставаться здесь годъ и болѣе, и въ это время онъ успѣхаетъ оплодотвориться. Вѣроятно, Нарымская тайга для волка привольнѣе Барабинской степи; онъ питается въ тайгахъ мелкими звѣрятами, брошенными остатками отъ промысла лосей, оленей и другихъ звѣрей, и отъ этого никогда не выходитъ къ жилымъ мѣстамъ и не трогаетъ домашнюю скотину. По качеству шкуры, нарымскій волкъ очень хороши; онъ бываетъ большаго роста и отличается длиною густою шерстью, по этому и въ торговлѣ цѣнится далеко выше степнаго. Къ сожалѣнію, въ Нарымскомъ краѣ его добывается очень мало и на Ирбитскую ярмарку поступаетъ не болѣе 5—10 шкуръ со всего края.

Рысь, какъ и волкъ, не принадлежитъ къ уроженцамъ Нарымскаго края; она забѣгаешь сюда изъ южныхъ степей Тобольской губерніи и добывается только по рекѣ Вѣсъ—югану. Промышленники никогда не находили въ Нарымскомъ краѣ логонища рысей, и потому не знаютъ ни того, сколько самка логонища рысей, ни того, въ какихъ мѣстахъ дѣлается свои яоры. Гысей добывается здѣсь, также какъ волкъ, очень мало, отъ 10 до 20 шкуръ. Цѣна шкуры на мѣстѣ промысла 6—7 рублей за шкуру.

Россомаха приватожитъ къ тундровиамъ животныхъ. На-

римскаго края она ростожъ не больше лисицы, но очень свирѣла. По характеру принадлежитъ къ кошачьимъ породамъ, по виду скорѣе напоминаетъ медведицу. Не смотря на малый ростъ, она побѣждаетъ лоси, слемя, волка, лисицу и все живое, ее окружающее, кромѣ медведица и рыси. Россомаха, также какъ и рысь, бросается на свою добычу съ дерева и перебѣгаетъ шеко. Она скрадываетъ по временамъ даже ятиль. Логонища своиrossomaha дѣлаетъ въ землѣ также, какъ медведица, хотя сама и не погружается въ землю сопѣ, подобно ей или другимъ животнымъ, какъ напр. сурокъ и барсукъ. Россомаха приноситъ по два дѣтеныша, рѣдко по три. Это животное водится по всему Нарымскому краю, но преимущественно по Вѣсъ—югану.

Лисица въ настоящее время въ Нарымскомъ краѣ водится очень мало, такъ что $\frac{1}{3}$ количества лисиць шкуры, поступающаго въ исакъ, ипороды добываются не сама, а приобрѣтаются отъ купцовъ, которые и привозятъ ихъ съ Ирбитской ярмарки. Лисица встрѣчается по всему краю и несвѣхъ родовъ бѣлодушки до чернобуровой, но послѣдняя такъ рѣдка, что ихъ можно считать исключеніями. Обыкновенно же встрѣчается бѣлодушка, сиводунка и крестовка. Лисица, кажется, обладаетъ особенностью способностью приносить дѣтей не одного цѣфта шерсти, такъ что иногда въ гнѣздахъ бѣлодушки находятъ дѣтенышей бѣлодушекъ, сиводунекъ и чернобуровыхъ.

Соболь въ Нарымскомъ краѣ водится въ ничтожномъ количествѣ и даже какъ рѣдкость, которую добываются по рѣкамъ: Чарѣ и Парабели. Главный водѣ соболей былъ когда-то на рѣкѣ Вѣсъ—юганѣ; по пылѣ на этой рѣкѣ ихъ и номинуѣть, а Вѣсъ—юганскіе ипороды называются соболемъ по рѣкѣ Демилькѣ Тобольской губерніи. Соболь питается мелкими животными, какъ—то мышами, яичками, по инстинктѣ ли вѣбѣтъ съ этимъ пищевою растительностью, сказать ничего не можемъ. Логонища свои или яоры соболь дѣлаетъ въ землѣ подъ корнями сосенъ и бересклѣтъ. Самка приноситъ отъ 3 до 5 дѣтенышей. Маленькие соболыта, вынутые изъ яоры, скоро привыкаютъ къ человѣку и до того дѣлаются ручными, что становятся неразлучными отъ своего хозяина. Опыты показываютъ, что соболь очень легко можетъ сдѣлаться домашнимъ животнымъ и вполнѣ замѣнить кошку, съ тою только разницей, что будетъ гораздо привязанѣе къ человѣку, чѣмъ кошка.

Колопоектъ водится по всему краю за борахъ, и преимущественно

щественно по сорамъ. Онь питается мышами. Самка приноситъ 4 до 6 дѣтенышей. Въ постройкѣ своихъ норъ колонокъ не разборчивъ: онь дѣлаетъ иногда ихъ на низкихъ водоточныхъ мѣстахъ и, по всему вѣроятію, отъ разлитія весенней воды ею погибаетъ много.

Горностай также, какъ колонокъ, водится больше на сорахъ, хотя встрѣчается и въ хвойныхъ лѣсахъ. Жизнь и характеръ его во всемъ сходны съ колонокомъ и ласкою или ласточкою. Ласточка по наружности очень похожа на горностая, но гораздо менѣе его ростомъ и промышленники часто продаютъ ее неопытнымъ покупателямъ за горностая. Горностай, воспитанный въ жильѣ человѣка, скоро привыкаетъ къ хозяину, дѣлается ручнымъ и очень забавенъ. Весною горностай и ласка бывають сѣрые, а съ Октября блѣдаютъ. Самки приносятъ отъ 6 до 8 дѣтенышей. Пища горностая—мыши.

Выдра преимущественно водится по притокамъ рѣки Вась—югана и изрѣдка встрѣчается во всѣхъ мелкихъ рѣкахъ—притокахъ Кети и Тыма. Норы выдры находятся въ землѣ подъ водою, но какъ они устроены, промышленники ни чегъ не знаютъ, равно какъ и неизѣтѣнны образъ жизни и характеръ этого зѣбра. Положительно дознано только то, что выдра не можетъ долгое время жить безъ воздуха и поэтому очень часто выходятъ на берегъ. Пища выдры различна: на берегу она ловить мелкихъ животныхъ, а въ водѣ промышляетъ рыбу. Шерсть выдры ни въ какое время года не измѣняется, но постоянно одного цвѣта. Выдра, достигшая полного роста, бываетъ длиною до $1\frac{1}{2}$ аршинъ, по скажемъ такими коротенькими ножками, что она кажутся не болѣе гусиныхъ и, подобно этимъ послѣднимъ, имѣютъ между нальцами переноски. Хвостъ выдры длинный и плоский; онь служитъ ей вѣсто рыбы и мяса. Выдры въ Нарымскомъ краѣ становятся съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе, такъ что, вѣроятно, со временемъ она тамъ совершенно переведется, подобно бобру.

Бурундукъ водится по всему Нарымскому краю въ хвойныхъ лѣсахъ, около кедровника. Гнезда его огромны и на сколько не соответствуютъ росту зѣбра: если въ нихъ увеличить устье норы, то въ логовище свободно можетъ помѣщаться лисица или волкъ. Ловцю бурундуковъ занимаются только дѣти инородцевъ. Шкуры этого зѣбра не продажу не вѣрутъ, а если иногда и встрѣчаются бурундучи мѣха, то они

Зайцевъ въ Нарымскомъ краѣ очень много; но неизѣтѣно почему шкуры ихъ исключены изъ шиной торговли и употребляются только въ домашнемъ обиходѣ. Между тѣмъ, нарымскій заяцъ, по качеству шерсти, ни сколько не уступаетъ барабинскому, который покупается на мѣстахъ промысла отъ 10 до 12 коп. за шкуру, тогда какъ Нарымскій на мѣстѣ никогда почти не выходитъ изъ 3 коп.

Варенукъ попадается рѣдко, глухайно, потому что промысломъ его никто не занимается. Шкуры его въ продажѣ также чрезвычайно рѣдки.

Кротовъ живѣе очень много, во на нихъ смотрять какъ на животныхъ вредныхъ, неспособныхъ принести ни какой выгода. Между тѣмъ, сургутские инородцы изъ шкуръ кротовъ шьютъ мѣха и привозятъ ихъ иногда въ Нарымъ для продажи по 30 и 50 коп. за полку. Три—четыре такихъ полки достаточны для того, чтобы сшить пальто взрослому человѣку и мѣхъ этого пальто будетъ гораздо теплѣе и лучше мѣха бурундука.

Лось въ Нарымскомъ краѣ водится преимущественно, на южной сторонѣ рѣки Оби. По величинѣ и силѣ, лось занимаетъ первое мѣсто между всѣми животными, обитающими въ Нарымскомъ краѣ: ростъ взрослого лося отъ земли до хребта 10—12 четвертей, а до ушей 16—18 четвертей; длина же шкура лося отъ морды до хвоста попадается 18—20 четвертей. Лось по образу жизни во всемъ похожъ на оленя и, подобно ему, питается древесными мохомъ и преимущественно корюю молодаго пихтовника—и верхушками лиственныхъ деревьевъ. Наружностью лось также во всемъ сходенъ съ оленемъ и различается отъ него только ростомъ и рогами: рога самца лося плоскіе, имѣющіе на краюѣ большиіе отростки; рога же самца оленя круглые, съ отростками, въ видѣ дерева. Самка лося въ Май мѣсяцѣ приноситъ по одному и по два дѣтеныша. Шкуры годовыхъ лосей туземцы называютъ *пакежиной*; въ торговлѣ онѣ идутъ дѣвъ за одного взрослого лося. Лось пасется въ разныхъ мѣстахъ, рѣдко табунится и по преимуществу ходитъ по одиночкѣ. Только во время течки, самецъ собирается по пѣскольку самокъ и при встрѣчѣ съ другимъ самцомъ, завязывается съ нимъ смертельную драку, оканчивающуюся всегда смертью слабаго. Дружелюбно же собираются самцы въ одинъ большой табунъ только тогда, когда совершаютъ перѣходъ изъ одной мѣстности въ другую.

Олень водится во множествѣ по всему Нарымскому краю, но не составляетъ предмета домашняго хозяйства нарымскихъ инородцевъ, какъ у березолозовыхъ самоѣдовъ и тунгусовъ. Олень питается древеснымъ мохомъ, и кромѣ этого ни что другое не можетъ считаться его правильною, нормальною пищею. Самка олени приноситъ по два дѣтеныша. Олени собираются табунами и дѣлаютъ переходы изъ одной мѣстности въ другую, подобно лосю.

Бѣлка водится на всѣмъ пространствѣ Нарымскаго края и въ особенности по берегамъ Оби. Это животное составляє въ настоющее время единственное богатство нарымскихъ инородцевъ и только, кажется, на ее одну они могутъ вполнѣ расчитывать и быть увѣренными, что она до тѣхъ поръ не оставитъ ихъ дикихъ пустынь, пока, по безумному нерадѣнію жителей, не уничтожится кедровникъ. Извѣстно, что кедровый орехъ составляетъ главную пищу бѣлки и, при неурожаѣ его, она хотя и питается семенами сосны, выщелкнувъ ихъ изъ сосновыхъ щипчекъ, но съ болѣе трудностю. Гнѣзда свои дѣлаетъ бѣлка на дуплахъ гнилыхъ деревьевъ. Оплодотворяется она въ хороший теплый годъ два раза, именно весною между 15 Марта и 15 Апрѣля и въ Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ, если пѣть сильного холода и вѣтровъ. Старая бѣлка приносить отъ 5 до 7 дѣтенышъ, а молодая отъ 3 до 4. По Оби водится бѣлка свѣтлая, а въ вершинахъ ея притоковъ, какъ то по Вась-югану, Тыму и Кети она имѣеть довольно темный цвѣтъ шерсти и при томъ такъ, что чѣмъ далѣе отъ Оби, тѣмъ больше теряетъ бѣлизны, хотя ростъ и шерсть свѣтлыхъ и темныхъ блокъ одной величины. Причины этого явленія еще ни кѣмъ не изслѣдованы. Попадается иногда бѣлка даже совершенно бѣлая, но она не болѣе, какъ исключеніе. Летучая бѣлка попадается всего болѣе около Тыма. Она гораздо короче обыкновенной. Шерсть у нея буростѣрая, хвостъ не такъ пушистъ и пропорциональнѣ ея росту, какъ у обыкновенной. Летучая бѣлка встрѣчается очень рѣдко: инородцы же встрѣчу ея почитаютъ за знакъ удачнаго промысла въ поэтомъ иѣкоторые даже не убиваютъ ее, какъ предвѣстницу благополучія.

Въ ряду домашнихъ животныхъ Нарымскаго края первое мѣсто, конечно занимаютъ лошади. Нарымская лошадь преимущественно низкоросла, съ головой средней величины, съ большими ушами. Глаза у нее маленькие, зубы небольшие, смоляные, съ сквозными прорѣзями, чаще выдавшися кнаружи; шерсть

большая, хвостъ длинный, густой. Суровость климата, грубый кормъ и лишения сдѣлали здѣшнюю лошадь крѣпкую. Соразмѣрио съ ростомъ она сильна, выстомима и горячка. Здѣшняя самая плохая лошадь можетъ легко перевозить 18—20 и 25—пудовъ безъ овса, на одинъ сѣнѣ, дѣлъ три тысячи verstъ, Гусью она можетъ бѣжать до 100—120 verstъ, не кормя. Эти качества Нарымскихъ лошадей извѣстны вездѣ по Восточной и Западной Сибири; а потому ихъ окоты покупаются на золотые промысла. Мѣстныя цѣни на лошадь простираются отъ 20 до 40 руб. Въ уходѣ за лошадьми, пригнанными осеню съ лѣтнаго настѣнца и запряженными въ первый разъ, нарымскіе жители наблюдаютъ слѣдующія правила. Если лошадь предназначается только для домашнихъ работъ, то запрягаютъ ее въ легкіе сапи иѣздятъ очень быстро до сильнаго пота, а потомъ, не снимая хомута, привязываютъ на цѣлые сутки къ столбу, не давая ни пить, ни есть. Очень же жирныи лошади при этомъ даютъ съ полфунта сухаго мяккаго сѣна и оставляютъ ихъ при 10—15° Р. на цѣлые сутки или до тѣхъ поръ, какъ лошадь совершенно высохнетъ. Это повторяется съ ряду до трехъ разъ. Выдержки эти называются *выстойками*. Отгуливавшаяся лошадь безъ выстойки непремѣнно получаетъ воспаленіе легкихъ въ издыщаетъ. Если лошади предназначены въ дорогу, то, отправившись на нихъ, первую станцію дѣлаютъ verstъ въ 40—50, чтобы какъ можно болѣе дать имъ вспотѣть и затѣмъ на станціи поступаютъ точно также, какъ сказано выше. Если выстойки произведены нерадѣнно, т. е. если лошадь съ выстойки сущена нѣсколько рано, не высохши совершенно, то хотя она и неполучитъ воспаленія (*не запалитъ*, какъ говорятъ туземцы), все—таки будетъ имѣть подгарину, особенно подъ хомутомъ на плечахъ. Во время выстоекъ лошадей всегда прежде кормятъ и потомъ уже погаѣтъ. Постѣ трекъ выстоекъ, дѣти не соблюдаются ни какой, кромѣ овса: его даютъ имъ сначала самую малую порцію и увеличиваютъ постепенно.

Крупнаго рогатаго скота въ Нарымскомъ краѣ считается до 12-т. головъ. Порода его незавидна. Онъ мелокъ и некрасивъ. Лучшая скотина дасть только отъ 4½ до 5 п. мяса и отъ 1 до 1 п. 10 ф. сала. Уходъ за рогатымъ скотомъ здѣсь не требуетъ особаго труда, какъ и уходъ за лошадьми. Однолѣтникъ телятъ крестьяне отдѣляютъ отъ крупной скотины особо; бычковъ, обыкновенно, кладутъ и только иѣкоторыхъ оставляютъ для приплода; но тѣль и другимъ въ первый годъ въ теченіи зимы одниаково даются мелкое сѣно, замѣняемое крупнымъ на слѣдующій второй годъ. Дойныя коровы тамъ

отдѣляются отъ недобойныхъ и быковъ и первымъ, какъ одиночнымъ телятамъ, даютъ мелкое сѣно, а послѣднимъ крупное. Теплые хлѣви дѣлаютъ только для стельныхъ коровъ, пока они отелются, а въ другое время отъ обыкновенно живутъ, какъ и весь домашній скотъ, въ холодныхъ дворахъ. Весною холостую скотину крестьяне отводятъ на дальние луга, гдѣ она пасется безъ пастуха до самой осени, —до покрытия рѣкъ льдомъ,—и только тогда собираютъ и возвращаютъ ее домой; оталившихся при этомъ въ полѣ короны отдѣляются отъ холостыхъ, а домашнихъ стельныхъ или съ пересохшимъ молокомъ держать вмѣстѣ съ холостою скотиной. Дойные коровы лѣтомъ пасутся безъ пастуха близъ дома и для того, чтобы они приходили домой сами для доенія, оставляютъ телятъ при домѣ. Когда коровы приходятъ вечеромъ домой, то приpusкаютъ къ нимъ телятъ и въ тоже время долы: Отъ лучшей коровы получается молока въ сутки $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ ведра. Туземцы недостаточное количество молока у коровъ приписываютъ не собственному нерадѣнію или неумѣнію вести скотоводство, а относятъ это то къ качеству корма, то къ другой породѣ скота. Не представляя здѣсь съ своей стороны какогонибудь положительного миѳа, мы можемъ замѣтить только, что не соглашаемся ни съ тѣмъ, ни съ другимъ миѳомъ туземцевъ на томъ основаніи, что видали скотъ у жителей Сургутского округа, у жителей Томского округа Николаевской волости выше Нармы и въ Кузнецкѣ, —скотъ совершенно одного роста и типа, но дающій несравненно большее количество молока, чѣмъ нарымскія коровы. Это обстоятельство, вѣроятно, надоѣло приписать тому, что въ Николаевской волости и въ Кузнецкѣ скотина пасется подъ надзоромъ пастуха, телята отбиваются отъ матокъ вскорѣ послѣ рожденія, для дойныхъ коровъ зимой устраиваютъ теплые хлѣви, а главное—молодые нетели случаются по достижениѣ полнаго возраста. Слѣдовательно, нарымская скотина потеряла свою доброкачественность отъ небреженія сминыхъ дѣмохозяевъ: она измѣряется зимой, еще будучи теленкомъ, и хилѣеть, а лѣтомъ рождаетъ новое цоколѣніе, еще не укрѣпившись физически, и естественно, оставаясь болѣзнистою, производитъ болѣзнистый приплодъ. Доказательство этого мы видимъ у городскихъ жителей—у купцовъ, у которыхъ хотя скотина и пасется также безъ пастуховъ, но все—таки пользуется лучшимъ наблюденіемъ и уходомъ, и у инородцевъ, живущихъ по Оби: у нихъ коровы даютъ молока до $\frac{1}{2}$ ведра и больше въ сутки. Это, кажется, больше всего говорить въ пользу того, что качество травы Нарымскаго края здѣсь не виновато, что крестьянское нарымское скотоводство вообще дурно и что оно легко

можетъ исправиться, если только скотоводы примутся за него съ большими усердіемъ и съ большими вниманіемъ къ дѣлу.

Овецъ Нарымцы держать довольно, какъ крестьяне, таинъ и городские жители. Овцы здѣсь обыкновенной русской породы и нисколько не менѣе по росту, и не хуже по качеству шерсти овецъ другихъ мѣстностей Томской губерніи. Пасутся овцы въ лѣтнее время безъ пастуховъ. Для этой цѣли ихъ увозятъ на острова, расположенные по Оби, гдѣ бы не было крунаго скота. Лѣтомъ хозяева бѣдятъ нѣсколько разъ смотрѣть новорожденныхъ ягнятъ и мѣтятъ ихъ своими знаками.

Свиней держать крестьяне мало и то въ самомъ крайнемъ небреженіи. Свины маленькия въ $1\frac{1}{2}$ —2 года. Щетина на хвѣтѣ не собирается. Въ лѣтнее время свиней увозятъ на острова и держать тамъ до осени, до загона домой другой скотинѣ. Откормивши немногимъ мякиною, свиней колятъ для собственнаго пропитанія. Въ городѣ жители свиней держать при доцахъ и наблюдаютъ за ними хотя не совсѣмъ прочно, но все же лучше крестьянъ, за то и свины въ городѣ водятся нуда по три и по четыре головамъ.

Общее несчастіе сибирскаго скотоводства—*Сибирская язва*—отмѣщается и на нарымскомъ скотѣ почти каждое десятилѣтіе. Но, и кромѣ язвы, скотоводство подвергается здѣсь еще слѣдующимъ неблагопріятнымъ случайнѣмъ. Въ дождливое лѣто хозяева—скотоводы неусыпѣнно заготовлять на продовольствіе всей зимы сѣна и скотъ, передъ весной издахаетъ часто отъ недостатка корма. Иногда бываетъ очень большой разницѣ вѣды, который затоиняется не только низкіе луга, но и значительныя возвышенности, такъ что выгнанный изъ частбище скотъ сплошь собираются домой и держать дома во дворахъ, порой до половины Июля. *) Нерѣдко вода разливается такъ быстро, что захватываетъ выгнанный скотъ на поляхъ, уноситъ его быстрѣль течениемъ и топитъ. При такомъ несчастіи, жители обыкновенно стараются спасатъ животныхъ въ лодкахъ, пере-

*) Прибыль годы въ Нарымскомъ краѣ начинается съ появленіемъ Апрѣля. Иногда вода прибываетъ медленно, не болѣе половины или одного вершка въ сутки, съ различными вѣрочками перемѣнами, а иногда въ дружную теплую весну идеть просто валомъ и поднимается отъ 2 до 3 сажень.

возить ихъ домой и, за неимѣніемъ сѣна, кормить то соломою, то тальникомъ, то просто еда не назовомъ. Большое неудобство для скотоводовъ представляютъ и низкие водотопные сѣнокосные луга, на которыхъ нельзя оставлять лишнаго сѣна на цѣлый годъ, по нужно перевозить его къ домуя въ противномъ случаѣ, весеннимъ разливомъ затонуть его и улечетъ напоромъ воды.

Въ Нарымскомъ краѣ болѣе всего удобно и легко развить скотоводство по берегамъ Оби и особенно по притоку ея Вѣсъ-югану. Вообще о Вѣсъ—юганѣ можно сказать, что эта река удобна для значительной колонизации. Она можетъ имѣть на своихъ берегахъ хлѣбопашечнаго до 1000 семействъ и это сдѣлать ее извѣстно, гораздо болѣе, чѣмъ славилася она въ бывшее время своими соболями. По Вѣсъ-югану можетъ быть и хорошая рыбопромышленность. Въ немъ водится множество стерляди; весною заходить туда нельма и сироки; изъ обитаетъ тамъ во всякое время года; налима заходить въ Вѣсъ-юганъ и живеть тамъ постоянно; кедровые лѣса по Вѣсъ-югану лучшіе; белка, колонокъ и гонистай ни когда не выедутся; боровой птицы всѣхъ родовъ и въ любое время перелетной гусей и утокъ множество. Самая же главная особенность Вѣсъ-югана, что онъ есть лучшій пунктъ для краткаго сообщенія Нарымскаго края съ Тобольской губерніею.

Собаки въ Нарымскомъ краѣ водятся двухъ породъ: одни туземныи, а другіи ввезенныи русскими переселенцами. Туземныи—самоѣдскіи и остацийскіи собаки чистой породы имѣютъ шерсть сѣрую, какъ у волка. Ростомъ онъ отъ земли до хребта бываетъ 8—9 вершковъ, довольно длинныи, мускулисты, съ широкою грудью, головой пропорциональной, широкимъ, раздвоившимъ лбомъ, тонкою длинною мордою, стоячими ушами, съ хвостомъ мохнатыми и длинными. Сѣрая шерсть измѣняется только отъ смѣшанія съ русскими собаками въ темно—сѣрую и иногда переходитъ въ совершею чернью. По свойству инстинкта самоѣдскіи и остацийскіи собаки водятся единственно для одного зѣбринаго промысла. На промыслѣ зѣбрѣ эти собаки ни когда не нападаютъ на добычу, но, отыскавъ зѣбру, даютъ знать своему хозяину о его присутствии. Для этой цѣли, они безъ дрессировки перемѣняютъ звуки при лаѣ на того или другаго зѣбра: на лося лаютъ однимъ топомъ, на оленя другимъ, на медведя огобмы монотонными, протяжными звуками. Словомъ сказать, пѣть зѣбру, чтобы инородческая собака не изѣла

для него особаго лая. На промыслѣ собака ни когда не держится при своемъ хозяинѣ, а постоянно сѣгаєтъ по лѣсу и ищетъ зѣбру или самого зѣбру. Найдя, за примѣръ, бѣлку, она загонитъ ее на дерево, остановится и начинаетъ лаѣть. Есть собаки, которые знаютъ двухъ, трехъ и четырехъ зѣбреи; есть такія, которымъ знаютъ одного, и по качеству инстинкта ихъ называютъ: лосина, оленя, бѣлчицы собака. Чѣмъ болѣе знаетъ собака зѣбреи, тѣмъ дороже она цѣнится. Между инородцами собаки продаются за 5—10—20 и 30 бѣлок., за двѣ-три оленя шкуры, за пудь орѣхонка и проч. Инородцы собакъ, большую частью, холостятъ, кладутъ. Это дѣлаютъ съ тою цѣллю, чтобы при встрѣчѣ охотниковъ въ лѣсу, когда у одного случится самка, а у другаго самецъ, самка не увлекала послѣдняго за собою и не препятствовала ему следить за зѣбремъ. Медвѣдь собаки (зѣбраторы, какъ говорятъ туземцы) самки дорогіи и рѣдкіи собаки. На медвѣда выпускается ихъ двѣ-три. Онъ не кидается на зѣбру, но только останавливаютъ его до тѣхъ поръ, пока дождется хозяина. При его появлѣніи, они забѣгаютъ сзади зѣбры и рвутъ его, а другіи стремительно хватаются за уши. Вообще инстинктъ инородческихъ собакъ направленье къ тому, чтобы останавливать зѣбру и лѣсу и не давать ему уходить отъ преслѣдований хозяина. Такъ, встрѣтивъ лося, собаки забѣгаютъ впередъ его, и начинаютъ лаѣть: лось останавливается и смотритъ на пѣхъ, въ то время, какъ охотникъ улучаетъ минуту выстрѣлить въ него изъ—за дерева.

Нарымскій край богатъ птицею, преимущественно боровкою. Здѣсь водятся: глухари, косачи, пеструхи, рыбчики и куропатки. Лѣтомъ они преимущественно удаляются на сѣверъ, въ тайги, и тамъ плодятся; только съ половиною Сентября все эта птица прилетаетъ къ населеннымъ мѣстностямъ Нарымы иногда въ такомъ множествѣ, что ее можно промышлять на годичное продовольствіе большаго семейства. Вирочемъ, рыбчикомъ, болѣе постоянныхъ обитателей нарымскихъ лѣсовъ, мало промышляются, равно какъ и куропатки, а главный промыселъ въ зимнее время—лесь бываетъ обращенъ на глухарей, пеструхъ и косачей. Изъ перелетныхъ птицъ, живущихъ въ Нарымскомъ краѣ, можно указать: на лебедей, гусей, утокъ всѣхъ родовъ, дуниселей, называемыхъ туземцами куликами, бекасовъ, по туземному зѣброкъ, беркутовъ—бѣлохвостикъ, величаемыхъ орлами, коршуновъ циппилитиковъ, ястребовъ, филиновъ, воронъ, ласточекъ, стрижей и синицъ. Кромѣ того, особенно много водится около неводныхъ заводеній жартышекъ и чаекъ.

Изъ домашнихъ птицъ въ городѣ Нарымѣ очень немногіе холода держать гусей, утокъ, индѣекъ и простыхъ курь, деревенскіе жители однихъ курь. Но надо сказать, что домашніе гуси ведутся въ Нарымѣ очень плохо, а индѣекъ ни кто досихъ портъ не воспитывается.

Обращаемся теперь къ насѣкомымъ Нарымскаго края.

Сколько нѣкоторыя лица не хлопотали о разведеніи пчелъ въ Нарымскомъ краѣ, но все эти попытки остаются пока безуспѣха. Пчела не можетъ выдержать здѣшнаго холоднаго Мая. Въ теченіи этого мѣсяца здѣсь пѣть "ще ни какой зелени слѣдовательно, пчела болѣе мѣсяца не можетъ имѣть ни пищи ни работы. Другимъ неудобствомъ къ пчеловодству надобно считать то, что въ Нарымскомъ краѣ луга бывають затоплены водою почти въ продолженіи всего лѣта и непокрытыми водою остаются только боры. Съ тальника пчела хотя и можетъ сбирать небольшое количество меду, но большое пространство воды, чрезъ которое она должна перелетать при этомъ, ей подъ силу и она часто тонетъ. Такія препятствія естественно не даютъ ни какой возможности заниматься пчеловодствомъ въ Нарымскомъ краѣ.

Въ ряду насѣкомыхъ Нарымскаго края особенно замѣтны муравьи: ихъ множество и мѣстные жители—судо промышленники употребляютъ ихъ гнѣзда или муравейники противу течи судовъ и барокъ. Если изъ два судна или барки выпадетъ конопатъ и окажется течь, то обыкновенно набираются муравейники изъ холщеваго куль и призываются къ обоимъ концамъ его длинныхъ веревокъ; потомъ подводятъ куль подъ дно судна противъ самой течи и начинаютъ веревками подергивать его въ водѣ подъ судномъ такъ, чтобы муравейники выскалья въ воду. Теченіе воды въ дни судна будетъ втягивать сорвъ муравейника въ щель и онъ такъ плотно набьется въ отверстіе, что сдѣлается самою прочной конопаткою.

Стало быть, муравьи еще очень полезны; но этого уже ни какъ нельзя сказать о насѣкомыхъ другаго рода, которыхъ въ лѣтнєе время, начиная съ Мая мѣсяца до половины Августа, появляются также, какъ и муравьи, въ сгражданіи множества: мы говоримъ о комарахъ. Отъ нихъ просто нѣть здѣсь жесткіе мы говоримъ о комарахъ. Отъ нихъ просто нѣть здѣсь жесткіе ки какого спасенія, кроме холщеваго полога и курева. Что касается до мыши, то ее въ Нарымскомъ краѣ очень мало; а

воды или паути, какъ ихъ называютъ тувемцы, беспокоить только одинъ скотъ на пастбищахъ.

Рѣки Нарымскаго края до чрезвычайности богаты рыбью разнотѣпой. Эти породы суть: осетръ, стерлядь, нельма, муксунъ, изъ, сирокъ, налимъ. Мѣстные жители называютъ ихъ подъемными (въ отличіе отъ туземныхъ, осѣдающихъ породы рыбъ), потому что они идутъ изъ Обской губы огромными массами въ рѣку Обь; почему жители Обдорска и Березова этотъ ходъ рыбы и называютъ подъемомъ. Подъемомъ бываетъ нѣсколько въ году, но главныхъ, по замѣтительной числительности рыбы, считается два: первыи—ваизовъ, начинаяющійся съ начала Мая или въ ослѣдніихъ числахъ Апрѣля и продолжавшійся до конца Мая или до начала Июня, а второи, по самотѣлки морозъ, по русски стрѣлка, начинаяющійся съ первыхъ чиселъ Июля и продолжавшійся до конца этого мѣсяца. Меньшіе подъемы бываютъ въ Сентябрѣ, Ноябрѣ и другіе зимніе мѣсяцы. Рыба, во время подъемовъ, идетъ строеми, каждая порода отдельно одна отъ другой, съ небольшими промежутками. Первые два подъема доходятъ до верховьевъ Оби и частію заходить въ нѣкоторые притоки ея—Иртышъ и Томь, а рыба осенникъ и зимніхъ подъемовъ, выѣхавъ изъ Обской губы, вскорѣ уходитъ обратно въ Обскую губу. Количество подъемной рыбы невыразимо велико. Рыба ванзева о подъемѣ гораздо крупнѣе, а рыба подъема морозъ гораздо мелчѣ; муксунъ въ послѣднемъ подъемѣ есть даже и иедорослый, который называютъ полурукавчикомъ и который не доходитъ далѣе Березова и снова обращается въ Обскую губу. Во время подъема въ роды рыбы, только что освѣмененіе, не имѣть въ себѣ ни икры, ни молокъ, кроме щекура.* Щекуръ выходитъ изъ моря всегда икринный, но не Оби не доходитъ далѣе Березова и обращается назадъ въ море. Во всѣхъ же прочихъ рыбахъ икра развивается въ путникахъ. Подъемная рыба доходитъ до Нарымскаго края не въ одно время, несмотря на то, что изъ моря подымается одновременно и идетъ въ такомъ порядкѣ: сначала осетръ и стерлядь, потомъ моксунъ, далѣе нельма, сирокъ, изъ и на-

*) О щекурѣ туземцы разнаго мнѣнія: одни считаютъ его за большаго муксунна, другие за особый родъ рыбы. Наружный видъ щекура во всемъ сходенъ съ муксуномъ, съ токо только разницей, что объемъ не много больше муксупа, голова меньше, спина плоская и очень жирная.

конец налимъ. Въ дальнѣйшемъ путешеіствій язъ, нельма, сырокъ и стерлядь обгоняютъ всѣхъ и доходить до Нарымскаго края, первые въ половинѣ Юла; за ними слѣдуетъ стерлядь, а послѣ нея, въ концѣ Августа и до Октября, идетъ осетръ и мускусъ. Послѣ же всѣхъ появляется налимъ. На этомъ основании, можно вычислить: скорость хода каждой рыбы, зная расположение Нарима отъ Обдорска. Такъ, нельма, сырокъ и стерлядь идутъ до 30—35 верстъ въ сутки, мускусъ до 30 верстъ, изъ до 25, а налимъ до 15 верстъ. Многолѣтній опытъ при промыслѣ на неводахъ доказалъ это обстоятельство положительно. Когда подъемная рыба еще не подходитъ къ Нарымскому краю, то промыселъ производится одной туземной рыбой и въ небольшомъ количествѣ, а при подъемѣ массы рыбы увеличивается вдругъ и каждая тоннъ бываетъ очень обильна. Въ это время промышленники обыкновенно уѣдомляютъ рыболововъ верхнихъ нескорѣ о томъ, что рыба подошла и чтобы невода были у нихъ исправны. При этомъ расчитываются всегда на вышеуказанную нами скорость плаванія рыбы и расчетъ оказывается совершенно вѣрнымъ. Опытъ доказалъ также и то, какою струею воды идетъ каждая рыба въ водахъ Оби, т. е. самимъ ли фарватеромъ или ближе къ берегу—тихой водой, по поверхности ли воды, въ полуводѣ или по самому дну; равно узнаю и то, какиѣ строемъ идетъ рыба: широкимъ или узкимъ, или небольшими партиями. Промыслы неводами и самодолами даютъ полную возможность судить объ этомъ, какъ увидимъ, изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Для промысла нельмы и сырка устраиваютъ обыкновенно невода легкіе, т. е. такие, чтобы нижняя тетива ихъ не касалась земли, а верхняя шла по самому церху воды и нисколько не топтула въ водѣ,—въ противномъ случаѣ рыба выйдетъ изъ невода чрезъ верхъ его. Ходъ нельмы и сырка неправиленъ: они не наблюдаютъ фарватера. Для осетра, стерляди и мускуса дѣлаютъ на оборотъ невода туже, чтобы нижняя тетива шла по самой землѣ, а верхняя хотя бы и топтуя.—ничего: эти рыбы идутъ по самому дну и фарватеру; изъ же не любить фарватера и идти тихо водою и вполводы; налимъ идетъ тихо и неправильно, но по самому дну, не наблюдая фарватера. Строи рыбы воронѣ хода различны. Нельма идетъ безъ строя, небольшими партиями. Объ этомъ судить потому, что она добывается въ неводахъ не болѣе трехъ, четырехъ въ каждой тоннѣ. Сырокъ идетъ строектъ и добывается отъ 50 до 100 въ тоннѣ. Осетръ идетъ безъ строя и добывается отъ 2 до 5—6 въ тоннѣ. Мускусъ же и стерлядь идутъ строектъ и добываются отъ 50 до 100—150 въ тоннѣ, а изъ даже до 500 и болѣе. Нѣкоторыя рыбы идутъ болѣе днемъ,

а ночью дѣлаютъ стоянки; другія на противъ идутъ ночью, а днемъ останавливаются. Такъ, нельма, стерлядь и сырокъ добываются преимущественно днемъ, мускусъ же ночью, особенно нѣсть полночи, на зарѣ; слѣдовательно, онъ днемъ отдыхаетъ, а ночью предъ утромъ идетъ. Осетръ также идетъ болѣе ночью, равно какъ и изъ,—особенно послѣ вечерней зарѣ до полночи. Налимъ идетъ всегда ночью, а днемъ, вѣроятно, останавливается для корма и отдыха. О налимѣ нужно замѣтить, что въ неводахъ его не добываются, потому что въ это время онъ еще не доходитъ до Нарымскаго края: промыселъ его начинается уже съ Ноября до 25 Декабря, по пе неводамъ, а самодолами. Вся подъемная рыба идетъ до Иртыша, не сворачивая ни въ одинъ обскій притокъ, и только идѣть начинаетъ расходиться: нѣкоторыя партии идутъ въ Иртышъ и иногда доходятъ до его верховья, а другія идутъ прямо по Оби. Именно: осетръ, стерлядь и нельма идутъ до самаго истока Иртыша и становятся постоянными жителями его; мускусъ же въ Иртышѣ доходитъ только до села Рынолова, не болѣе 100 верстъ отъ устья его и, бросивъ икру, спускается въ Обь. Сырокъ вовсе не идетъ въ Иртышъ, а неуклонно слѣдуетъ въ верховья Оби до самаго Томскаго устья, по далѣе села Богородскаго не уходитъ. Нельма въ Обѣ идетъ также не болѣе этого мѣста и обращается внизъ. Изъ заходить во всѣ притоки Оби съ бѣлою водою, но главный путь его Обь—до села Богородскаго. Всѣхъ неразборчивы для постоянного мѣстообитанія налимъ; онъ идетъ по всѣмъ иловатымъ обскімъ притокамъ, не разбирая качества воды; заходитъ и въ Иртышъ, и въ Вахъ, и въ Томь, и въ Вась-юганъ, и въ Кеть, а во Оби идетъ до самаго Барнаула. Въ Томь приходитъ налимъ въ Октябрѣ, остается тамъ безвыходно и дѣлается постояннымъ жителемъ.

Къ осѣдлымъ туземнымъ рыбамъ собственно нарымскихъ водъ принадлежатъ щука, плотва, окунь, ершъ, елецъ, карась, линъ, чебакъ и пискарь или искогобъ, какъ называютъ его нарымские промышленники. Кроме ихъ, понаходятъ еще въ Нарымскомъ краѣ рыбы, западшія въ Обь изъ ея притоковъ, именно: таймень и подъязыкъ. Всѣхъ этихъ рыбъ можно разделить, по мѣсту нахожденія, на обскіхъ, приточныхъ къ озерамъ. Къ первымъ относятся: щука, елецъ и пискарь.

По мѣсторожденію и постоянному мѣстообитанію щуки, впрочемъ, нельзя еще сказать, чтобы она исключительно принадлежала Оби: сколько ее можно назвать жительницей этого

Обского бассейна. Она встречается в Оби, начиная от самого моря до ее вершин и истоков и обитает по всему притокамъ, равно какъ живет по берегамъ соровыхъ и боровыхъ. Постоянное пребывание ей въ притокахъ Оби, Тыма, Васъ-Югана и проч., обозначается тѣмъ, что изъ этихъ рекъ она имѣть особый темный цветъ чешуи и особый вкусъ мяса. Обская щука обыкновенно бываетъ съ блѣдою чешуею и бѣлымъ мясомъ, которое довольно вкусно и пѣжно весной, предь наступаніемъ икры, и не много уступаетъ речесу нельмы. Икра щуки выпускается весной, а въ зимніе мѣсяцы икра ея вступаетъ только въ періодъ зрѣлости и бываетъ лучшаго вкуса. Обская щука встречается отъ 1 до 30 ф., въ боровыхъ же озерахъ, по показанію туземцевъ, она встречается громаднаго размѣра — отъ 2 до 3 аршина. Говорятъ, что, при такой массивности, щуки глотаютъ плавающихъ утокъ и гусей и эта хищность дала поводъ нарымскимъ обитателямъ придумать о большихъ боровыхъ озерахъ многія сказанія и считать ихъ за нечистыхъ духовъ, а озера называть нечистыми — воганными, изъ которыхъ даже и воду пить грѣшино. Къ числу такихъ озеръ причисляются озера Окуневое, Крутоберегово и Дикое, находящіяся близъ Нарыма.

Въ некоторыхъ боровыхъ озерахъ, рассказываютъ туземцы, встречаются язи и даже сирки. Поэтому, можно думать, что въ Нарымскомъ краѣ когда-то было необыкновенное народненіе, во время которого залились озерами котловины и образовали постоянныя озера, а стремительная убыль воды была причиной того, что въ нихъ могли остаться морскій подъемный рыбы.

Елецъ принадлежитъ къ семейству сельдей. Ростъ его съ Туруханскою сельдью, онъ съ блѣдою чешуею и довольно вкусенъ. Туруханская сельдь; онъ съ блѣдою чешуею и довольно вкусенъ. Елецъ О метаний икры ельца мы не можемъ ничего сказать. Елецъ водится преимущественно въ Оби на тихихъ и мелкихъ мѣстахъ и любить песчаный грунтъ въ руслахъ рекъ. Ивородцы весною промышляютъ его маленькими неводами и приготовляютъ изъ него лучшую порсу.* Весною елецъ бываетъ очень жиренъ и изъ пузырьковъ его приготовляютъ отличный жиръ.

Пинкаръ водится въ Оби, но въ очень небольшомъ количествѣ. Кажется, онъ обитаетъ и по притокамъ Оби, но объ

* Порса — изжаренная толченая мелкая рыба. Томскіе инородцы называютъ порсу уракомъ.

этомъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Подъязыковъ Оби добываются множествомъ. Они не составляютъ особой породы рыбъ и въ сущности ни что иное, какъ недоросли изъ нарымскаго приплода. Встречаются ихъ во всѣхъ притокахъ Нарымскаго края, кроме верховьевъ Оби и Томи. Во Оби изъ встречается только до села Богородскаго.

Таймень не принадлежитъ къ Нарымской фаунѣ: онъ является изъ верховьевъ Оби и въ Нарымскомъ краѣ встречается весьма рѣдко. Таймень принадлежитъ къ семейству лососей. Величина его въ Нарымскомъ краѣ бываетъ отъ 5 до 35 фунтовъ; вкусъ его мяса средний между нельмой и щукой; икра красная.

Плотва, чебакъ, окунь и ершъ скорѣе скорѣе должны называться рыбами приточныхъ, чѣмъ обскими, хотя ихъ много обитаетъ въ Оби и во всѣхъ озерахъ Нарымскаго края. Чебакъ и плотва имѣть между собою очень мало различій: также чешуя, почти тотъ же ростъ у обоихъ; плотва, широчеъ, нѣсколько менѣе чебака и мясо съ вкусомъ. Преимущественное пребываніе этихъ рыбъ — соровые озера. Осенью, когда озера покроются льдомъ, ихъ добываются во множествѣ неводами.

Окунь добывается большинствомъ въ соровыхъ озерахъ. Есть озера, въ которыхъ добывается почти одинъ окунь. Ерши живутъ въ Тымѣ, Кети и, вероятно, въ другихъ притокахъ Оби; но такъ какъ наль не случалось слышать, то мы и не беремся ни отрицать, ни утверждать присутствія ихъ въ Васъ-Юганѣ или другихъ рѣчкахъ. Но что ершъ не живеть въ озерахъ, это положительно известно. Окунь въ Нарымскомъ краѣ встречается отъ $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ ф. величиною, ерши отъ 2 до 4 дюймовъ.

Карась и линь — чисто озерныхъ рыбы. Въ Оби они встречаются чрезвычайно рѣдко. Характеръ этихъ рыбъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ не выходитъ изъ своихъ жилищъ, т. е. изъ того озера, въ которомъ родились, въ другій озеро, а живутъ въ нихъ постоянно, несмотря на то, что озера эти затопляются каждогодно весеннею водою. Доказательствомъ этому служить то, что есть озера, въ которыхъ караси ни когда не переводятся. Заплывшіе же караси въ Оби перемѣняютъ цветъ чешуи и изъ золотисто-желтыхъ дѣлаются блѣдно-желтыми. Карась и линь любятъ жидкую пищу, могутъ и бенгера озера пополоскать.

травою. Карась, зарывшись въ тину, не выходитъ изъ нея и линь предъ ущербомъ или рождениемъ луны гуляетъ не сколько, дней по своему иловатому жилищу. Время метания икры карася и лини неназлѣдано съ точностью, но принять во внимание то обстоятельство, что они во всякое время года встречаются икринные, можно думать, что они оплодотворяются или не однажды въ годъ, или безъ определенного времени, какъ красная рыба: осетръ и стерляди. Величиною караси встречаются отъ $\frac{1}{4}$ до 5 ф., лини отъ $\frac{1}{4}$ до 3 ф. Линей въ Нарымскомъ краѣ не такъ много, какъ карасей: они встречаются преимущественно въ соровыхъ озерахъ Парабельской волости. Мясо линия гораздо вкуснѣе карася. Оно жиреннѣе особенно осенью, но, какъ карась, отзыается типою.

Добыча всѣй исчисленной выше рыбы въ Нарымскомъ краѣ производится неводами, самоловами, рѣжениками, сѣтями, чердачными и переметами. По приблизительнымъ, далеко уменьшеннымъ, вычислениямъ, она простирается въ годъ до слѣдующихъ цифръ:

Осетра	-	-	-	-	-	до 500 и болѣе пуд.
Стерляди	-	-	-	-	-	до 4-т. пуд.
Нельмы	-	-	-	-	-	до 500 пуд.
Муксунъ	-	-	-	-	-	до 1000 штуки.
Сырковъ	-	-	-	-	-	до 4500 штуки.
Язей	-	-	-	-	-	до 25-т. штуки.
Налима	-	-	-	-	-	до 15-т. пуд.
Щуки	-	-	-	-	-	до 4-т. пуд.
Карасей	-	-	-	-	-	до 2-т. пуд.
Окуней	-	-	-	-	-	до 600 пуд.
Подъялковъ	-	-	-	-	-	до 2-т. штуки.

Цѣны на рыбу на мѣстѣ добычи ея простираются приблизительно до слѣдующихъ размѣровъ:

Осетра	-	-	-	-	пудъ отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. 30 коп.
Стерляди	-	-	-	-	70 коп. до 1 руб. 20 коп.
Нельмы	-	-	1 руб. 50 коп.	до 2 руб. 25 коп.	
Муксунъ	штука	-	15 коп. до	-	20 коп.
Окунь и караси	пудъ	-	40 коп. до	-	80 коп.
Язя и сырка	за штуку	-	2 коп.	до	3 коп.